

Ю. А. АБСАЛЯМОВА ОРЕНБУРГСКИЕ БАШКИРЫ

Ю. А. АБСАЛЯМОВА

ОРЕНБУРГСКИЕ БАШКИРЫ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
И С С Л Е Д О В А Н И Е

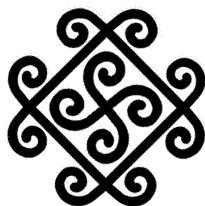
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Ю. А. АБСАЛЯМОВА

ОРЕНБУРГСКИЕ БАШКИРЫ

**ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
И С С Л Е Д О В А Н И Е**

Уфа
2016

УДК 39 (470.57)
ББК 63.5 (2Рос.Баш)
А89

Утверждено к печати Ученым Советом Института истории,
языка и литературы Уфимского научного центра РАН

Рецензенты:
доктор исторических наук *Е. С. Данилко*
кандидат исторических наук *Н. М. Калмантаев*

Абсалямова Ю. А.

А89 Оренбургские башкиры: историко-этнографическое исследование / ИИЯЛ
УНЦ РАН. – Уфа, 2016. – 184 с. : ил.

ISBN 978-5-9613-0424-4

В монографии впервые на основе обширного полевого и архивного материала освещены история и этнокультурный облик башкир, проживающих в Гайском, Кувандыкском, Саракташском районах Оренбургской области. Раскрыты их история расселения в оренбургских степях, межэтнические контакты, родоплеменной состав, хозяйство, строительство традиционных построек.

Для историков, этнографов, краеведов и всех интересующихся историей башкирского народа.

УДК 39 (470.57)
ББК 63.5 (2Рос.Баш)

ISBN 978-5-9613-0424-4

© Абсалямова Ю. А., 2016.

ПРЕДИСЛОВИЕ

По данным переписи 2010 г., в России проживало 1 584 554 башкира. Башкиры составляют четвертый по численности народ в стране, уступая русским (111 млн), татарам (5,3 млн), и украинцам (1,9 млн). При этом, на территории Республики Башкортостан проживает 74 % от всей численности башкир в стране, а оставшиеся 26 % расселены в основном в соседних с республикой регионах. Последнее является результатом административно-территориальных преобразований, проводившихся в 1930-х гг. при построении Советского государства. Тогда при определении границ новообразованной БАССР национальный состав территории зачастую не учитывался в силу различных причин политического и экономического характера¹. Так, огромная территория, населенная башкирами, оказалась в составе Челябинской области. По переписи 2010 г., там проживало 162 513 башкир. Второе место по численности башкир за пределами республики занимает Оренбургская область, где последней переписью зафиксировано 46 696 башкир.

В разные периоды территория современной Оренбургской области входила в состав различных административных единиц: обширной Уфимской, позже Оренбургской губернии. То есть вплоть до первой четверти XX в. башкиры, проживающие на этой территории, находились в одних административных границах с этническим ядром. И лишь в результате национально-территориального размежевания 1930-х годов значительная часть башкир, в том числе проживающих на территории Оренбургской области, стала административно отделенной от основной массы своего народа (Карта 1). На территории области оказались башкиры, относящиеся к разным этнографическим группам. Западные районы населяют «ток-чуранские» башкиры (*Тук-Соран башкорттары*), относящиеся к юго-западной этнографической группе [Калмантаев, 2000]. Название им дано по рекам Ток (башк. *Тук*), Большой и Малый Уран (башк. *Соран*). На востоке области, в Кувандыкском, Гайском и Саракташском районах, проживает другая многочисленная группа башкир,

---

¹ В первые века пребывания в составе России башкиры населяли территорию от среднего течения и верховьев Тобола до Волги в районе Саратова и Самары, от реки Илек и Яик (Урал) до среднего течения Камы и низовьев Сылвы. В настоящее время это территория Республики Башкортостан, Оренбургской, Челябинской, Курганской областей и частично – некоторых районов Пермской, Самарской, Саратовской, Свердловской областей и Республики Татарстан [История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С.3, 111].

расселенная по бассейнам рек Сакмара, Губерля, Каялы, Кураган, Катралы, Касмарт. Больше всего башкир проживает в Кувандыкском и Гайском районах – 5632 (23,1 % населения района) и 2522 (20,7 %) человека соответственно; в Саракташском районе они составляют значительно меньшую долю населения – 4,4 % при численности 1853 человека [данные переписи 2002 г.]. Башкиры Восточного Оренбуржья являются частью крупной юго-восточной этнографической группы башкир¹. История расселения юго-западной и юго-восточной этнографических групп на территории оренбургских степей различна, поэтому представляется целесообразным изучение их по отдельности. В данной книге будут изложены история и особенности традиционной культуры башкир, проживающих в восточных районах Оренбургской области. Надо отметить, что если история и этнография ток-чуранских башкир получили некоторое освещение в научной литературе, то башкиры Восточного Оренбуржья до последнего времени оставались практически неизученными.

Основная масса башкир Восточного Оренбуржья проживает в однонациональных населенных пунктах, основанных в XVIII–XIX вв. В настоящее время в Гайском районе насчитывается пять башкирских населенных пунктов, в Кувандыкском – двадцать три, в Саракташском – девять. Реже башкиры проживают в селах со смешанным национальным составом совместно с татарами, русскими и казахами.

Язык башкир Восточного Оренбуржья относится по одной классификации относится к сакмарскому говору [Диалектологический словарь башкирского языка. С. 6], по другой – к ик-сакмарскому говору южного диалекта башкирского языка [Словарь башкирских говоров. С. 7].

По данным Р. М. Юсупова, в антропологическом типе среди оренбургских башкир достаточно отчетливо выделяются понтийский (варианты: памиро-ферганский, закаспийский) и южносибирский типы. Характерные для первого типа признаки, такие как темная пигментация волнистых волос, кожных покровов, роговицы глаза, выступающая форма спинки носа, умеренно высокое и относительно широкое лицо при брахикранной форме черепа, узкий выступающий нос при относительно высоком и узком лице, а также удлинённая форма головы, встречаются больше среди мужской части оренбургских башкир. Не менее распространен среди них и южносибирский тип, для которого свойственны такие признаки как крупные размеры головы, широкое высокое лицо, умеренно выступающие носы, смешанные оттенки глаз, темная пигментация кожных покровов и прямых жестких во-

---

¹ Термин башкиры Восточного Оренбуржья употребляется условно. В Восточное Оренбуржье входят Адамовский, Гайский, Домбаровский, Кваркенский, Кувандыкский, Новоурский, Светлинский и Ясенский районы. Башкиры проживают компактной группой по правому берегу реки Урал, то есть в Гайском и Кувандыкском районах, а также в Саракташском районе Центрального Оренбуржья. Но так как башкиры данных районов образуют единую этнографическую группу, их мы и будем иметь в виду под башкирами Восточного Оренбуржья.

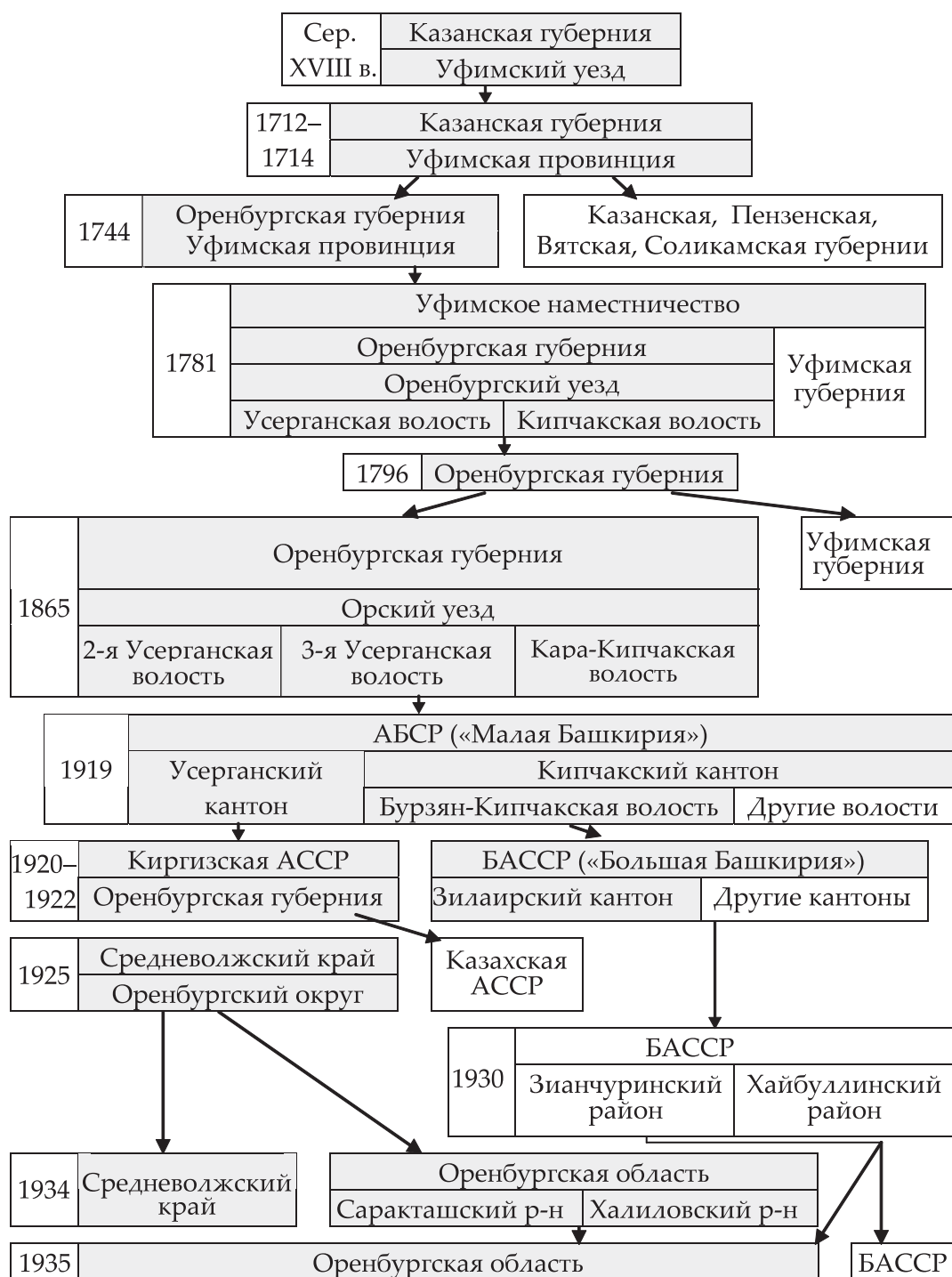

лос. В своем происхождении понтийский тип среди оренбургских башкир восходит к древнему европеоидному населению эпохи раннего железного века в лице сако-массагетов и широкого круга сармато-аланского населения Южного Урала и правобережья реки Урал. Смешанный южно-сибирский антропологический тип более позднего происхождения среди башкир и фиксируется в их составе с эпохи средневековья. Этот тип сформировался в результате взаимодействия древнего европеоидного населения с гуннами и древними тюрками VI–IX вв. [из личного архива Р. М. Юсупова].

Оренбургские степи располагаются на севере крупного Урало-Аральского региона, в котором издревле сложился сезонный цикл кочевания. Это обусловило прочную, веками устоявшуюся здесь традицию кочевого, а затем полукочевого скотоводческого хозяйства. Известно, что башкиры долгое время совершали перекочевки далеко на юг, в верховья рек Орь и Эмба. Лишь после строительства Российским государством в 1730–1750-е гг. пограничной крепостной линии переход на левый берег Яика (Урала) был ограничен. Но и после произошедшего позднее перехода к смешанному скотоводческо-земледельческому хозяйству выходы на летние кочевья (*йэйләү*) у юго-восточных башкир продолжали существовать вплоть до начала XX в.

Географические условия определили также еще одну особенность региона. Оренбургские степи в географическом и этнокультурном отношении долгое время являлись пограничной зоной. Здесь проходила граница между Великой Степью и горнолесными массивами Южного Урала, а естественные рубежи, как известно, всегда играют роль этнических границ. Кроме того, через территорию области с востока на запад протекает крупная водная артерия – река Урал (Яик), которая служила естественной границей не только между Азией и Европой, но и между различными племенами и народами в разные исторические периоды. Ее рубежное значение сохранялось вплоть до XIX в. Начиная с XIV в. башкиры оренбургских степей находились в тесных взаимоотношениях с кочевыми народами (ногаями, калмыками, казаками), а с началом деятельности Оренбургской экспедиции в 1730-е гг. – с переселенческим земледельческим населением (татарами, русскими, украинцами). Таким образом, население оренбургских степей на протяжении многих веков находилось в пограничной зоне, что обуславливало активные межэтнические контакты и проистекающие от этого этнокультурный обмен и интеграционные процессы. Все это обусловило сложный процесс этнической истории, ассимиляцию местного башкирского населения инородными компонентами различного происхождения.

Территория современной Оренбургской области вошла в состав Русского государства с принятием российского подданства юго-восточными башкирскими племенами усерган, бурзян, кипчак и тамьян в середине XVI в. [Башкирские шежере, С. 73–74]. Изучаемая территория вначале входила в Уфимский уезд Казанской губернии; с 1712–1714 гг. – в новообразованную Уфим-

скую провинцию той же Казанской губернии [Биккулов, 2006]. Но фактическое укрепление российской власти в регионе произошло только в первой половине XVIII в. Началось оно со строительства Оренбургской пограничной линии, которую образовали крепости и редуты, возведенные в 1735–1743 гг. С образованием 15 марта 1744 г. Оренбургской губернии территория края вошла в нее в составе Уфимской провинции. В 1781 г. по новому «Учреждению о губерниях» вместо Оренбургской губернии образуется Уфимское наместничество, состоявшее из двух областей – Оренбургской и Уфимской. Территория нынешнего Восточного Оренбуржья находилась в составе Оренбургского уезда Оренбургской области. В 1796 г. Уфимское наместничество преобразовано в Оренбургскую губернию; изучаемая территория вошла в Оренбургский уезд в ее составе, а именно – в Усерганскую и Кипчакскую волости уезда. В 1865 г. губерния разделена на Оренбургскую и Уфимскую губернии. При этом бывшая крепость, а затем станица Орская становится уездным городом, и изучаемая территория входит в состав новообразованного Орского уезда – одного из самых крупных уездов губернии. По данным на 1916 г., территория всей губернии составляла 165 712 кв. верст, из них 32 691 (19,6 %) приходилась на Оренбургский уезд, 40 807 (24,5 %) – на Орский, 43 769 (26,3 %) – на Верхнеуральский, 20 551 (12,3 %) – на Троицкий, 28 894 (17,3 %) – на Челябинский [Соколов, 1916. С. 8]. Со временем из Оренбургской губернии были выделены несколько уездов (Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский), в ее составе остались только Оренбургский и Орский уезды, и губерния территориально стала принимать очертания современной Оренбургской области.

В Орском уезде в то время башкирское население проживало достаточно компактно. На большей части нынешнего Восточного Оренбуржья в течение XVIII–XIX вв. располагались 1-я, 2-я, 3-я, 4-я Усерганские волости. В начале XX в. волости стали дробиться, и к 1926 г. их стало уже десять. Значительная часть Восточного Оренбуржья – Гайский и восточная часть Кувандыкского района, – входила в 3-ю Усерганскую волость, а часть современных Кувандыкского и Саракташского районов – во 2-ю Усерганскую волость, несколько деревень Саракташского района – в Кара-Кипчакскую волость Оренбургского (позже Орского) уезда.

После установления Советской власти произошли крупные перемены в административно-территориальном делении края. В 1919 г. с образованием Малой Башкирии (Автономной Башкирской Советской Республики) по «Соглашению Центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской автономной Башкирии», Усерганская волость с центром в дер. Идельбаево была включена в ее состав в качестве Усерганского кантона¹ [Башкирская энциклопедия. Т. 1. С. 67]. Часть населенных пунктов совре-

¹ В Усерганский кантон вошли бывшие волости Орского уезда: 1-я Усерганская, 2-я Усерганская, 3-я Усерганская, 4-я Усерганская, 5-я Усерганская, 6-я Усерганская, Салиховская, Усер-

менного Саракташского района – деревни Кабаново, Чанким-Биктимирово, Кульчумово, Карагузино, Райманово – вошли в Бурзян-Кипчакскую волость Кипчакского кантона. С образованием Большой Башкирии 21 июля 1922 г. Усерганский кантон оказался в составе более крупного Зилаирского кантона, на основе которого позднее были образованы Зианчуринский и Хайбуллинский районы БАССР. С 1920 года большая часть территории Оренбуржья входила в состав Киргизской АССР¹, столицей которой был г. Оренбург. В 1925 году с переименованием ее в Казахскую (в старом написании до 1936 года – Казакскую) ССР центр был перенесен в Кзыл-Орду. Оренбургская губерния вошла в качестве округа в Средневолжский край, из которого 7 декабря 1934 году была выделена Оренбургская область². В целом, в ходе административно-территориальных преобразований советского периода к БАССР отошли населенные пункты с преимущественно башкирским населением, а к Оренбургской области – с русским и украинским. Однако позже к территории области была присоединена часть Зианчуринского района (бывшей Усерганской волости) БАССР с башкирскими населенными пунктами. Помимо этого, из Бурзян-Кипчакской волости в состав Оренбуржья были переданы башкирские деревни Карагузино, Кульчумово, Райманово, Чанким-Биктимирово, Кабаново, из Усерганской волости – Кидрячево.

Итак, с середины 30-х годов XX в. изучаемая территория входит в состав Кувандыкского, Саракташского и Гайского районов Оренбургской области. По переписи 1959 года, здесь проживало 30 126 башкир, что составляло 2 % населения области. В 1979 году переписью в области зафиксировано 43 000, в 1989 году – 53 339 башкир (2,5 % населения). Из них в Кувандыкском районе проживали 5,4 тыс. человек (24,6 % населения района), в Гайском – 2,7 тыс. человек (21,1 %) [Зобов, 1994. С. 113]. По переписи 2002 года, во всей Оренбургской области проживало 52 685 башкир, а в 2010 – 46 696.

Таким образом, в отдельную этнографическую группу башкиры Восточного Оренбуржья выделились только с 30-х годов XX в., когда они оказались в отрыве от этнического ядра, в иноэтничном и полиэтничном окружении. Это способствовало более быстрым темпам ассимиляционных процессов с соседними народами – русскими, украинцами, татарами, казахами и нивелированию их культурных различий. В настоящее время у башкир изучаемой группы во многом еще сохранились элементы традиционной культуры.

ган-Хайбуллинская, Самарская, Федоровская, Поимская, Демократическая, Кувандыкская, Канчуровская, Куруильская, Чеботаревская.

¹ Автономия была образована из Уральской, Тургайской и Семипалатинской областей, северной части Закаспийской области, Букеевской губернии и оставшейся южной части Оренбургской губернии.

² Часть селений Усерганской волости Зилаирского кантона передавалась в ведение Орского уезда Киргизской АССР. Это: деревни Верхняя и Нижняя Чебаклы, Абубакирово, Мухамет-Шарипово, Ишбердино, Узенбаево и хутор Черкасский.

В основном они выделяются в духовной культуре, в частности, в обрядовой сфере. В материальной культуре, которая, как известно, является наиболее пластичной, переплелись традиции многих соседних народов, и сейчас более актуально изучать ее как результат взаимодействия различных культур. Наиболее значительные изменения в традиционной культуре оренбургских башкир связаны с советским и постсоветским периодами. Политика унификации в годы советской власти привела к нивелированию многих традиционных черт. В 1990-е годы начинается процесс возрождения национального самосознания. После образования Всемирного курултая башкир с центром в г. Уфе начинает работу его региональное отделение в Оренбургской области. Создаются также районные отделения в местах компактного проживания башкир. Вводится преподавание башкирского языка в национальных школах. Издается газета на башкирском языке «Караван-сарай» периодичностью два раза в месяц и тиражом в 1000 экземпляров. Однако последние два десятилетия характеризуются тенденцией спада национальной активности. Ухудшилась ситуация с преподаванием башкирского языка. Если в 2006 году родной язык башкирские дети изучали в 47 учреждениях, то в 2012–2013 учебном году лишь в 19 школах [Региональная этнокультурная политика... С. 10–15; Амелин В. В. и др..., 2013. С. 20].

История и этнография башкир Восточного Оренбуржья до сих пор остаются малоизученными. Литература по теме исследования крайне малочисленна. Специальных исследований по каким-либо аспектам истории и этнографии непосредственно башкир Восточного Оренбуржья не проводилось. И все же отдельные стороны их традиционной культуры нашли отражение в литературе.

Дореволюционная историография ценна тем, что в ней зафиксированы утраченные ныне сведения по этнографии башкир. Изучение русскими исследователями Оренбургского края началось одновременно с его освоением. Одной из задач Оренбургской экспедиции был сбор сведений по экономике, географии и истории края. В работах участника экспедиции П. И. Рычкова сохранились сведения о родоплеменном составе и хозяйстве башкир. Во второй половине XIX в. появляется больше информации, относящейся к оренбургским башкирам. Большую ценность представляют работы П. С. Назарова, который побывал непосредственно у усерган и кипчаков. Им записан ряд преданий о происхождении и расселении башкир, о принятии ими ислама, а также зафиксирован родовой состав этих племен. В его работе «К этнографии башкир» (1890) приводятся интересные данные, свидетельствующие о сохранении традиций полукочевого хозяйства у южных башкир в конце XIX в. Ценной в изучении этнографии оренбургских башкир является работа М. Баишева «Деревня Зианчурина Орского уезда Оренбургской губернии» (современный Кувандыкский р-н), опубликованная в 1895 году в «Известиях Оренбургского отдела Императорского русского географического обще-

ства». В ней дается характеристика хозяйства башкир-усерган в конце XIX в. – описываются выходы на летовку, состояние земледелия и т. д. Автор оставил подробное описание традиционного строительства башкир, проживающих в лесостепной местности Восточного Оренбуржья, их свадебных и родильных обрядов, духовной жизни, представлений о мироустройстве.

Работа Д. Н. Соколова «О башкирских тамгах» стала первым крупным исследованием башкирских тамг и до сих пор не утратила своего значения. В ней впервые дана методология изучения тамг. Исследуются в числе прочих тамги усерган (730 тамг) и кара-кипчаков. Содержатся ценные наблюдения по составу племени усерган: автор предполагает частичное вхождение в их состав болгар, а также компонентов других племен – тунгаур, бурзян. В работе приводится полный список тамг деревни Илячево Усерганской волости.

Литература, касающаяся непосредственно оренбургских башкир, посвящена в основном этнической истории племен усерган и кипчак, их появлению в оренбургских степях. Ранняя история и этнические процессы в регионе нашли отражение в трудах Р. Г. Кузеева. Следует отметить, что этот ученый был одним из немногих, кто собирал полевой материал в деревнях Восточного Оренбуржья. Многие сформулированные Р. Г. Кузеевым положения до сих пор остаются основополагающими в науке о происхождении башкир. По мнению Р. Г. Кузеева, юго-восточные башкиры сформировались на основе смешения древнебашкирских племен, которые появились в Южном Приуралье (Бугульминско-Белебеевская возвышенность) в X в., с обитавшими здесь кочевниками тюркского происхождения. Позже в состав башкир вошли кипчакские группы, образовав самостоятельное племя, часть которого расселилась в Восточном Оренбуржье. Дальнейшую этническую историю башкир этого региона он рассматривает на фоне взаимодействия с соседними кочевыми народами – казахами и калмыками. В его работах также получила освещение история расселения племен усерган и кипчак.

Исследованием родоплеменного состава башкир занимался башкирский этнограф Р. З. Янгузин, в работах которого определены территория расселения башкирских племен усерган и кипчак, их тамги, этническая история [Янгузин, 1998].

Сведения о родоплеменной принадлежности башкир, названиях деревень Гайского, Куvandыкского и Саракташского районов содержатся в совместной работе лингвистов А. А. Камалова и Ф. У. Камаловой «Атайсал» [Камалов, Камалова, 2001]. На основе архивных источников, исторических преданий и полевых материалов эти авторы воссоздали родоплеменную принадлежность и родовые подразделения этой группы башкир. Надо отметить, что в их книге содержатся некоторые неточности в названиях населенных пунктов Восточного Оренбуржья. Несмотря на это, работа является единственной в своем роде и представляет ценность для изучения этнического состава населения края.

Специальная работа, посвященная оренбургским башкирам, вышла в 1996 году в связи с проведением первого Всемирного курултая башкир – «Башкиры и Оренбуржье: история и современность». Это тематический сборник статей по оренбургским башкирам, в котором раскрываются различные аспекты истории и социально-экономического развития Оренбургского края. Через 10 лет вышел еще один сборник со схожей тематикой «Этническая история и духовная культура башкир Оренбуржья: история и современность (к 160-летию открытия Караван-Сарая)» (Оренбург, 2006). Обстоятельная статья, посвященная истории оренбургских башкир в первой четверти XX в. вышла в 5-м томе семитомного издания «История башкирского народа» [ИБН. Т. V. С. 375–384].

Ценность представляют и работы местных историков-краеведов. Краеведы Хайбуллинского и Зианчуринского районов РБ Р. Р. Рахимов, Р. Н. Насыров, М. С. Тулябаев, Х. Сагитов на основе полевых материалов проделали большую работу по восстановлению истории расселения усерган. Их работы опубликованы в республиканских журналах «Агидель», «Ватандаш». Особо следует выделить роль Р. Р. Рахимова, собравшего обширный материал по истории расселения и родоплеменному составу усерган, истории усерганских деревень. Интересная информация о разделении земель между родами у этой группы содержится в «Земельном шежере», опубликованном Р. Г. Насыровым в работе, посвященной истории Хайбуллинского района [Насыров, 2000].

В XIX в. издавались различные сборники, содержащие систематизированные сведения о населении губерний России. Отдельно можно выделить данные по численности башкир. В 2001 году был опубликован сборник «Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг.». Хотя в целом он предлагался как труд, посвященный изучению численности, этнического состава и социально-экономического положения западных башкир, авторы сочли целесообразным опубликовать в нем и материалы ревизий по всем башкирам. Так, сборник содержит данные VIII ревизии 1834 года по ведомостям башкирских и мишарских кантонных начальников и земских исправников о численности башкир, мишарей и тептярей по 19 уездам Оренбургской, Пермской, Вятской губерний. В них имеются ценные сведения о численности, родовом расселении и хозяйстве башкир Усерганской и Кипчакской волостей. В конце XIX – начале XX вв. издавались «Списки населенных мест» губерний Российской империи, которые содержали сведения по каждому населенному пункту: об их географическом местоположении, количестве дворов, жителях мужского и женского пола. В них приводилась также географическая и этнографическая характеристика края, данные об экономическом положении населения и т. д.

Этнографические экспедиции, проведенные башкирскими исследователями в советский и постсоветский периоды, к сожалению, практически не затронули территорию Восточного Оренбуржья. Можно назвать только две

диалектологические экспедиции ИИЯЛ 1976–1977 годах, работавшие в Гайском, Кувандыкском и Саракташском районах¹. Деятельность этнографических экспедиций возобновилась в 2000-е годы. В 2004–2006 годах проведены три комплексные этнографо-антропологические экспедиции отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН в Западное и Восточное Оренбуржье². В 2014–2015 годах проводились исследования в Саракташском и Кувандыкском районах. Программа экспедиций включала антропологические (дерматоглифика, серология, антропологическое фотографирование) и этнографические исследования. Кроме того, в 2011–2012 годах в этих же районах был собран материал сотрудниками отдела фольклористики ИИЯЛ УНЦ РАН.

Данная монография призвана восполнить имеющийся пробел в историографии этнокультурного развития башкир, проживающих за пределами Республики Башкортостан. В работе даны характеристика исторического развития, родоплеменного состава, а также хозяйственной деятельности башкир Восточного Оренбуржья.

Исследование выполнено в отделе этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. Многие аспекты тем нашли отражение в публикациях автора.

Выражаю признательность коллегам из ИИЯЛ и нынешнему заведующему отделом, директору, д.г.н., профессору А. В. Псянчину за участие в обсуждение рукописи, высказанные замечания и пожелания. Хочу почтить память моего научного руководителя, бывшего заведующего отделом этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН к.и.н. Р. М. Юсупова, под руководством которого данное исследование было подготовлено и защищено в качестве кандидатской диссертации в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Благодарю свою семью и всех своих информаторов за бесценную помощь, оказанную при подготовке данной книги.

---

¹ В состав экспедиции входили Максютова Н. Х. (руководитель экспедиции), Азнагулов Р. Р., Гильманова С. Р., Ишбердин Э. Ф., Надергулов У. Ф., Дильмухаметов М. И., Гареева Г. Г. Исследованиями были охвачены населенные пункты: Сабаклы, Байказак, Идельбаево, Ибрагимово, Бурангулово, Б. Чураево, Юмагузино 2-е, Акчурино, Сунарчино, Рыскулово.

² В составе экспедиций работали Юсупов Р. М. (руководитель экспедиции), Давлетшина З. М., Каримова Р. Н., Абсалямова Ю. А., Илимбетова А. Ф., Батыршина Г. Р. Исследованиями были охвачены населенные пункты: Старохашилово (Байказак), Ахун, Нарбулатово, Ишкенино, Нововоронеж, Ишберда, Чураево, Ибрагимово, Ишмуратово.

Глава 1

ИСТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ И РОДОПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ

Древнее население степей Восточного Оренбуржья и его роль в этнической истории башкир

Территория современной Оренбургской области исторически входила в огромный кочевой мир Евразии и представляла собой северную окраину Великой Степи. Оренбургские степи находились на пути массовых миграций населения как с востока на запад, так и с юга на север. Расположение в центре Евразии, на границе степи и лесостепи, определило контрастность этнического состава региона. На протяжении многих веков здесь сменялись различные племена и культуры. Население в контактных зонах всегда бывает неоднородным. Тесные и разносторонние контакты местного населения на всех этапах развития, начиная с каменного века до позднего средневековья, прослеживаются на основе всех исследованных на сегодняшний день археологических памятников. С конца IV по начало II тысячелетия до н. э. здесь проживали племена ямной культуры, расселявшейся по всей степной зоне Восточной Европы. Ямники были первыми металлургами в оренбургских степях. Кроме того, именно в среде ямной культуры в конце II тысячелетия до н. э. произошел переход от оседлого скотоводческо-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству, которое просуществовало в южноуральских степях на протяжении почти двух тысячелетий. В конце III тысячелетия до н. э. племена ямников подверглись нашествию пришедших с юга племен катакомбной культуры. Но восточная часть ямных племен, расселявшаяся в Волго-Уральском междуречье и в Приуралье, видимо, смогла сдержать натиск, о чем свидетельствует преобладание здесь памятников ямной культуры в катакомбное время. Раскопки отдельных курганов свидетельствуют о контактах племен ямной и катакомбной культур (Новотроицкие курганы). В течение последующих XX–XVIII вв. до н. э., судя по пестроте археологических материалов, в Поволжье и Приуралье происходили бурные события, связанные с переселением, смешением и ассимиляцией различных этнических групп [Моргунова, 2004. С. 62–68]. Восточную часть территории современной Оренбургской области стали занимать племена, входившие в андроновскую общность Казахстана и Западной Сибири (могильник у с. Ново-

Аккермановка Новоорского района; Новотроицкий могильник; могильник у с. Хабарное Гайского района), а на западе – племена срубной культуры, являвшиеся потомками ямников.

В эпоху раннего железа, с VII в. до н. э. по IV в. н. э., приуральские степи были плотно освоены ираноязычными племенами савроматов и сарматов. На территории Восточного Оренбуржья археологами раскопано большое количество погребений савроматов (могильник у дер. Гумерово, конец VII–VI вв. до н. э., Новотроицкий I могильник, могильник Сара) и сарматов (Ново-Кумакский могильник в Новоорском районе, Аландский в Кваркенском районе, у пос. Джанаталап на реке Орь рядом с г. Орском). Археологические памятники савроматов в основном сконцентрированы в бассейнах рек Суундук и Кумак. Исследователи считают их западной частью большого исседоно-массагетского массива племен, а другую группу на западе области в бассейне среднего течения реки Урал – дахо-массагетского массива племен, связанного с приаральскими сако-массагетами [Смирнов, 1976. С. 18]. Сарматские племена вели полукочевой образ жизни, о чем свидетельствуют расположение погребальных памятников в степи на высоких сыртах, отсутствие крупных поселений и городищ, видовой состав стада [Мошкова, 1961. С. 11]. Уникальный курган сарматской знати был раскопан в 1986 году у с. Филипповка в Илекском районе. В нем обнаружено множество украшений из различных металлов, большую часть которых представляет высокохудожественная коллекция, выполненная в «зверином» стиле.

В оренбургских степях широкое развитие получила металлургия меди. Медная руда являлась объектом торгово-обменных операций, способствовавшим межэтническим контактам в регионе. Одним из крупнейших поставщиков меди были Каргалинские рудники (Октябрьский и Александровский районы Оренбургской области). Они начали функционировать со второй половины IV – нач. III тысячелетия до н. э. в среде скотоводов ямной культуры. Каргалинская медь распространялась на обширной территории от Волго-Уральского междуречья на запад до берегов Дона [Черных, 1997. С. 23, 27]. Кроме Каргалов были и другие месторождения, которые широко разрабатывались местным населением, например, Еленовский рудник в Домбаровском районе, Ишкининский рудник эпохи средней бронзы в Гайском районе [Сальников, Новиков, 1962. С. 124–133; Моргунова, 1994. С. 16; Бытковский, 2003. С. 120–127].

Археологический материал из раскопок в регионе свидетельствует об активных контактах азиатских и восточноевропейских народов и в период раннего железного века. Кочевническое население Южного Приуралья имело тесные экономические связи с сако-массагетскими племенами Средней Азии и в первую очередь с Хорезмом. Ежегодные перекочевки кочевников с Южного Урала в Приаралье и обратно служили средством обмена товарами, торговли. Исследователи считают, что уже к IV в. до н. э. возник посто-

янный караванный путь из приуральских степей в Хорезм и другие страны Средней Азии и Персидского Востока [Попов, 1971. С. 80]. В курганах раннего железного века (VI–VII вв. до н. э.), оставленных кочевыми савроматскими и сарматскими племенами, обнаружены ахеменидские ритон, гривна, печать, а также египетский сосуд с именем персидского царя Артаксеркса I (465–424 гг. до н. э.). В основе данного взаимодействия лежал так называемый «сарматский кочевой цикл», или пастбищно-кочевая система Урало-Аральского региона. В ходе таких контактов происходила миграция населения как с севера на юг, так и в обратном направлении. В IV–III вв. до н. э. в результате перенаселенности Южного Приуралья на фоне начавшейся аридизации климата происходит отток части номадов в южном и западном направлении [Таиров, 2006. С. 72, 76].

В IV–V вв. н. э. многовековое господство ираноязычных племен пало под натиском гуннов – кочевников тюркского происхождения. Они прошли через приуральские степи с востока на запад и потеснили сарматов, которые мигрировали в северном направлении. Гунны, пребывая в постоянном движении, оставили мало археологических памятников на территории Южного Урала. На всей территории от Урала до Днепра зафиксировано около сорока типичных гуннских погребений. В пределах Оренбургской области обнаружены захоронение воина-гунна в Беляевском районе, а также захоронение близ города Орска [Моргунова, 2004. С. 92].

В V–VII вв. из степей Центральной Азии начинают движение на запад новые объединения кочевников. В VI в. степные территории от Монголии до Северного Кавказа попадают под власть Тюркского каганата – могущественного государства, которое простиралось от Тихого океана на востоке до Северного Кавказа на западе, от лесостепных районов Сибири на севере до границ Китая и Средней Азии на юге; во второй половине VI в. весь Южный Урал находился в составе государства тюрков.

Во второй половине IX в. приуральские степи занимает следующая группа тюркоязычных кочевников – печенеги, вытесненные из Средней Азии и Приаралья огузами. Граница печенежских кочевий в конце IX – начале X вв. находилась в междуречье Волги и Яика от города Сарай до реки Самары, включая среднее течение Яика и долины рек Сакмара и Илек. В засушливые годы печенеги доходили до подножий Уральских гор. Их памятники известны в бассейне Сакмары, в среднем течении Урала и в низовье Илека. По данным последних исследований, башкиры и печенеги составляли союзное образование, где башкиры занимали северную часть территории, а печенеги южную [Аминев, 2013. С. 120–121].

Земли восточнее печенегов были заняты племенами Огузской конфедерации. Границы Огузской степи проходили сравнительно узкой полосой по южной периферии Волго-Уральской степи, между Южными Мугоджарами, низовьями Илека, Волгой и Прикаспийскими пустынями [Гарустович,

Иванов, 2001. С. 99]. Захоронения огузов достаточно широко представлены в юго-восточных районах Оренбургской области (Увак, Кумакский) [История Башкортостана, 1997. С. 89]. В составе печенежского объединения, видимо, находились и башкирские племена усерган, бурзян, тамьян, тунгаур, которые в IX в. проникли в Южное Приуралье. Арабский ученый Ал-Масуди (X в.) описал события второй половины IX в., имевшие место в районе Аральского моря, в которых племена баджанак (печенеги), баджане, баджгарды (башкиры) и наукерде потерпели поражение от огузов, кимаков и карлуков [Кумеков, 1972. С. 58]. В связи с этими событиями племена башкир, находившиеся в этом объединении, были вынуждены продвигаться на север. С этого времени оренбургские степи становятся территорией расселения перечисленных племен. Обращаясь к истории расселения башкир на территории оренбургских степей, необходимо отметить, что ранее они занимали намного более обширную территорию. Первое достоверное упоминание о башкирах с локализацией их в Урало-Поволжских степях относится к X в. и встречается в путевых заметках Ахмеда Ибн-Фадлана, члена посольства багдадского халифа к царю волжских булгар. Посольство попало в «страну башкир» после того как переправилось через реку Кундурчу, правый приток реки Сок [Ковалевский, 1956. С. 130–131, 192, 194]. Это соответствует территории нынешней Самарской области.

В середине IX в. с востока к башкирским землям примыкала территория Кимакского государства. Основным населением западных земель кимаков были племена кипчаков, которые непосредственно граничили с башкирскими племенами по реке Урал [Кумеков, 1972. С. 61]. После распада государства кимаков во второй половине XI в. кипчаки начали движение на запад и вытеснили огузов из бассейна Сырдарьи, Западного Приаралья и Северного Прикаспия [Кумеков, 1972. С. 128]. Разгромив огузов, печенегов и башкир, кипчаки часть их оттеснили на запад, часть ассимилировали. Это была первая волна миграции кипчаков на Южный Урал, в результате которой часть родоплеменных групп, находившихся в кипчакском объединении, вошла в состав башкир. Но в основной своей массе кипчаки ушли дальше на запад.

С первой половины XIII в. в результате монгольского нашествия степи Дешт-и-Кипчака входят во владение Золотой Орды (Улус Джучи). Под натиском монголов значительная часть кипчакских племен продвинулась на север, в Приуралье и включилась в состав башкир, образовав крупное племя кипчак в их составе [ИБН, Т. 2. 2012. С. 173.]. В этот период оренбургские степи становятся ареной боевых сражений, и местное население мигрирует на север. В легенде племени усерган повествуется об их борьбе с монголами, в которой произошло немало жестоких битв. Хребет *Яутуба* («Гора битв»), протянувшийся вдоль реки Сакмары между Саракташем и Кувандыком, по преданию получил название со времен сражений с монголами [БНТ, 1987. Т. 2. С. 120]. Но вследствие неравенства сил после многочисленных военных

столкновений в Зауралье, в бассейне реки Яик, башкиры были вынуждены признать вассальную зависимость от монголов. В башкирском фольклоре сохранились сведения о поездке усерганского бия Муйтена в ставку хана и принятии им вассалитета. Вероятно, Муйтен-бий возглавлял делегацию не только усерган, но и большей части башкирских племен. Установлено, что, вероятнее всего, он встречался с Чингисханом летом 1219 года, когда тот находился близко от Урала в своей ставке на Иртыше. В результате поездки Муйтен-бий получил ярлык на вечное правление территорией, куда вошли земли всего бассейна реки Белой, по верхнему и среднему течению реки Яик, рекам Ишим и Тобол до Иртыша [ИБН, Т. 2. 2012. С. 174–174; Мажитов, Султанова, 2004]. В культурном отношении главным итогом XIII–XIV вв. стала исламизация кочевников оренбургской степи. Она хорошо иллюстрируется археологическими материалами (Каменноозерный и Алабайтальский курганы).

После распада Золотой Орды Южный Урал, в том числе и территория Восточного Оренбуржья, вошел в состав образовавшейся на ее обломках Ногайской Орды (XV – третья четверть XVI в.). В этот период южные башкиры постепенно вытесняются из своих зимних кочевий по Илеку, Эмбе и Ори на север, в менее благоприятные для кочевания районы. Лишь в середине XVI в., после распада Ногайской Орды и с принятием русского подданства, стал возможен возврат башкир на свои старые кочевья. В XVII–XVIII вв. они вновь расселяются в долине рек Иргиз и ее притоков Камалек и Каралык (Самарская, Саратовская области), Ток, Большой и Малый Уран (запад Оренбургской области). Также башкиры стали использовать прежние южные кочевья по правому и левому берегу реки Яик (Урал).

Приведенный выше исторический обзор показывает, что Восточное Оренбуржье с древности являлось регионом, в котором активно проходили межэтнические контакты, и, как следствие, ассимиляционные и интеграционные процессы. В этих условиях, на основе взаимодействия различных этнических компонентов, сформировались башкиры, которые расселились в оренбургских степях не позднее X в. Формирование этнического облика башкир продолжалось и позже, в период их пребывания в составе Золотой Орды и Ногайского ханства. Лингвистами, этнографами, археологами выделяются финно-угорский, тюркский и иранский пласты в этногенезе башкир. В названиях гидронимов Оренбургской области, в которых, как известно, дольше всего сохраняются древние элементы, зафиксированы иранские, тюркские, финно-угорские, монгольские и славянские элементы [Халитов, 2002. С. 40, 81].

Территория расселения башкирских племен

Территория Восточного Оренбуржья представляла собой юго-восточные пределы башкирских земель. В источниках XVIII в. она зафиксирована в составе родовых владений племен усерган и кипчак. Но, как уже отмечалось, выше охотничьи промысловые угодья башкир распространялись далеко на юг. Известно, что башкирские вотчинные земли по юго-восточной границе Уфимского уезда находились в совместном пользовании всех башкирских родов. Охотничьими угодьями по рекам Орь, Яик, Сакмара, соляными промыслами по реке Илек башкиры пользовались сообща [Азнабаев, 2012. С. 1449–1450]. У чистых кочевников земля осознавалась как общая. Наглядным свидетельством тому являются соседние башкирам казахские племена, которые вплоть до XIX в. не были территориально разделенными [Артыкбаев, 1989. С. 13]. Юго-восточные башкирские племена также ранее кочевали на одной территории. При этом существовало и разделение вотчин по родам. Известно, что в XIV–XIX вв. существовало объединение юго-восточных башкир «*Ете ырыу*» («Семь родов»). До присоединения к Русскому государству они сообща владели огромной территорией. После за ними были закреплены земли на реке Яик отдельно от других башкирских племен. В одном из документов 1675 года семиродцы жаловались на незаконное пользование охотничьими угодьями по левому берегу реки Яик (от Сакмарского устья вниз до Караилги верст с 40) юрматинскими башкирами. При этом ссылались на ясак, который они платили с реки с «давних пор» [Азнабаев, 2012. С. 1449–1450]. Так называемая «Семиродная дача», объединявшая родовые земли нескольких юго-восточных племен, формально просуществовала вплоть до середины XIX в., хотя к этому времени границы между родовыми волостями были уже четко разграничены. Это свидетельствует об устойчивой традиции общей собственности на землю у башкир. Тот факт, что ранее юго-восточные племена имели общие кочевья, отразился и в топонимии края. Так, на территории, занимаемой усерганами, сохранились топонимы, содержащие этнонимы бурзян, тунгаур, что свидетельствует о пребывании здесь некогда этих племен.

Во время ногайского владычества, установившегося после распада Золотой Орды, башкиры кочевали на одних и тех же территориях вместе с ногаями. Стабилизация территорий кочевков и распределение родовых земель произошли, вероятно, после ухода последних, когда огромные пастбища на юге и юго-западе вновь перешли к башкирам. Известно, что к моменту принятия русского подданства (1556 год) усергане, бурзяне, тунгауры уже имели свои четко разграниченные родовые земли, которые были закреплены в жалованных грамотах¹. Как было отмечено выше, по территории Оренбургской

---

¹ Жалованная грамота – документ о предоставлении определенных прав или привилегий отдельным лицам, группам населения, выдававшийся правительством царской России. Жа-

области проходила южная и юго-восточная граница расселения башкир. Согласно жалованным грамотам и шежере племен бурзян, кипчак, усерган и тамьян, юго-восточные границы вотчинных земель башкир отграничивались в конце XV–XVII вв. рекой Яик и ее правыми притоками, в том числе Сакмарой, Таналыком, Зилаиром, Большим и Малым Суренями, Ускалыком, Асселью [Томашевская, 2002. С. 23]. Большая часть территории Восточного Оренбуржья входила в состав родовых земель усерган. В шежере в составе вотчинной земли усерган зафиксированы земли по «Белой реке и по Икам и по Сакмаре, Елаиру...» и степи «за Самарою» [Башкирские шежере, 1960. С. 211]. В литературе часто, обозначая пределы башкирских земель, южной границей называют реку Урал (Яик). Однако вплоть до начала строительства Оренбургской крепостной линии кочевья усерган не ограничивались между-речьем Сакмары и Урала и распространялись далеко на юг, в степи Западного Казахстана. Такие маршруты являлись продолжением традиций меридионального цикла кочевания, когда кочевники на зиму уходили в приаральские степи, а летом возвращались в предгорья Южного Урала. В трудах дореволюционных историков часто отмечалось наличие в прошлом башкирский кочевий в пространстве между Эмбой и Яиком [Рязанов, 1928. С. 11; Ден, 1902. С. 168]. В преданиях самих усерган территорией их расселения называются долины рек Сакмара, Яик и Илек, то есть земли по правому и левому берегу реки Яик (Урал) [БНТ, Т. 2. С. 119]. С XVIII в. левобережье Яика заняли казахи Младшего Жуза, оттеснив башкир на север. Во время строительства города Оренбурга в 1735 году на первом месте в устье реки Ор-И. К Кириллов сообщал о башкирах, «чьи земли по реке Ор» [Буканова, 1997. С. 113]. По преданиям, в долине Ори расселялся род кунак племени усерган. Именно угроза потери земель за Яиком и была основной причиной башкирского восстания 1735–1736 годов, начавшегося после строительства Оренбурга. В сентябре 1737 года под пыткой башкир Катайской волости Усенгул Салыков показал: «Самое де начало нынешнего бунту от нехотения допустить штатского советника Кириллова строить Оренбург, а главные тому заводители волостей Кайсирской Килдыш, Дуванской Салтан Арасланбеков, Усергенской Алгуша (Алгышай Назаров), и зборисче де было в Усергинской волости» [МИБ. Ч. I, 1936. С. 334].

Говоря о перекочевках башкир в западноказахстанские степи, нужно упомянуть и об их маршрутах. Вероятно, северным отрезком пути, по которому совершались меридиональные перекочевки, являются широко известные во всей юго-восточной Башкирии и Восточном Оренбуржье дороги «Канифа юлы» («Дорога Канифы») и «Куңыр-буга юлы» («Дорога бурого бычка»).

лованные грамоты, полученные башкирами в ходе присоединения их к Русскому государству, стали юридической основой вотчинного права башкир на землю, в них фиксировалась территория, закрепленная за каждым племенем или родовой группой.

Дороги эти протянуты в меридиональном направлении и проходят по возвышенности, не пересекаясь ни большими, ни малыми реками [Алламуратова, 2014. С. 283]. Связь их с древними путями кочевников находит косвенное подтверждение в преданиях о данных дорогах. В одной из версий предания «*Куңыр буга*», записанной у усерганских башкир, девушка из башкирской деревни была выдана замуж верст за двести. Находясь еще в доме родителей, она родила сына. В приданое ей дали, кроме всего прочего, корову с теленком. Когда мальчику исполнилось четыре года, он вместе с теленком, точнее уже бычком бурой масти (*куңыр буга*), убегает и приходит в родную деревню. Девушка вместе с коровой выходит на поиски, и корова приводит ее к деревне самой короткой, прямой дорогой [Баишев, 1895. С. 36]. Кроме данной версии существует еще несколько, в которых повторяется сюжет о корове, оказавшейся далеко от родных мест и самостоятельно нашедшей путь домой. В другом предании рассказывается о девушке по имени Канифа, которую украли казахи. Она возвращается на родину, ориентируясь на Полярную звезду (*Тимер-казык*). Таким образом, оба предания связывают направление дороги с южными степями. Дорога «*Канифа юлы*» начинается в устье реки Губерли, правого притока Урала, и идет почти прямой линией на север по левому берегу реки Сакмары. На оренбургской территории она проходит рядом с селами Ижберда, Сара, Новопокровка, Башкалган, Поим, Федосеевка и продолжается на территории Хайбуллинского, Зилаирского, Баймакского районов Республики Башкортостан (через села Атинган, Ивановка, Верхнесалимово, Юлдыбаево и далее на север). Дорога эта продолжала функционировать до недавнего времени и местные жители до сих пор хорошо знают все ее участки [Полевые записи, 2004 г., деревни Байказак, Ишберда, Акчура, Чураево, Сарбай]. Дорога «*Куңыр-буга юлы*» имеет похожее направление, но идет по правому берегу Сакмары. На территории Оренбургской области она проходит рядом с населенными пунктами Новосакмарск и Акчура. Соответствие этих дорог путям перекочевков древних кочевников оренбургских степей подтверждается и тем, что башкиры дорогу «*Куңыр-буга юлы*» иногда называли «*Күс-юлы*», то есть «Дорога перекочевки» [БХИ, 1972. С. 273].

Пограничное положение башкир оренбургских степей, необходимость постоянной обороны от набегов соседей обусловили развитую сторожевую систему, что отразилось и в распространении здесь топонимов со словом «караул» (караул) (гора *Калмак-караул* в дер. Байказак Гайского р-на, в Зианчуринском р-не горы *Карауыл-тау*, Юнай *Карауылы*, Имән-*карауыл*). На правом берегу реки Урал, естественной границы башкирских земель на юге, напротив Губерлинских гор находится хребет *Карауыл-түбә* [Полевые записи, 2005 г., п. Новоорск]. У южных башкир до сих пор сохранились сведения об оповестительной системе, существовавшей в период наиболее активных набегов калмыков и казахов – в XVII–XVIII вв. Самые высокие точки местности служили сторожевыми пунктами и назывались «*һак тауы*» («сторожевая

гора»), например, в д. Янтышево гора *Тәкә-тау*, в д. Бикбау – гора *Казанбаш-карагай*, в д. Умбетово – гора *Тишек-тау* [Полевые записи, 2004 г. Хайбулл. р-н, инф-р: Абдульменова Марфуга Хажиахметовна, 1949 г. р., д. Абишево; Түләбаев, 2000. С. 19]. При угрозе набега на вершине горы зажигался костер, дым которого был виден с вершины следующей горы сигнальной системы. Когда набеги учащались, на них постоянно находился караул. При впадении в Сакмару реки Ик находятся курганы, на которых также, по словам местного населения, стояли «часовые, которые следили за киргизами¹ и в случае набега давали знать в свои аулы» [Труды ОУАК. Вып. 5, 1900. С. 134]. В одном из преданий говорится об опорных пунктах усерган – земляных укреплениях «маса», построенных по берегам реки Яик еще во время монгольского нашествия [Антонов, Иванов, 1999. С. 205].

Таким образом, ранее вся территория оренбургских степей являлась общим кочевьем башкирских племен усерган, бурзян, тунгаур, и кипчак. Распределение пастбищных угодий между этими племенами произошло в первой половине XVI в., и территория современного Восточного Оренбуржья вошла в состав вотчинных владений племени усерган. Она являлась юго-восточной окраиной расселения башкир, что обусловило тесные контакты местного населения с соседними кочевыми народами. Эти контакты часто принимали характер военных столкновений, о чем свидетельствует также развитая сеть оборонительной системы у усерган. До начала XVIII в. зимние кочевья башкир простирались далеко на юг до рек Илек, Эмба, но с приходом казахов Младшего Жуза башкиры были вытеснены на север. С тех пор южная граница башкирских земель, отделявшая их от казахов, стала проходить по реке Яик.

Динамика численности

Башкиры, будучи на территории оренбургских степей коренным этносом, долгое время составляли численное большинство населения края. В настоящее же время в трех районах Восточного Оренбуржья они составляют только пятую часть населения. Такое коренное изменение в соотношении численности населения было вызвано различными причинами.

Ко времени присоединения башкир к Русскому государству, во второй половине XVI в., население Южного Урала состояло большей частью из башкир. В течение последующих двух веков, особенно после строительства города Оренбурга и Оренбургской пограничной линии в 30-х годах XVIII в., происходило активное заселение края пришлым крестьянским населением –

¹ Киргизами или киргиз-кайсками, как известно, в дореволюционной историографии называли казахов.

русскими, татарами, мордвой, чувашами. Процесс освоения переселенцами края происходил неравномерно. Юго-восточные районы Башкирии, в том числе восток современной Оренбургской области, стали активно заселяться ими лишь в конце XIX в. Проследим, как менялась численность башкир в изучаемом регионе, начиная с конца XVIII до начала XXI в.

Основным источником по численности и демографии башкир дореволюционного периода являются сведения ревизских сказок – переписей, проводившихся царским правительством регулярно в течение XVIII–XIX вв. Переписи населения путем ревизий в России проводились с 1719 года, но первая (1719 года) и вторая (1744 года) ревизии башкир не учли, а первичных материалов третьей (1762 года) ревизии по башкирам не сохранилось. Впервые башкирское население полностью было учтено лишь V ревизией в 1795 года. Материалы по численности башкир в 1795 года были опубликованы А. З. Асфандияровым в сборнике «Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг.» [Западные башкиры, 2001. С. 80–83]. На основе данных из этого сборника составлена таблица 1, в которой представлены сведения по численности населения в отдельных башкирских деревнях. Однако в опубликованном списке имеются не все населенные пункты, так как сведений по некоторым деревням нет в самом источнике. В 27 деревнях, которые ныне находятся на территории Восточного Оренбуржья, переписью зафиксировано около 2,5 тыс. башкир.

Как видно из таблицы, деревни значительно различались по численности: наряду с крупными деревнями, такими как Бурангулово, Акбулатово, Идельбаево и т. д., с численностью более ста человек, существовали и такие, в которых насчитывалось 30–40 человек (Ишмуратово, Ишкильдино). Во всем Оренбургском уезде, в состав которого входил изучаемый регион, по данным V ревизии, число башкир составляло 22 188 человек [Асфандияров, 2006. С. 188]. По сравнению с остальными уездами губернии, в Оренбургском уезде был наибольший удельный вес башкир. В 1798 году в уезде проживало 24 250 башкир, в 1811 году – 51 216 башкир, в 1834 году – 69 535 башкир и в 1851 году – 91 208 башкир [Томашевская, 2002. С. 89–99, 197; Асфандияров, 2006. С. 190]. В 1865 году из состава Оренбургского уезда выделился новообразованный Орский уезд. По данным на 1866 года, в Орском уезде проживало 62 407 башкир, что составляло 62,1 % всего населения уезда (99 522 человек) [Список населенных мест, 1871. С. LXXVIII], а в 1870 году – 87 782 башкира. Таким образом, численное преобладание башкир в регионе в середине XIX в. еще сохранялось.

Если первая половина XIX в. была довольно благоприятным периодом в демографии башкир [Асфандияров, 2006. С. 192], то во второй половине XIX в. доля башкир в общей численности населения края стала заметно снижаться. Одной из причин этого являлась отрицательная динамика роста численности башкир. Демографическая ситуация ухудшилась со второй полови-

Таблица 1.

Численность башкир Восточного Оренбуржья в 1795 году
Составлена на основе: Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. /
Сост. Асфандияров А. З., Абсалямов Ю. М., Роднов М. И. Уфа, 2001.)

Волость	Число насел. пунктов	Домо-хозяева	Домохозяйства с преобладающим языком			
			русским	башкир-ским	татарским	другим
Гор. Зианчурино	–	118	4	104	6	4
Ново-Александровская	14	677	558	–	28	91 (чуваш.)
Салиховская	19	1091	33	865	157	36 (чуваш.)
2-я Усерганская	25	1294	213	905	152	14 (чуваш.)
Куруильская	12	587	421	–	82	84
Канчуринская	13	719	610	–	–	109
4-я Усерганская	36	2450	363	2065	–	18
Демократическая	30	1180	850	330	–	–
1-я Усерганская	19	1141	152	928	61	–
6-я Усерганская	26	1832	136	1602	17	77
Чеботаревская	13	936	783	–	1	152
Самарская	11	849	796	–	41	12 (морд.)
Федоровская	13	1469	1274	–	1	194 (морд.)
3-я Усерганская	24	902	70	633	199	–
8-я Усерганская	9	859	11	822	26	–
10-я Усерганская	12	837	259	578	–	–
5-я Усерганская	241	314	256	1058	–	–
Ново-таймасовская	1	51	51	–	–	–
Кувандыкская	13	568	431	–	–	137 (морд.)
<i>Итого по кантону</i>	<i>314</i>	<i>18874</i>	<i>7271</i>	<i>9904</i>	<i>771</i>	<i>928</i>

ны 80-х годов XIX в. в связи с насильственным переводом башкир к оседлости и началом ломки хозяйственного уклада [Киньябаева, 1999. С. 142–143]. Это коснулось в первую очередь юго-восточных башкир, в том числе и оренбургских, у которых традиции полукочевого хозяйства являлись очень устойчивыми. С другой стороны, начиная с последней трети XIX в., в оренбургские степи хлынул поток пришлого крестьянского населения, которое ранее осваивало западные и северные районы края. До этого времени территория Восточного Оренбуржья, как и всего Орского уезда, заселялась довольно медленно по сравнению с остальной Башкирией. Это объяснялось несколькими обстоятельствами. Во-первых, оренбургские степи долгое время были небезопасны из-за частых взаимных набегов башкир, калмыков и казахов. Во-вторых, как

уже упоминалось выше, земли юго-восточных башкир находились в общем владении семи башкирских волостей, что существенно затрудняло продажу башкирских земель, для проведения которой требовалось согласие двух третей башкирского населения, которому принадлежала земля в количестве 3 млн десятин [Алектров, 1883. С. 36]. Наиболее активное заселение волости небашкирскими переселенцами пришлось на конец XIX – начало XX вв. Но еще в конце XIX в. в крае в численном отношении преобладали башкиры. Так в описании 1-го стана Орского уезда от 1890 года, отмечается, что здесь численно преобладали башкиры и татары, за ними следовали русские, украинцы и казахи [ГАОО Ф. 10. Оп. 1. Д. 75. Л. 5 об. – 8]. Также здесь «часто встречались чуваша, мещеряки и мордва» [Там же. Л. 10 об.]. Мордовские переселенцы расселялись в основном на территории современного Саракташского района. Если в 1-м стане Орского уезда (в который входила изучаемая группа башкир) башкиры преобладали, то во всем уезде в 1908 году насчитывалось 108 299 башкир, составлявших 43 % населения уезда (252 134 человека). По сравнению с 1866 годом, при увеличении числа башкир в 1,7 раза общая численность населения уезда выросла в 2,5 раза. Но башкиры по-прежнему стояли на первом месте по численности.

Следующей после уезда административной единицей являлась волость. Рассмотрим подробнее динамику численности в пределах волости. Территория Восточного Оренбуржья в прошлом находилась в составе Усерганской волости, а после раздробления ее на ряд мелких – в составе 2-й и 3-й Усерганских волостей. Усерганская волость являлась одной из самых крупных среди башкирских волостей. Необходимо отметить, что данные XVIII в. по численности населения волости по различным источникам иногда разнятся между собой. Согласно П. И. Рычкову, в середине XVIII в. в ней насчитывался 381 двор. Если взять за основу данные 1795 года, когда на один башкирский двор в среднем приходилось 6 человек [Асфандияров, 2006. С. 177], то в волости насчитывалось 2 286 человек. В списке башкирских волостей графа П. И. Панина 1773 года зафиксированы две Усерганские волости: Елан-Усерганская (видимо, от башк. «ялан» – степная), в которой в 361 дворе числилось 867 душ мужского пола, и Ар-Усерганская (?), в которой находилось 45 дворов и 99 душ мужского пола [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 143. Л. 71]. То есть, по этим данным, общая численность башкир двух Усерганских волостей составляла 1 932 человека. Внутри волости население распределялось на команды, во главе которых стояли старшины, или, реже, старшинские помощники. В 70-е годы XVIII в. две команды Усерганской волости относились к Уфимской провинции Ногайской дороги: старшин Муйнака Сулейманова и Бикбова Сеюшева, насчитывавшие 129 дворов. Еще одна команда старшины Кувата Кинзягулова, насчитывавшие 1298 дворов, относилась к Оренбургской провинции Ногайской дороги [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 143. Л. 149 об.; Шакурова, 1992. С. 127–129].

В 1816 году в усерганских деревнях учтено 1 720 душ мужского пола (т. е. около 3,5 тыс. человек), а в 1834 году в волости зафиксировано 77 деревень и 19 983 человек башкирского населения [Томашевская, 2002. С. 59]. Однако здесь необходимо учитывать то, что в первой половине XIX в. термин «башкиры» имел не только этническое, но и административно-сословное значение, и среди записанных башкирами имелась часть припущенников-мусульман – татар и казахов¹. По материалам VII ревизии 1816 года, в Оренбургском уезде насчитывалось 326 душ обоего пола «башкир из киргизцев» (т. е. их казахов). По данным VIII ревизии 1834 года, в этом же уезде среди причисленных в башкиры находилось 1 267 казанских торговых татар и 7 283 человек «султановских ногайцев», ранее входивших в состав оренбургских казаков [Томашевская, 2002. С. 122]. В 1885 году в четырех Усерганских волостях находилось 154 селения, в которых проживал 33 151 человек. Самой многочисленной являлась 4-я Усерганская волость (9 469 человек), далее следовали 2-я Усерганская (8 333 человека), 3-я Усерганская (8 134 человека) и 1-я Усерганская (7 215 человек). А в 1897 году в четырех волостях насчитывалось уже 79 835 человек, из них 46 717 башкир [Важнейшие селения Европейской России, 1885. С. 106–107]. Столь заметное увеличение числа населения волости произошло, как было отмечено выше, вследствие большого притока переселенцев в последней трети XIX в. В таблице 2 представлены данные по численности наиболее многочисленных народов, проживавших в четырех Усерганских волостях в конце XIX в.

Таблица 2.
Численность населения в Усерганской волости на 1897 году
(составлена на основе Адрес-календаря и памятной книжки
Оренбургской губернии на 1897 год)

Волость	Национальность						всего
	пол	русские	башкиры	татары	чуваши	мордва	
1-я Усерганская	М.	2 147	4 740	255	122	452	7 716
	Ж.	1 845	4 225	320	131	443	6 964
2-я Усерганская	М.	4 045	4 658	–	280	750	9 733
	Ж.	3 952	4 353	–	185	649	9 139
3-я Усерганская	М.	2 693	5 021	190	–	215	8 119
	Ж.	2 634	4 608	175	–	197	7 614
4-я Усерганская	М.	5 417	9 605	–	–	285	15 307
	Ж.	5 486	9 507	–	–	250	15 243
Итого		28 219	46 717	940	718	3 241	79 835

¹ Припущенниками называлась категория населения, которая формировалась на основе припуска на вотчинные земли башкир. Среди припущенников были башкиры, татары, русские, чуваши, мордва, казахи и др.

По сравнению с 1885 годом население 1-й Усерганской волости увеличилось на 7 465 человек, 2-й Усерганской – на 10 539 человек, 3-й Усерганской – на 7 599 человек, 4-й Усерганской – на 21 081 человек. Из таблицы видно, что большинство населения волости составляли башкиры, на втором месте по численности находились русские, довольно много было мордвы. Татары проживали в относительно небольшом количестве только в 1-й и 3-й Усерганской волостях

В 1919 году большинство башкирских деревень Восточного Оренбуржья входило в состав Усерганского кантона (Карта 3). В составе кантона находилось восемнадцать волостей, из которых с преимущественно башкирским населением было девять: это 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 8-я и 10-я Усерганские и Салиховская волости, также много было башкир и в Демократической волости. В остальных волостях башкиры практически не были представлены, это были новообразованные волости, в которых проживали в основном русские и украинские переселенцы. В таблице 3 представлены данные по численности населения Усерганского кантона на 1920 год.

Таблица 3.
Численность населения в Усерганском кантоне в 1920 году
(составлена на основе: НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 325. Л. 4)

Волость	Число насел. пунктов	Домо-хозяева	Домохозяйства с преобладающим языком			
			русским	башкирским	татарским	другим
Гор. Зианчурино	–	118	4	104	6	4
Ново-Александровская	14	677	558	–	28	91 (чуваш.)
Салиховская	19	1091	33	865	157	36 (чуваш.)
2-я Усерганская	25	1294	213	905	152	14 (чуваш.)
Куруильская	12	587	421	–	82	84
Канчурина	13	719	610	–	–	109
4-я Усерганская	36	2450	363	2065	–	18
Демократическая	30	1180	850	330	–	–
1-я Усерганская	19	1141	152	928	61	–
6-я Усерганская	26	1832	136	1602	17	77
Чеботаревская	13	936	783	–	1	152
Самарская	11	849	796	–	41	12 (морд.)
Федоровская	13	1469	1274	–	1	194 (морд.)
3-я Усерганская	24	902	70	633	199	–
8-я Усерганская	9	859	11	822	26	–
10-я Усерганская	12	837	259	578	–	–
5-я Усерганская	241	314	256	1058	–	–
Ново-таймасовская	1	51	51	–	–	–
Кувандыкская	13	568	431	–	–	137 (морд.)
Итого по кантону	314	18874	7271	9904	771	928

В состав кантона входило 314 населенных пунктов, в них находилось домохозяйств: с преобладающим русским населением – 7 271, с башкирским – 9 904, с татарским – 771, другой национальности – 928. То есть соотношение национальностей в крае продолжало стремительно меняться, башкиры из преобладающей национальности спустились на третье место, при этом на много увеличилась численность татар, даже по сравнению с концом XIX в.

Рассмотрим динамику численности башкир на примерах конкретных деревень. В таблице 4 собраны сведения по численности башкир Восточного Оренбуржья в XIX – первой четверти XX вв. из различных источников. По XIX в. это материалы ревизий 1816 [НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 145–146], 1859 [НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 706] и 1834 годов [Западные башкиры, 264–283]. По 1889 и 1901 годам использовались данные статистических материалов [ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 75; Списки населенных мест Оренбургской губернии, 1901. С. 80–90]; по первой половине XX в. (1917, 1920, 1926 годы) – материалы переписей и других источников [История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX в. С. 273–279; НА РБ. Р-472. Оп. 1. Д. 697; НА РБ. Р-472. Оп. 1. Д. 555].

Таблица 4.
Численность башкир Восточного Оренбуржья в 1816–1926 годах

Название нас. пункта		1816	1834	1859	1866	1889	1892	1901	1917	1920	1926
Акбулатово		195	218	375	281	181	199	221	–	148	141
Аскарово		68	193	244	179	181	373	226	222	319	292
Бурангулово*		–	239	387	332	434	280	222	262	235	172
Бурагулово		124	272	337	329	244	250	251	289	301	170
Бикташево		155	322	204	170	137	147	179	170	148	80
Зиянчурино		120	303	486	456	419	480	442	672	606	436
Канчурино		–	226	402	380	434	297	326	395	327	163
Каипово		44	100	189	159	91	103	126	189	171	258
Култаево		–	–	111	71	80	90	117	94	–	–
Мухамедьярово		–	–	–	–	616	757	888	–	1063	811
Новогафарово		–	–	–	–	322	470	465	696	578	349
Рыскулово	Верх.	28	504	–	492	542	492	431	247	709	151
	Сред.								264		
	Ниж.								176		
Сунарчино		70	186	–	178	177	112	129	64+343	–	238
Султанбаево		50	171	–	95	65	57	68	–	–	57
Тлягулово**		145	234	319	163	114	217	200	264	183	150
Чанким-Биктимирово		240	379	–	437	127	256	238	273	630	115
Юлутлино	вотчин	–	106	275	260	377	61		458	–	254
	припущ						303		–	506	–
Алчинбаево		–	128	205	137	231	231	315	401	344	227

Название нас. пункта	1816	1834	1859	1866	1889	1892	1901	1917	1920	1926	
Акчурино	120	143	–	132	280	149	249	259	177	194	
Апсаямово	–	–	–	–	12	86	42	90	85	–	
Абубакирово	–	–	–	23	104	212	186	250	–	–	
Байназарово	–	–	–	138	168	201	207	321	238	185	
Гайнуллино	–	–	–	–	347	–	376	329	327	–	
Гумерово	196	73	119	86	86	102	88	137	159	139	
Ишкинино	–	–	312	342	220	350	344	480	417	–	
Идельбаево	73	313	419	350	359	466	420	675	537	451	
Ишмуратово	67	172	259	263	313	323	368	561	330	205	
Ибрагимово	179	287	–	230	249	271	252	387	280	253	
Ишбердино	–	–	194	145	180	186	215	283	257	–	
Кидрясово	?	162	188	210	352	391	367	488	432	–	
Мамбетеево	–	196	272	213	281	243	222	374	315	213	
Мухаметшарипово	–	–	–	–	163	204	110	50	274	–	
Нурбулатово	–	–	292	263	178	171	180	250	242	–	
Псянчино	42	98	117	179	83	104	89	122	146	128	
Рысаево	78	164	218	255	309	297	330	395	332	251	
Сарбаево	65	105	144	136	144	136	185	283	292	226	
Верхненазаргулово	97	220	126	388	–	547	240	570	458	346	
Утягулово	1-е	26	193	338	267	315	338	206	326	153	134
	2-е							127	150	252	288
Узенбаево	вотчин	–	–	–	357	439	450	312	59	–	41
	припущ								417	–	327
Халилово Большое / Байказак	–	279	348	329	630	397	370	531	513	–	
Халилово Малое / Ахун	–	–	–	190	–	160	161	253	294	–	
Хазимухаметово	–	–	–	–	412	202	125	184	–	108	
Чебакла	Верх.	43	93	203	–	160	156	140	238	259	–
	Ниж.								276	–	
Чураево	60	167	–	282	159	498	352	311	401	–	
Юмагузино	–	619	–	–	–	–	–		–	–	
Юмагузино 1-е	–	–	–	180	162	198	127	269	206	178	
Юмагузино 2-е	–	–	162	248	131	315	280	441	412	357	
Юмагузино 3-е	–	–	337	214	181	248	151	282	326	195	
Юнусово	–	–	–	–	257	353	192	319	307	257	
Яльчибаево	65	290	364	317	300	442	435	517	455	–	
Янтюрино	–	–	–	–	211	145	102	127	158	80	

В таблицу вошли только башкирские деревни, то есть с преобладающим башкирским населением; русские и татарские населенные пункты, в основном хутора, которые в большом количестве стали появляться в конце XIX в., не включены. В большинстве деревень наблюдается рост численности в первой половине XIX в., а во второй половине XIX – первой четверти XX в. происходит резкий спад. В то же время, в отдельных населенных пунктах наблю-

дается существенный прирост населения. Он происходил за счет притока небашкирского населения, в основном татар, поселившихся в башкирских деревнях на правах припущенников. Увеличилось население таких населенных пунктов, которые изначально были основаны и заселены башкирами, но впоследствии стали смешанными, в большинстве случаев – башкиро-татарскими. Это Зианчурино, Чанким-Биктимирово*, Яльчибаево*, Каипово и т. д. В течение следующего XX в. общая численность башкир региона увеличивалась. В 1934 года была образована Оренбургская область. В таблице 5 представлены данные переписей по численности башкир в области с 1939 по 2002 годы.

Таблица 5.
Численность башкир в Оренбургской области
по данным переписей 1939–2002 годов

Годы переписей	1939	1959	1970	1979	1989	2002
Численность	22 484	30 126	37 501	43 269	53 339	52 685

Данная таблица показывает, что в течение 1939–1989 годов происходил рост численности башкир, и только по данным последних переписей, их число сокращалось. В 2002 году в Оренбургской области проживало 52 685 башкир, что составляло 2,4 % населения области, из них в Восточном Оренбуржье – 19 745 человек. По переписи 2010 года, численность башкир в области составляла 46 696 чел, что составило 2,33 % от всего населения области. Из них городских жителей насчитывалось 19 893 человека, сельских – 26 803 [Амелин В. А. и др. 2013. С. 19]. Восточное Оренбуржье в настоящее время – это многонациональный регион, большую часть населения которого составляют русские, следующими по численности идут украинцы, татары и только затем башкиры. По переписи 2002 года, в Гайском районе башкиры составляли 20,7 % (2 522 человек) от общей численности населения района, в Кувандыкском – 23,1 % (5 632 человек), в Саракташском – 4,4 % (1 853 человека) [Региональная этнокультурная политика... С. 32–38]. В 2010 году демографическая картина выглядела уже следующим образом: в Гайском районе проживал 2 101 башкир, в Кувандыкском – 4 181, в Саракташском – 1 539. Восточное Оренбуржье представляет собой крупный промышленный узел, большая часть населения живет в городах. На территории двух районов – Кувандыкского и Гайского – находятся четыре города. Из них два с населением более 100 000 человек: Орск (255 418) и Новотроицк (113 577), три с населением более 25 000 человек: Гай (42 321), Медногорск (33 648), Кувандык (28 679). Численность башкир в них составляла по переписям 2002 и 2010 годов соответственно: в Гае 2 052 и 1 869 человек; в Кувандыке – 2 914 и 2 759 че-

людей; в Медногорске – 3 541 и 3 048 человек, в Орске – 4 270 и 4 044 человек, в Новотроицке – 2 593 и 2 722 человека [Амелин В. В. и др. 2013. С. 122–123]. Процесс движения сельского населения в город начался в 50–60-е годы прошлого века и был связан с массовой индустриализацией края. Основная часть миграции пришлась на 70-е годы. Здесь необходимо отметить, что значительную часть башкир городов Восточного Оренбуржья составляют выходцы из близлежащих районов РБ.

Таким образом, в течение второй половины XIX–XX вв. произошли коренные изменения в соотношении численности народов региона. Башкиры, которые еще в XIX в. составляли абсолютное большинство населения, сейчас находятся на третьем месте. Причинами такого сокращения были, во-первых, массовый приток переселенческого населения, во-вторых, низкая динамика роста численности самих башкир, прослеживаемая во второй половине XIX в., обусловленная сломом традиционной системы хозяйствования. В настоящее время башкиры в Восточном Оренбуржье составляют менее четверти населения края.

Этническая история и расселение племени усерган

В родоплеменном отношении башкиры Восточного Оренбуржья большей частью относились к крупному юго-восточному племени усерган (*үсәргән*) (Карта 2). В современных административных границах территория, занимаемая усерганами в пределах Оренбургской области, охватывала Гайский и значительную часть Кувандыкского района.

У юго-восточных башкир племя, как правило, служило основой при образовании родоплеменных волостей, как, например, Усерганская, Бурзянская, Тангаурская волости. Границы таких волостей обычно повторяли контуры родовых вотчин. Усерганская волость, будучи одной из крупнейших в Башкирии, включала в себя огромную территорию, занимаемую усерганами: по среднему течению Урала, рекам Сакмаре, Большому и Малому Ику, Касмарту, Таналыку. То есть, кроме Восточного Оренбуржья, сюда входила территория современных Хайбуллинского, Зианчуринского, части Зилаирского районов РБ. По сведениям П. С. Назарова, в XIX в. площадь родовых вотчин усерган составляла около 7 000 кв. верст¹ с башкирским населением около 4 200 человек [Назаров, 1890. С. 44].

Р. Г. Кузеев обосновал точку зрения о центральноазиатских корнях усерган, которые вместе с бурзянами и тунгаурами составляли союз древнебашкирских племен, входивший, как уже упоминалось выше, в башкиро-печенеж-

---

¹ 1 верста равнялась 1,0668 км.

ское объединение, существовавшее в VIII–IX вв. в Приаралье и на Сырдарье. В IX в. оно было вытеснено оттуда объединенными силами огузов, карлуков и кимаков [Кузеев, 1974. С. 151]. В результате, усергане вместе с бурзянами и тунгаурами продвигаются на север, в степи Приуралья и остаются здесь навсегда. Этнический состав объединения этих башкирских племен был неоднороден. Как отмечает Р. Г. Кузеев, «история их развивалась в иранской, угорской и особенно в тюрко-печенежской этнической среде Приаралья, позже – в этнополитической орбите приазовских булгар» [Кузеев, 1974. С. 187]. Ранее П. С. Назаров отмечал этнические связи усерган с волжскими булгарами [Назаров, 1890]. В совместной работе В. И. Васильева и С. Н. Шитовой авторы прослеживают также их самодийские корни [Васильев, Шитова, 1982. С. 36].

В преданиях самих усерган сохранились сведения о приходе их предков на Южный Урал с Приаралья и с берегов Сырдарьи. Они зафиксированы в источниках, а также были записаны исследователями, работавшими во второй половине XX века, когда в народной памяти еще хорошо сохранялись этногенетические предания и легенды [Кузеев, 1974. С. 126]. В письменном памятнике XIX в. «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова упоминается Усерган, чьим отцом был Иштяк, а про родину Иштяка говорится, что она находилась на Амударье [Галяутдинов, 1998. С. 150, 159]. П. С. Назаров упоминает башкирское предание, по которому «семь башкирских племен произошли от семи человек, пришедших в настоящее местожительство. Эти семь человек были: Ибай, Кубай, Ибынчи, Иркара, Суркара и Усерган» [Назаров, 1890. С. 170]. Таким образом, в предании также отмечается пришлый характер племени. Нужно отметить, что эти сведения схожи со сведениями одного из шежере усерган, записанного уже в XX в., где Усерган является сыном Ябынчи, у которого имелись еще сыновья Соркара, Аткара, Иркара, Ибенсе, Ибэй и Кубэй [Сәғитов, 2004. С. 6].

Р. Г. Кузеев на основе изучения родоплеменной структуры, шежере, преданий и ряда других источников установил, что первоначально, с приходом на Южный Урал, усергане, как и другие пришедшие с ними башкирские племена, расселились в основном на территории Бутульминско-Белебеевской возвышенности. Тогда же, видимо, они заняли и территории, примыкающие к южным отрогам Уральских гор, в том числе и степи современного Оренбуржья. Позже, когда в результате монгольского нашествия племена бурзян, тунгаур были вынуждены продвинуться на северо-восток, усергане одни навсегда остались в южном Приуралье [Кузеев, 1974. С. 158]. Однако большую часть пастбищ на западе им тоже пришлось оставить. В одном из башкирских преданий, записанных в Альшеевском районе РБ, говорится о том, что в результате набегов казахов лет 400 тому назад усергане были вынуждены уйти со своих мест на запад, на территорию современного Альшеевского района, где тогда жили мадьяры, и на восток, в Зауралье [БНТ,

Т. 2, 1987. С. 146]. В легенде, видимо, произошло более позднее отождествление монголо-татарского нашествия с казахскими набегами XVIII в., что нередко наблюдается в исторических преданиях. Таким образом, территория, занимаемая усерганами ранее, была намного шире современного ареала их расселения. Точные границы расселения племени очертить невозможно, но можно утверждать, что на западе они продолжались до долин рек Ток, Большой и Малый Уран, а на юге охватывали большую часть степей по среднему течению Урала.

Усергане имели и другое, более древнее название – муйтен (*мөйтән*). Согласно шежере, Муйтен-бий являлся родоначальником племени, а Усерган был его сыном [Башкирские шежере, 1960. С. 84]. Выше уже упоминалась его встреча с Чингисханом и получение из рук последнего ярлыка на правление. В одном из усерганских шежере говорится, что в территорию, пожалованную Муйтен-бию, включались земли «от истока до устья Белой вместе с притоками, лесами и горами, восточная сторона Урал-тау, воды рядом с Уралом Ишим, Ирман (?), Иртыш, вместе с лесами и горами, начиная от истока Яика гора Ялпы, обе стороны реки Яик, восточная сторона реки Яик до реки Тобол и впадающие в Яик все, какие есть реки, и леса и степи» [Хөсәйенов, 1985. С. 57]. Сам факт переговоров предводителя племени с Чингисханом говорит о том, что усергане в XIII в. представляли собой довольно крупное и сильное объединение. Кроме того, в одном из вариантов эпоса «Идукай и Мурадым» Туктамыш-хан, обращаясь к представителям семи башкирских племен – усерган, юрматы, тамьян, кипчак, катый, табын, шакман – выделяет сына Муйтена Бабсак-бея, обращаясь к нему со словами «когда переселялись, ты был глава, имя твоё знаменито», «когда кочевали, охранял ты нас» [Башкорт халык ижады, 2006. С. 388]. И только обращаясь к Бабсаку, он упоминает имя его отца, что говорит о том, что Муйтен-бий действительно имел большое влияние. В «Усерген тарихы» (Истории Усерган) говорится о том, что последними владениями Муйтен-бия были Яик, Сакмара, Касмарт, Сувар, Ик, Салмыш и другие реки, а резиденция его находилась в устье реки Касмарт, то есть на территории нынешнего Саракташского района [Хөсәйенов, 1985. С. 178].

Этноним «муйтен», несмотря на то, что зафиксирован как антропоним XIII в., имеет более древние корни. Он встречается в древнегреческих (Страбон) и древнеримских (Плиний) источниках. Исследовавший их Ахмет-Заки Валиди называет упомянутые в них племена, имеющие параллели в башкирской этнонимии: *мөйтән*, *бәжәнәк*, *уран*, *каң(лы)*, *аргаяс(ш)*, *табын*, *гәйнә* [Кузеев, 1991. С. 140]. На сегодняшний день, в отличие от большинства тюрко-монгольских этнонимов, не было выявлено этнонимов, сходных с «усерган» у других народов. Поэтому этноним «муйтен» может помочь в поиске древних корней племени. Муйтен – также редко встречающийся этноним, он зафиксирован кроме башкир у каракалпаков (в форме муйтен, мюйтен) и зеравшанских узбеков (митан), причем последние два племени

соседних народов являются родственными. У каракалпаков муйтены были наиболее древним племенем, которое в прошлом представляло собой отдельную этнографическую группу, отличающуюся от остальных племен. Этногенетические связи каракалпакских муйтенов ведут в Иран, Закавказье и страны Передней Азии. Это наиболее древние линии связей в их этнической истории, связанные, видимо, с происхождением племени. Арабскими и персидскими источниками X–XIII вв. зафиксирован целый ряд топонимов с основой «митан» в Левобережном Хорезме – Митан, Ак-тепе-Митан, Хош-тепе-Митан, Рамитан, Хурмитан, Армитан, Зармитан [Толстова, 1971. С. 246]. Предки среднеазиатских муйтенов считаются обособленной частью раннесредневековой кердерской культуры, существовавшей в дельте правобережной Амударьи [Толстова, 1984. С. 70–71]. Другая линия исторических связей муйтенов ведет на северо-запад – в Поволжье, Причерноморье и на Северный Кавказ. У каракалпаков-муйтенов и зеравшанских митанов распространены предания, в которых упоминаются Кавказские горы, Грузия, Дагестан, Черное море, Крым и, как более поздние места расселения, Волга, Урал и Туркестан [Толстова, 1971. С. 195]. По мнению исследователей, этнические корни муйтенов восходят к массагетам, а позднее они испытали влияние эфталитов и, особенно, тюркских кочевников [Кузеев, 1974. С. 144]. Интересно, что в обоих этнонимах – усерган и муйтен (в узбекском варианте митан) – присутствует суффикс -ан, который является суффиксом имени прилагательного в иранских языках и нередко встречается в этнонимах (алан, тамйан, дуван, бурджан).

В литературе много писалось об общности древней этнической основы башкирских усерган и каракалпакских муйтенов [Толстова, 1969. С. 181–184; Толстова, 1984. С. 220–222; Кузеев, 1974. С. 144–145]. Это подтверждается их этногенетическими легендами, а также параллелями в названиях родов, родовых подразделений и языке. Исследователи отмечают сходство в названиях родов – «бишей» у усерган и «бишул» у митанов [Толстова, 1969. С. 182–183]. Тамга усерган «*койошкан*» (нахвостник лошади) по своему основному начертанию аналогична тамге каракалпакских муйтенов, которая у них называется «шанышкы» (острога – орудие рыболовства у каракалпаков) [Кузеев, 1974. С. 144]. В ик-сакмарском говоре южного диалекта башкир, на котором говорят усергане, наблюдаются те же особенности, что и в говоре муйтенов-каракалпаков и зеравшанских узбеков-митанов: прогрессивная ассимиляция л после сонорных (вместо -нл – -нн, в каракалпакском *күннәр* (дни) вместо *күнләр*, в башкирском – *көннәр* вместо *көнләр*, *көндәр*) и употребление вместо фонемы «л» – «н» (вместо «*маңлай*» (лоб) – «*маңнай*», вместо «*тыңлай*» (слушает) – «*тыңнай*»). Исторические сведения свидетельствуют о тесном соседстве или проживании ранее на одной территории усерган с муйтенами: у усерган имеются предания о приходе их предков на Южный Урал с долин Сырдарьи, а у каракалпакских муйтенов – о пребывании на Едиле (Волге) и

Жаике (Урале). Причем последние, как и усергане, попали на Южный Урал в составе огузо-печенежского объединения [Толстова, 1984. С. 100; Толстова, 1963. С. 221]. Интересно, что в преданиях усерган также говорится о том, что каракалпаки являются их дальними родственниками [Насыров, 2000. С. 30]. А в одном из шежере усерган сообщается о том, что Муйтен-бий после пребывания среди башкир вернулся в Приаралье, к каракалпакам, где имелись башкирские города Муйтен, Конграт, Муйнак, Кызыл-кара, Урганак [Илбулдин, 1994. С. 177–178; Ильбулдин, 1995. С. 183]. Название города Муйнак из этого списка зафиксировано в качестве этнонима у усерган и муйтенов-каракалпаков. Причем он также встречается только у этих двух племен. У усерган это деревня под названием Муйнак в Зианчуринском районе РБ (сейчас разделена на три деревни: Верхний, Средний и Малый Муйнак), где, по преданию, находилась ставка Муйтен-бия. По другим источникам, основатель деревни по имени Муйнак переселился с берегов Аральского моря [Тулябаев, 2000. С. 211]. В предании, записанном П. С. Назаровым, в котором говорится о посольстве башкир к булгарам, организованном для того, «чтобы узнать, что за вера магометанская», называется человек по имени Ит-Кутлы-Муйнак. Называется и дата события – «где-то после 584 года» (в переводе с хиджры: после 1187 года) [Назаров, 1890. С. 166]. Топоним Муйнак часто встречается и на территории расселения каракалпаков-муйтенов.

Таким образом, усергане и муйтены-каракалпаки (соответственно и узбекские митаны) имеют этнокультурные признаки, отличающие их от других племен тюрко-монгольского мира, что объясняется общей индоиранской основой в их происхождении. Этническая близость двух племен косвенно подтверждается и историей их расселения, пребыванием в течение длительного времени на одной территории.

Каждое башкирское племя имело собственную родовую атрибутику – тамгу (родовой знак), уран (боевой клич), тотемное дерево и птицу. Как и другие тюрко-монгольские народы, башкиры считают, что она получена ими от Чингисхана. У усерган факт наделения родовыми символами Чингисханом зафиксирован в шежере [Башкирские шежере, 1960. С. 88]. Родовой птицей племени являлся журавль; легенды, связанные с культом этой птицы и сейчас широко распространены среди них [БНТ, Т. 2. С. 33]. В настоящее время у усерган, как, впрочем, и у многих других башкирских племен, журавль считается священной птицей, которую запрещается убивать.

Тотемное дерево племени – рябина; почитание ее в недавнем прошлом выражалось в насаждении рябиновых кустов возле жилищ, изготовлении пуговиц для детей из ее древесины в качестве оберега и т. д.

Основные, или наиболее распространенные, тамги усерган – X («*әуернә*») и X («*койошкан*» – нахвостник лошади) (см. таблицу 7). Вторая зафиксирована в шежере усерган как полученная от Чингисхана. Но чаще встречается первая тамга и ее вариации, что было отмечено еще Д. Н. Соколовым [Соколов,

Таблица 6.

Структура родового деления и родовая атрибутика племени усерган

Племя	Усерган (Үсәргән)					
Роды	Аскак (Акһак)	Апанды (Апанды)	Бишей (Бишәй)	Шишей (Шишәй)	Сары (Һары)	Кунак (Кунак)
Родовая атрибутика	Тамга – ☼, ✕ Уран – «муйтен» (мөйтән) Родовая птица – журавль (торна) Родовое дерево – рябина (миләш)					

1904, С. 32], а также подтверждается архивными и другими источниками. Боевым кличем племени – ураном – по разным данным, считаются «Токсаба» и «Муйтен». Причем если со вторым ураном все ясно, то с первым возникают вопросы. Токсаба известен как этноним средневековых кипчаков. Он зафиксирован и в качестве урана у башкирского племени кипчак. Возможно, совпадение уранов объясняется тесными контактами двух соседних племен.

Родоплеменная структура башкир, как и многих других тюрко-монгольских народов, являлась многоступенчатой. Башкирские племена («кабилә») подразделялись на рода (у юго-восточных башкир «ырыу» или «түбә»), а те, в свою очередь, на более мелкие родовые подразделения («ара», «түп») (от древнетюркского «топ» – группа, кучка). В ходе сбора полевого материала в Восточном Оренбуржье в 2000 годах оказалось, что знание племенной и родовой принадлежности башкирами почти полностью утрачено. Лишь небольшая часть пожилого населения относит себя к какому-либо племени, как правило, к усерганам или кипчакам. Уже Д. Н. Соколов, проводивший свои исследования в конце XIX – начале XX в., отмечал, что «усергане мало помнили названия своих түб (родов – Ю. А.)» и «нет не только каких-либо данных о распределении түб на территории, занимаемой племенем, но в настоящее время самые названия түб помнят только старики и поэтому нет возможности определить какие деревни к какой түбе принадлежат» [Соколов, 1904. С. 2]. Поэтому сведения о родоплеменной структуре башкир в основном черпались из источников и опубликованной литературы.

Наиболее ранние сведения о родовом делении племени усерган содержатся в работе П. И. Рычкова. В составленном им в первой половине XVIII в. списке башкирских племен у усерган зафиксированы следующие роды («тюбы»): ай-усергенская, жаутюба-усергенская, шишайлярская, бишайлярская, сурянская, чурашевская [Рычков, 2001. С. 42]. Исследователь второй половины XIX в. П. С. Назаров приводит в своей работе уже несколько иной состав племени: кунак, аскак, афанди, сураж, бишей, шишей, аю, куакань, сары – и отмечает, что два последних рода «считаются пришедшими после»

[Назаров, 1904. С. 170]. Различия в двух списках объясняются тем, что родовое деление у башкир не было постоянным: одни роды исчезали, появлялись новые, как правило, разросшиеся из родовых подразделений. Наиболее точный и полный состав родов усерган первой половины XIX в. зафиксирован в «Ведомостях», составленных башкирскими и мишарскими кантонными начальниками в 1834 году. Сведения из нее по оренбургским деревням представлены в таблице 7. В них содержатся данные о принадлежности к определенной тюбе (роду) каждой деревни. У усерган имелись такие тюбы как: Аксакова, Апандова, Аюва, Бишаевская, Шитаевская, Кунакова, Сарынская, Чурашевская, а также в единичном количестве Мамбетеева, Тамъянская, Кугарчинская [Западные башкиры. С. 262–284]. С тех пор уже родовое деление перестало иметь значение в жизни башкир и, следовательно, не претерпевало больше никаких изменений.

Таблица 7.
Башкирские деревни Восточного Оренбуржья в «Ведомостях» 1834 года
(сост. по: Западные башкиры. С. 262–284)

Название насел. пункта	Душ		Кантон, юрта, тюба
	муж. пола	жен. пола	
Акбулатово	94	124	9-й кантон, 1 юрта Усерганской вол. Бишаевской тюбы
Акчурина	78	65	9-й кантон, 4 юрта Усерганской вол. Аксаковой тюбы
Аскарова	103	90	9-й кантон, 2 юрта Усерганской вол. Аювой тюбы
Аскарова	49	40	9-й кантон, 14 юрта Усерганской вол. Тамъянской тюбы
Бикбердина	82	92	9-й кантон, 4 юрта Усерганской вол. Аксаковой тюбы
Биктимирово	178	182	9-й кантон, 15-я юрта Кипчакской вол. Карыевой тюбы
Бляу-Ялчинбаева	65	63	9-й кантон, 3 юрта Усерганской вол. Чурашевской тюбы
Бурангулова	138	134	9-й кантон, 1 юрта Усерганской вол. Апандовой тюбы
Бурангулова	125	114	9-й кантон, 10 юрта Усерганской вол. Апандовой тюбы
Гумерова	35	38	9-й кантон, 4 юрта Усерганской вол. Аксаковой тюбы
Зианчурина	165	138	9-й кантон, 1 юрта Кипчакской и Усерганской вол. Чурашевской тюбы
Ибрагимова	148	139	9-й кантон, 4 юрта Усерганской вол. Аксаковой тюбы
Идельбаева	161	152	9-й кантон, 3 юрта Усерганской вол. Гарей-Кипчакской тюбы
Ишмуратова	86	86	9-й кантон, 3 юрта Усерганской вол. Кара-Кипчакской тюбы
Кабаново	120	136	9-й кантон, 15 юрта, Кипчакской вол. Караевой тюбы
Каипова	40	34	9-й кантон, 1 юрта Усерганской вол. Апандовой тюбы
Канчурина	117	109	9-й кантон, 1 юрта Кара-Кипчакской и Усерганской вол. Аксаковой тюбы
Карагузино	73	99	9-й кантон, 15-я юрта Кипчакской вол. Карыевой тюбы
Кидрячева	85	77	9-й кантон, 3 юрта Усерганской вол.
Кулчумова	119	179	9-й кантон, 15-я юрта Кипчакской вол. Карыевой тюбы

Название насел. пункта	Душ		Кантон, юрта, тюба
	муж. пола	жен. пола	
Мамбетева	99	97	9-й кантон, 1 юрта Усерганской вол. Аксаковой тюбы
Назаргулова	98	122	9-й кантон, 3 юрта, Усерганской вол. Кунаковой тюбы
Псянчина	50	48	9-й кантон, 3 юрта, Усерганской вол. Кара-Кипчакской тюбы
Райманова	160	120	9-й кантон, 15 юрта, Усерганской вол. Аювой тюбы
Рысаева	74	40	9-й кантон, 3 юрта, Усерганской вол. Чурашевской тюбы
Рыскулова	275	229	9-й кантон, 3 юрта, Усерганской вол. Чурашевской тюбы
Сарыбаева	60	45	9-й кантон, 3 юрта, Усерганской вол. Чурашевской тюбы
Султанбаево	50	43	9-й кантон, 3 юрта, Усерганской вол. Апандовой тюбы
Сунарчина	97	89	9-й кантон, 11 юрта, Кипчакской вол. Караевой тюбы
Тлявгулова	108	126	9-й кантон, 1 юрта, Усерганской вол. Бишаевской тюбы
Утягулова	120	150	9-й кантон, 4 юрта, Усерганской вол. Аксаковой тюбы
Халилово	153	126	9-й кантон, 4 юрта, Усерганской вол. Аксаковой тюбы
Чебаклина	57	36	9-й кантон, 1 юрта, Усерганской вол. Апандовой тюбы
Чураева	100	67	9-й кантон, 4 юрта Усерганской вол. Аксаковой тюбы
Юлгутина	56	50	9-й кантон, 1 юрта Усерганской вол. Апандовой тюбы
Юмагузина	320	299	9-й кантон, 3 юрта Усерганской вол. Кунаковой тюбы
Ялчибаева	154	136	9-й кантон, 5 юрта Усерганской вол. Шитаевской тюбы

В совместной работе А. А. Камалова и Ф. У. Камаловой имеется список башкирских населенных пунктов Оренбургской области с указанием их родоплеменной принадлежности, составленный по полевым материалам авторов [Камалов, Камалова, 2001]. На оснтабове перечисленных выше, а также некоторых других источников удалось установить родовой состав усерган более позднего времени. Итак, племя усерган в начале XX в. имело в своем составе следующие роды: аскак (*аскак*), апанды (*абазы*), кунак (*кунак*), айыу (*айыу*), бишей (*бишэй*), шишей (*шишэй*), сураш (*сураш*), сары (*сары*).

Сопоставительный анализ названий родов в составе усерган и ряда других тюркоязычных народов показывает наличие параллелей в их этнонимии. Попробуем выявить на основе их сопоставления древние этнические связи усерган. Надо отметить, что в связи с непостоянством родового деления в представленный выше список вошли не все рода. В разное время у усерган существовали другие, более мелкие роды, впоследствии утратившие значение и вошедшие в состав остальных родов. Так, в списке П. И. Рычкова среди прочих называлась Жаутюбя-Усергенская тюба. В источниках не встречается род усерган с похожим названием. Между тем, существование его отразилось в топонимии занимаемой усерганами территории. На территории Зианчуринского и Кувандыкского районов проходит хребет Яутюба (деревни Яныбаево, Новосакмарск). Как известно, башкирские деревни часто получали названия по родам, к которым они принадлежали. На территории Хайбуллинского района существовала д. Яутюба (рядом с д. Акзигитово),

название которой предание связывает с казахскими набегами («яу» – битва, «түбә» – холм) [Рахимов, 2003. С. 63]. В одной из работ историка-краеоведа Р. Г. Насырова упоминается усерганская д. Сары-кая рода яутюба, которая была сожжена карателями в ходе восстаний XVIII в. [Насыров, 2000. С. 36]. Исходя из всего вышеперечисленного, можно заключить, что в составе усерган в XVIII в. существовал род яутюба, который прекратил существование в конце XVIII – начале XIX в. Нужно отметить, что у тюркских народов часто встречаются этнонимы с основой «яу», «джау», «жау» (жау кельды (узбеки), джау качкан (узбеки-локайцы)) [Губаева, 1983. С. 24]. Видимо, род яутюба усерган восходит к древнему роду или племени, который в период средневековья вошел в состав разных тюркских народов.

Еще один род из списка П. И. Рычкова, который не зафиксирован в других источниках – сурянский. Этимология названия неясна, возможно, она связана с названием реки Сурень (*Һүрәм*) в Зианчуринском районе РБ.

В списке усерганских волостей П. С. Назарова перечисляется род куакан. Причем отмечается, что он, наряду с родом сары, появился позже остальных. Кыуакан – крупное племенное объединение на северо-востоке Башкирии, в верховьях реки Белой, мигрировавшее на Южный Урал в составе табынского объединения в период средневековья. Части его вошли в состав различных башкирских племен в качестве родов и родовых подразделений. Видимо, у усерган к(ы)уакан был довольно крупным родовым подразделением, но самостоятельным родом так и не стал. Следы существования рода к(ы)уакан сохранились также в названиях родовых подразделений (подробнее в разделе 1.6). Возможно, в более раннее время куаканы кочевали вместе с усерганами, так как в одном из усерганских преданий говорится о том, что «верховодец» Муйтен-бий был направлен к Чингисхану от Куаканского и Усерганского родов [БНТ. Т. 2. С. 170].

Более древними в составе усерган являются роды сураш, айыу, кунак, что было отмечено Р. Г. Кузеевым [Кузеев, 1974. С. 110], позднее образовались бишей, шишей, аксак и апанды. П. С. Назаров считает бишей и шишей дочерними родами, отделившимися от рода сураш [Назаров, 1904. С. 43]. Косвенное подтверждение этому имеется и в одном из шежере усерган, где Бишей является сыном Сураша, а Сураш – сын Усергана [Тулябаев, 2000. С. 14]. Этнонимы бишей, кара бишей достаточно широко распространены в тюрко-монгольском мире и фиксируются у других башкирских племен, а также у узбеков и киргизов [Кузеев, 1974. С. 143]. Род бишей усерган большей частью расселялся на территории Зианчуринского района, что отразилось и в многочисленных топонимах, например в названиях речек Бишей-елга (д. Чиригулово), Бишей-куак (д. Абзаново). Часть его населяла и территорию современного Кувандыкского района, здесь имеются две деревни, – Акбулатово и Тлявгулово, – неофициальным названием которых является Бишей. В другом шежере говорится, что у основателя племени Усергана была три сына – *Ябыгуэр*

(Ябыгуэр), Ялпак (Ялпак), Суйельгужа (Сөйәлғужа). Потомки Ябыгуэра образовали роды айыу и бишей, Ялпака – сураш, кунак, акһак, Суйельгужи – шишей и абазы [Рахимов, 1994. С. 175]. Потомство Ялпака в основном расселялось в Восточном Оренбуржье, Суйельгужи – Хайбуллинском районе, Ябыгуэра – Зианчуринском районе. Деревни рода шишей большей частью расположены на территории Хайбуллинского района РБ. Относящиеся к этому роду деревни Восточного Оренбуржья – Яльчибаево, Нарбулатово, Ишкильдино – связаны своим происхождением с деревнями Хайбуллинского района.

Род сары в составе усерган имеет позднее происхождение, он считается дочерним родом, или произошедшим от родового подразделения рода шишей, что вполне согласуется с расселением этих родов [Назаров, 1890. С. 170; Рахимов, 2003. С. 62]. Род шишей занимал территорию по рекам Крепостной Зилаир, Баракал, Бузавлык, Таналык (от впадения в него Бузавлыка), Ташла, Сухая Губерля [Рахимов, 1994. С. 175]. А род сары в Оренбургской области заселял смежную с ним территорию – восточную часть Гайского района по реке Сухая Губерля. По сведениям местных жителей, раньше род сары занимал междуречье Куруила и Касмарта [Рахимов, 2003. С. 64]. Согласно шежере, родоначальником родов сары и апанды считается человек по имени Сары [Рахимов, 1994. С. 176]. Сары – неофициальное название деревни Ишкинино, Янтюрино и Янтышево. В Кувандыкском районе находятся два населенных пункта: поселок Сара и станция Сара, – расположенные недалеко друг от друга. Народная этимология объясняет их названия наличием желтой глины в местности (*һары* – башк. «желтый»), но скорее всего оно связано с расселением некогда рода сары на этой территории. Этноним сары широко распространен у тюркских народов – киргизов (саруу), туркмен (сары, эрсары), каракалпаков (сары, арсары, бессары), узбеков (сарыш), казахов (сары-кыпчак, сары-аргын, сары-усун, сегиз-сары) [Шаниязов, 1975. С. 219; Кузеев, 1974. С. 466–467]. Он встречается и во многих башкирских родоплеменных группах. Название рода, видимо, связано с некогда крупным племенным объединением средневековых кипчаков – сары-кыпчаками. Народ шары упоминается в составе кимакских племен, исследователи идентифицируют его с кипчаками [Кумек, 1972. С. 125]. Существует мнение, что название «сары», которое с тюркских языков переводится как «желтый», наряду с тождественными «половцы», «хардеш», отражало их европеоидность, рыжеволосость [Ахинжанов, 1999. С. 82–83]. Наличие кипчакского по происхождению рода у усерган свидетельствует о тесных контактах между ними и кипчаками, расселившимися на Южном Урале намного позже.

Сураш – также широко распространенный этноним на территории Башкирии. А в формах «чураш», «чурас» он встречается у узбекского рода тогузогуз племени кыпчак, имеются параллели и у каракалпаков, киргизов [Шаниязов, 1975. С. 136].

Айыу (башк. «медведь») – этноним, связанный, вероятно, с древними тотемными воззрениями башкир [Гарипов, Кузеев, 1971. С. 215]. Он встречается у других башкирских племен, а также у узбеков (аю, аючи) и киргизов (аюу). По мнению К. Ш. Шаниязова, племена, в названиях которых присутствует основа «аю», генетически связаны и относились к кипчакскому объединению [Шаниязов, 1975. С. 135]. У оренбургских башкир есть только две деревни рода айыу – д. Райманово Саракташского района (неофициальное название Айыу) и д. Аскарново Кувандыкского района.

Усергане рода аскак возводят свою родословную к Ильбак-батыру, которого называли также *Акһак* (башк. «хромой»). В настоящее время среди них часто встречаются фамилии Ильбаков, Ильбактин [Полевые материалы, 2004 г., Гайский район]. А род кунак шежере возводит к Кунак-тархану [Рахимов, 2004. С. 62]. Таким образом, названия этих родов, по-видимому, являются антропонимами.

Усерган рода кунак (башк. «гость») иногда отождествляют с родом *буре* (башк. «волк»). Но вероятнее всего буре – лишь крупное родовое подразделение в его составе. К нему относились три деревни, в неофициальных названиях которых присутствует слово «буре» – Верхненазаргулово (*Башбуре, Бүреяр*), Акчура (*Урта Буре, Катралы буреһе*), Сакмар-Назаргулово (*Һакмар буреһе*) (последняя в Хайбуллинском районе РБ). Во всех этих деревнях зафиксировано родовое подразделение *бүреләр*. Известно, что волк являлся распространенным тотемным животным, как у башкир, так и у других тюркских народов. Роды бурибай и бури зафиксированы в составе узбеков и киргизов [Шаниязов, 1975. С. 129]. Почитание культа волка отразилось и в легенде усерган, согласно которой волк стал их проводником при переселении на Южный Урал. Другая легенда записанная в д. Верхненазаргулово связывает происхождение рода буре с волчицей: парень из племени усерган женился на волчице, обернувшейся девушкой, но соплеменники не приняли их, и молодая семья стала жить отдельно. Их потомки образовали впоследствии род буре [БХИ, 1980. С. 82]. Ниже приводится родовой состав усерганских деревень в Восточном Оренбуржье XIX в., восстановленный на основе полевых материалов автора и сведений из работ П. И. Рычкова, П. С. Назарова, А. З. Асфандиярова, А. А. Камалова и Ф. У. Камаловой, Р. С. Рахимова, Р. Г. Насырова.

Итак, следующие роды преобладали в деревнях:

аскак – Старохашилово, Малохашилово, Чураево, Мало-Чураево, Акчура, Ибрагимово, Абубакирово¹, Мамбетеево*, Верхнеутягулово*, Бикташ*, Канчерово, Бикбердино*;

Затем по убыванию следуют роды:

кунак – Узенбаево, Ишберда, Юмагузино 1-е, Юмагузино 2-е, Юмагузино 3-е, Верхненазаргулово, Кунак*, Байназарово*, Алчинбаево*;

¹ Здесь и далее знаком * обозначены деревни, прекратившие существование.

апанды – Ялнаир, Бурангулово, Барангулово, Каипово, Юлгутлино, Султанбаево;

сураш – Рысаево, Сарбаево, Зиянчурино, Кидрясово, Миртирек*, Среднеаскарово, Нижнеаскарово;

бишей – Гумерово, Тлявгулово, Акбулатово;

шишей – Яльчибаево*, Нарбулатово, Ишкильдино*;

сары – Ишкинино, Янтюрино*;

айыу – Аскарово, Райманово.

Усергане в XVI–XVIII вв. сохраняли формально общеплеменную собственность на землю. В то же время, территория племени делилась между родами, причем каждый род имел определенное место зимнего и летнего расселения. Первоначально границы родовых владений были нечеткими, но со временем, когда раздел общеплеменной собственности стал оформляться системой записей и договоров, размеры владений волостей и родов были четко определены [Томашевская, 2002. С. 165]. В XIX в. разделение территории между усерганскими родами, зафиксированное в «Земельном шежере усерган», выглядело таким образом:

шишей считали своей родовой землей территорию от рек Зилаир и Сакмара, по реке Яик и до Уртазымской крепости;

бишей и аскак – от рек Зилаир и Касмарт до реки Яик и Орловской и Таналыкской крепостей;

кунак и апанды – от рек Касмарт и Сакмара, до реки Яик, Таналыкской и Тереклинской крепостей;

сураш и кыдрас – от рек Сурень и Касмарт до реки Яик, Орской крепости и Илецкой защиты [Насыров, 2000. С. 47–48]¹.

Таким образом, вырисовывается следующая картина расселения усерганских родов: бишей и шишей занимали в основном восточные и северо-восточные пределы племенной территории (Хайбуллинской, р-н РБ), аскак – южную часть (Гайский, восточная часть Кувандыкского р-на), сураш – западную (Зиянчуринский р-н РБ, Кувандыкский р-н), кыдрас и айыу располагались на северо-западе (Зиянчуринский р-н РБ, Саракташский р-н)². Приведенные

¹ По «Земельному шежере усерган», данные из которого приводит в своей работе Р.Г. Насыров, на родовой земле шишей основаны деревни Хайбуллинского района Кадырша, Акназарово, Абубакирово, Карьян, Кускар, Хайбулла, Байдавлетово, Кильсенбаево, на земле бишей – Айыулы, Ишмухаметово, Верхнее Галеево, Аралбай, Канзафарово, Агурда и Акчура Кувандыкского района, на земле аскак – Утарбай, Ултырак, Нурмухаметово, Бикбау, Ибрагимово, Урысбай и деревни Гайского и Кувандыкского районов, на земле кунак Галикеево, Акъюлово, Урта Буре, Сакмар-Назаргулово, Большое Арслангулово, Малое Арслангулово, Абишево, Малоабишево, деревни, основанные на родовых землях апанды, сураш, кыдрас находятся на территории Зиянчуринского района РБ и соседних районов Оренбургской области (Гайском и Кувандыкском р-нах [Насыров Р.Г. Указ. соч.. С. 34–35].

² Деревня Илячево-Турат рода айыу в Хайбуллинском районе по преданию основана выходцами с берегов р. Сурень Зиянчуринского района РБ.

данные о родовых землях усерган позволяют составить примерную карту расселения родов племени (Карта 2). Из карты видно, что родовые земли вытянуты в юго-восточном и южном направлении, образуя своеобразный сектор. Центром этого сектора является местность в междуречье рек Касмарт и Зилаир.

Итак, большая часть башкир Восточного Оренбуржья относилась к племени усерган, одному из крупнейших в юго-восточной Башкирии. Своим происхождением оно связано с индоиранским миром, что подтверждается многочисленными параллелями с каракалпакским племенем муйтен, восходящим к массагетам. Однако в период пребывания в Приаралье и, позже, на Южном Урале в состав усерган вошли многочисленные компоненты различных тюркских племен. Анализ усерганских этнонимов свидетельствует о связях усерган с различными племенными объединениями средневековья, которые вошли в состав многих народов Средней Азии.

Кипчакский компонент в составе башкир Восточного Оренбуржья

Другое крупное племя, расселявшееся в Восточном Оренбуржье – кипчаки. Они занимали территорию по правому берегу Урала в Саракташском, Сакмарском, западной части Кувандыкского района.

В составе башкирского народа кипчакский компонент сыграл важную роль. Исследователи отводят решающую роль в этнической истории башкир периоду с XII по конец XV в., когда происходило смешение и взаимодействие племен кипчакского этнического мира с местными башкирскими племенами, в результате которого сформировались этнокультурные признаки башкир [Кузеев, 1978. С. 173]. Активное взаимодействие башкир с кипчаками происходило на территории расселения северо-восточных, юго-восточных и зауральских башкир, что отразилось и на их антропологических признаках [Башкиры, 2002. С. 44]. Кипчакское воздействие изменило и языковое развитие башкир в направлении к формам, характерным для современного башкирского языка, который входит в кипчакско-булгарскую подгруппу кипчакской группы языков. Племена кипчакского круга вошли в состав различных башкирских племен. Кроме того, образовалось крупное племя кипчак, которое заняло обширные земли в центральной и южной Башкирии. В шежере в качестве вотчинных земель кипчаков зафиксирована территория, начинающаяся «при впадении Сакмары в Яик и по мелким речкам, впадающим в эти реки» и далее «по Белой реке, и по Икам и по Мендиму, и вверх и по Белой» [Башкирские шежере, 1960]. Южные пределы расселения племени приходились на территорию современного Саракташского и западной части Кувандыкского района области.

Средневековые кипчаки – тюркские племена центральноазиатского происхождения. В IV в. кипчаки переселяются с северо-востока Алтая на среднее течение Иртыша, а в конце VIII в. продвигаются на запад и занимают широкую полосу степей от юго-восточных отрогов Южного Урала до Приаралья. Здесь они находились в тесном этнокультурном взаимодействии с конфедерациями башкирских, печенежских, карлукских и огузских племен. По всей вероятности, в этот период кипчакской истории, то есть с IX в., началось их проникновение в состав башкир, когда они непосредственно граничили между собой по реке Урал [Кумек, 1972. С. 61]. Но решающего воздействия на формирование этнического облика башкир он не оказал, так как сами кипчаки в основной своей массе ушли дальше на запад. В этот период в состав башкир включились не собственно кипчакские племена, а родоплеменные группы, присоединившиеся к кипчакам до их продвижения в Волго-Яицкие степи и ассимилированные ими. Среди них находились такие роды, как таз и гарей, которые имеются в составе оренбургских башкир. Они образовали впоследствии кипчакский род гарей-кипчак и родовое подразделение таз у усерган [Кузеев, 1971. С. 27].

Само племя кипчак (кыпсак) в составе башкир образуется со второй волной кипчакской миграции XIII–XIV вв., которая сыграла существенное значение в этнокультурном формировании всего населения Южного Урала. Она усилила монголоидную примесь в антропологическом составе башкир, а также придала новый импульс развитию кочевого скотоводства и кочевнических традиций в культуре [Кузеев, Иванов, 1986. С. 16]. В период Золотой Орды кипчаки были основным населением южноуральских степей. Большая часть их археологических памятников концентрируется в бассейне среднего течения реки Урал [Моргунова, 2004. С. 94–96]. На территории Оренбургской области они обнаружены по реке Урал в Новоорском, Кувандыкском, Беляевском, Саракташском районах. Причем здесь расселились кипчаки, проникшие на Южный Урал в русле кипчакской миграции с востока и юго-востока. Они сохранили центральноазиатские черты в культуре и испытали угорское влияние, в отличие от кипчаков, ушедших на запад в южнорусские степи [Кузеев, 1994. С. 47].

После распада кипчакского объединения в результате монгольского нашествия части его вошли в состав многих народов, образовав при этом, в большинстве случаев, крупное племя. Башкирское племя кипчак также было одним из крупнейших, оно делилось на следующие рода:– кара-кипчак, санкем-кипчак, суун-кипчак, карагай-кипчак, гарей-кипчак, бушман-кипчак (второй половине XIX – начале XX в.). Схожий состав племени зафиксирован и в XVIII в. у П. И. Рычкова, правда, с той разницей, что кара-кипчаки называются у него сарыш-кипчаками. Как было установлено Р. Г. Кузеевым, сарыш – кипчакский род, впоследствии вошедший в состав более крупного объединения кара-кипчаков. Косвенным свидетельством того, что в составе

оренбургских кипчаков находился ранее род сарыш, является название местности «Һарыш» в Саракташском районе. В списке П. С. Назарова, относящемся к концу XIX в., сарыш уже отсутствует, автор перечисляет кипчацкие роды «Кара, Карагай, Суун, Пушмас и Чанким» [Назаров, 1890. С. 170].

Таблица 8.
Структура родового деления и родовая атрибутика племени кипчак

Племя	Кипчак (<i>Кыпсак</i>)					
Роды	Кара- кипчак (<i>Кара- кыпсак</i>)	Гарей- кипчак (<i>Гәрәй- кыпсак</i>)	Санкем- кипчак (<i>Сәнкем- кыпсак</i>)	Карагай- кипчак (<i>Карагай- кыпсак</i>)	Бушман- кипчак (<i>Бошман- кыпсак</i>)	Суун- кипчак (<i>Һууын- кыпсак</i>)
Родовая атрибутика	<p>Тамга – Ÿ □</p> <p>Уран – «токсаба» (тукһаба)</p> <p>Родовая птица – ястреб (карсыга)</p> <p>Родовое дерево – лиственница (карағас)</p>					

Родовая атрибутика кипчаков схожа с атрибутикой кипчацких родов в составе других народов. Основной их тамгой являлась фигура в виде двух параллельных вертикальных палочек – ||. По мнению Р. Г. Кузеева, она является второстепенной, производной от основной тамги, имеющей форму | [Кузеев, 1974. С. 174]. Родовое дерево башкирских кипчаков – лиственница (карағас), тотемная птица – ястреб (карсыга), а боевой клич – «Токсаба» («Тукһаба»).

С проникновением кипчаков в Башкирию они поначалу широко расселились по всему Приуралью, концентрируясь в междуречье Белой и Ика, однако под давлением новой волны кочевников были вынуждены продвигаться на восток и север. Род гарей-кипчаков расселился по реке Зилим, отделившийся от них род карагай-кипчак занял горные долины. Роды кара-, санкем-, суун-, ак-, бушман-кипчак поселились на территории от южной излучины Белой до низовьев Сакмары, включая и территорию нынешнего Восточного Оренбуржья [Кузеев, 1974. С. 184–185]. Кипчаки заняли часть земель расселявшихся здесь ранее бурзян и усерган, с которыми вошли в тесное взаимодействие. Граница между племенами усерган и кипчаков проходила ориентировочно по рекам Большой Ик и Сурень. По сведениям, полученным от местных жителей, в этой местности одним из обозначений границы служила гора Сатрай по реке Идяш на территории Зианчуринского района. В середине XVIII в. южная граница усерган с кипчаками зафиксирована немного восточнее – по реке Касмарт: правую сторону реки занимали кипчаки, левую – усергане [ГАОО Ф. 3. Оп. 1, Д. 96. Л. 52]. Кипчаки проникали и на территорию

усерганских вотчин, в результате чего появилось большое количество родовых подразделений кипчацкого происхождения в составе усерган. Также встречаются отдельные деревни кипчаков на родовых землях усерган, например Идельбаево (гарей-кипчак) и Псянчино* (кара-кипчак). Несмотря на то что кипчаки заселили башкирские земли довольно поздно, они заняли большую территорию и лучшие пастбища. Видимо, в народе относительно долго сохранялась память о пришлое характере кипчаков, так как Ч. Ч. Валиханов писал, что кипчаки «относительно коренных волостей составляют башкирское отродье» [Валиханов, Т. 1, 1961. С. 209]. Поздним появлением кипчаков объясняется и смешанное расселение их с другими племенами. Если на юго-востоке они проникали далеко в усерганские владения, то на юго-западе кипчацкие деревни «перемешаны» с бурзянскими [Мрясов, 1930. С. 74].

Информаторы-кипчаки Восточного Оренбуржья, говорят о приходе их предков с бассейнов Тока, Демы и Ика. Это соответствует маршруту заселения Южного Урала кипчаками, установленному Р. Г. Кузеевым, по которому они заняли сначала южную часть Бутульминской возвышенности, а оттуда продвигались на север и дальше на восток. Переселения эти были особенно активными в XIV–XV вв. в связи с событиями в переживавшей распад Золотой Орде [Кузеев Р. Г., 1974. С. 185]. По преданию, записанному в д. Идельбаево, основателями деревни Идельбаево, Ишмуратово, Сарбаево, Рысаево были братья, переселившиеся с бассейна реки Демы. В этом предании говорится о том, что, прибыв на новое место, мужчины пошли на охоту, а женщины и детей оставили в дупле дерева [Полевые материалы. Кувандыкский р-н, 2004 г., д. Идельбаево, Зубаирова Флюра М., 1947 г. р.]. Этот сюжет с дуплом находит параллели в легенде об Огуз-кагане, приведенной Рашид-ад-дином, в которой мифический мальчик Кыпчак, по имени которого назвали племя, был найден во время неудачного похода огузов на племя ит-барак в дупле дерева. Этимология самого этнонима связывается с древнетюркским названием дуплистого дерева – «кыпчак» [Ахинжанов, 1999. С. 60]. В другом предании родиной основателей д. Идельбаево называется бассейн реки Ик. [Полевые записи, 2005. Кувандык. р-н, д. Идельбаево, инф-р: Байгильдин Махмуд Рахметович, 1924 г. р.]. Это подтверждается и другими сведениями, по которым, в 1838–1844 гг. часть жителей д. Бикбовой, расположенной на реке Большой Ик (Зианчуринский р-н РБ), переселилась в д. Идельбаево.

Большинство кипчацких деревень Восточного Оренбуржья относилось к роду кара-кипчак (кара-кыпсак) (Кабаново, Кульчумово, Назарово*, Псянчино*, Рыскулово, Среднеаскарово, Нижнеаскарово, Ишмуратово, Карагузино, Чанким-Биктимирово*), занимавшему южную часть родовых земель кипчаков. Южные кипчаки всегда считали низовья Сакмары основным местом расселения и своими старинными землями. В кипчацком шежере говорится, что их предок Кушкар-бий после смерти отца, во время господства татарских ханов (монголов – Ю. А.) взял шестьдесят шатров и, перейдя

через Итиль, обосновался в устье Яика и Сакмары [Башкирские шежере, 1960. С. 95]. Род кара-кипчак, один из самых древних в составе племени, в прошлом представлял собой союз кипчакских племен сарыш, аслы и сайкам [Кузеев, 1974. С. 114]. Само название «кара-кипчак» является видоизмененным от «карый-кипчак», что в переводе с тюркских языков означает «старый/древний кипчак». Р. Г. Кузеев, исследовав этимологию слова «карый», приходит к выводу, что первоначально название рода, произносившееся как «карый-кипчак», означало «большой род кипчаков», «страну кипчаков» и соответствовало персидскому термину Дешт-и-Кипчак [Кузеев, 1974. С. 177]. Он связывает этническое происхождение кара-кипчаков с половецким племенем Токсаба [Кузеев, 1974. С. 118]. Кара-кипчаки составляли основу южной группы средневековых кипчакских племен. Этноним кара-кипчак кроме башкир зафиксирован у крымских татар, синьцзянских киргизов, узбеков и казахов, а сарыш – у зеравшанских узбеков.

В тамгах кипчаков Восточного Оренбуржья преобладают вариации характерной для кара-кипчаков тамги. Причем эта тамга встречается повсеместно в небольшом количестве и в деревнях усерган. А также в качестве составного элемента часто присутствует в смешанных усергано-кипчакских тамгах, что свидетельствует о тесном взаимодействии двух племен.

Интересно, что, по архивным документам, в некоторых деревнях, входивших в Усерганскую волость и относившихся к различным усерганским родам, встречаются только кипчакские тамги. Так, например, в д. Абубакирово* (Гайский р-н), относившейся к роду аксак усерган, большинство тамг являются вариациями тамги кара-кипчаков и имеют вид – ||| [ГАОО. Ф. 13. Оп. 2 Д. 109]. В документах XIX в. некоторые деревни в пределах Усерганской волости отнесены к Кара-Кипчакской и Гарей-Кипчакской волостям [Западные башкиры, С. 262–284]. Это объясняется тем, что в XVII–XVIII вв. волости в Башкирии выступали не только в значении административной единицы, но и в качестве земельной организации, родоплеменной единицы [Шакурова, 1992. С. 42]. Так, д. Псянчино* рода кара-кипчак относилась к Усерганской волости и была расположена довольно далеко от границы с кипчакскими землями. По документам 1874 года, у ее жителей преобладали кипчакские тамги: из содержащихся в документе десяти тамг восемь содержат основу || [ГАОО. Ф. 13. Оп. 2 Д. 109. Л. 21]. Неофициальное название этой деревни – Каратун, а в соседней кипчакской д. Идельбаево имелось родовое подразделение с таким названием [Полевые записи. Кувандыкский, Гайский р-ны. 2004]. Родовые подразделения каратун-кипчак зафиксированы и Р. Г. Кузеевым в составе племен усерган и бурзян [Кузеев, 1996. С. 853, 855, 862]. Вероятно, в составе башкирских кипчаков раньше имелся род каратун. Интересно, что такое название носит один из притоков Иртыша, на территории проживания кипчаков до их миграции на запад, а также речка в Зианчуринском рай-

оне РБ. Топонимом кипчакского происхождения является и название реки Кумак в Восточном Оренбуржье, правого притока Урала. С. М. Ахинжанов связывает его со средневековыми кимаками, с которыми были тесно связаны кипчаки до продвижения их на запад [Ахинжанов, 1999. С. 110–111].

В составе оренбургских кипчаков находились и гарей-кипчаки (гәрәй-кыпсак). Крупный кипчакский род гарей-кипчак расселялся в верховьях Нутуша, довольно далеко от оренбургских степей. Несмотря на удаленность от основного массива расселения рода, оренбургские гарей-кипчаки полностью сохранили свои тамги. Так, среди тамг вотчинников д. Идельбаево в документе 1874 года преобладают вариации гарей-кипчакской тамги (9 из 10 имеющихся в документе) [ГАОО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 109. Л. 25]. Тамги гарей-кипчаков также обнаружены в соседней д. Канчурино [НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 148]. Разрозненные части гарей-кипчаков видимо вошли в состав оренбургских башкир в XIV–XV вв., когда они продвигались на северо-восток из Южного Приуралья.

Древняя и крупная д. Биктимирово Саракташского района относилась к кипчакскому роду санкем (сәнкем). По преданию, ее основатели – Биктемир, Аккильде и Кулбек – переселились к Сакмарю с берегов Нутуша, родовых земель санкем-кипчаков. Выделившаяся из Биктимирово д. Сунарчино (Һунарсы) носила неофициальное название Верхний Санкем (Үрге Сәнкем), а другая стала называться Нижний Санкем* (Түбәнге Сәнкем; официальное название – Чанким-Биктимирово). Позже в 7 км от Чанким-Биктимирово был основан его выселок Ново-Гафарово (другое название – Яңы ауыл). В конце 1860-х годов сюда переселяются мишари Бузулукского уезда, которые образовали нижнюю часть деревни. В верхней живут башкиры [Солтанов Йыһат, С. 11]. Между Чанким-Биктимирово и Сунарчино находился еще один выселок первой – деревня Султанбаево* (другое название Урта ауыл; деревня прекратила существование, и сейчас это место называется «Иске кый»). Деревня Кабанкино (Кабан) Саракташского района также является родственной Биктимирово. По одному из преданий, основатели их Биктемир и Кабан являются родными братьями.

Кипчаки граничили с усерганами на западе, однако родоплеменные границы были нечеткими, что являлось следствием смешанности в расселении двух племен. Свидетельством тому являются и частые земельные споры, происходившие между жителями Усерганской и Кипчакской волостей во второй половине XVIII в. [ГАОО. Ф. 3 Оп. 1 Д. 96 Л. 52]. По реке Сакмарю усерганы и кипчаки селились также в совместных волостях, существовала даже общая «Кара-Кипчакская и Усерганская» волость, в ее составе находилась д. Канчурино (ныне Кувандыкского р-на). В настоящее время в Восточном Оренбуржье распространены деревни со смешанным (усергано-кипчакским) племенным составом, например: Ишмуратово, Рысаево, Сунарчино, Чанким-Биктимирово (см. таблицу 8). Известно, что чаще всего этноним становится географическим

названием там, где в окрестностях живут представители других этнических групп (народа, племени, рода): или этническая группа, поселившаяся рядом с другой, начинает называть себя по названию своего племени, отделяя себя от соседей, или последние называют их так, отделяя от себя. В районе, где проходила граница между усерганами и кипчаками, деревни часто носят названия племен – Кипчак (неофициальное название деревень Ишмуратово, Канчерово), Усерган* (прекратила существование, вошла в черту г. Медногорска).

Таким образом, кипчаки, несмотря на то, что появились в оренбургских степях намного позже усерган, широко расселились здесь. Само племя кипчак в Восточном Оренбуржье занимало небольшую территорию: только часть Саракташского и западные пределы Кувандыкского района, – но отдельные группы кипчаков инкорпорировались в состав усерган повсеместно, что отразилось в названиях родов, родовых подразделений, деревень, а также в тамгах усерганских деревень.

Племя тунгаур в Восточном Оренбуржье

Как и у многих других башкирских племен, их истоки идут с Алтая. В своих преданиях тунгауры называют родиной долины Иртыша. После участия в завоевательных походах полководца Тюркского каганата Кюль-тегина к началу VIII в. их предки достигли Приаралья [Сальманов, 2008. С. 161–164]. Тунгауры (түңгәүер) наряду с усерганами и бурзянами входили в союз башкирских племен, переселившихся на Южный Урал в IX в. У них, как и у усерган, имеются легенды, в которых повествуется о переселении их с Приаралья [БНТ, Т. 2. 1987. С. 122]. На Южном Урале они расселились по соседству с усерганами, заняв территорию северо-восточнее их в междуречье Сакмары и Таналыка. Основная территория расселения и родовые владения тунгауров находились в границах современных Хайбуллинского и Зилаирского районов, но часть их когда-то проживала в оренбургских степях. Ряд деревень тунгауров узкой полосой вклинивается между землями усерган на юге и бурзян на севере, это – деревни Гадель, Султан, Сукрак, Валитово, Исянгильдино, Абдулнасырово, Смаково, Мырзалар (Хайбуллинский р-н РБ). В начале XIX в. часть вотчинной земли тунгауров пограничная с усерганами была продана последним старшиной Тунгаурской волости. Эта территория от Таналыкской крепости по рекам Татырузяк, Камышузяк, Сакмара, от горы Турат до реки Таналык, до современной д. Таштутай [Кускильдин, 1995. С. 121; Камалов, 2001. С. 120]. На то, что северо-восточные пределы Усерганской волости занимали когда-то тунгауры, указывают и другие факты. По преданию, курган рядом с д. Белошапка (Аккәпәс; другое название Новоказанка) является захоронением Тунгаур-хана и называется «Түңгәүер убаһы» («Курган Тунгаура»)

[Сулейманов, 1994. С. 186]¹. Там же, на северо-востоке Кувандыкского района, находится местность «Тунгаур-кису» (башк. «Брод Тунгаур»; недалеко от д. Ольгополька). В Зианчуринском районе РБ, на территории занимаемой усерганами, существовала дорога «Түнгәүер юлы» («Дорога Тунгаур»), а также речка Тунгаур – приток реки Большой Сурень (рядом с д. Байдавлетово).

Тамги тунгауров повсеместно встречаются в документах XIX в., относящихся к деревням Усерганской волости (в Восточном Оренбуржье). Причем эти документы подписаны вотчинниками, то есть коренными жителями [ГАОО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 109]. П. С. Назаров также отмечал, что «во всех местностях Усерганской территории понемногу попадаются тамги тангауров» [Назаров, 1890. С. 44]. Тамга тунгауров имеет форму полумесяца ☾; одно из названий ее «айбаш» (дословно «голова-месяц», то есть нарождающийся месяц). Причем, как отмечал Р. Г. Кузеев, эта тамга исключительно устойчива у всего племени [Кузеев, 1974. С. 112]. Это подтверждается и нашими исследованиями: такая тамга, причем почти без изменений, встречается в деревнях Ишмуратово, Рысаево, Чураево, Ишбердино, Мамбетеево [ГАОО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 109. Л. 14, 19, 43 об., 83; Д. 118. Л. 19–20]. Подобную же тамгу имеет род орманши родоплеменного объединения аргын казахов Среднего Жуза. Называется она «айтамга» («тамга-месяц») [Курылев, 1989. С. 214]. Казахские аргыны кочевали на юго-востоке башкирских земель и были непосредственными соседями тунгауров и усерган. Схожесть тамг может указывать на вхождение одних и тех же компонентов в состав башкир и казахов.

Таким образом, близкое соседство и давние политические связи усерган с тунгаурами обусловили смешанное расселение их на пограничной территории и инкорпорацию части тунгауров в состав усерган.

Родовые подразделения

В родоплеменной структуре башкир следующим после рода звеном было родовое подразделение. У юго-восточных башкир, к которым относились башкиры Восточного Оренбуржья, они именовались чаще всего «ара», реже – «туй(б)», «түбә» или «током». Названия родовых подразделений, в отличие от названий родов и племен, достаточно хорошо сохранились в народной па-

¹ В тексте: «по словам жителя д. Матраево Зилаирского района Аргынова Мухаматьяна (1902 г.р), могила Тунгаур-хана должна быть рядом с деревней Белая шапка по дороге в сторону станции Кувандык. Она называется «курган Тунгаура»». Здесь автор, скорее всего, неверно отождествляет с. Белошапка Гайского района с д. Аккәпәс (баш. «Белая шапка») Кувандыкского р-на. Аккәпәс – башкирское название д. Новоказанка Кувандыкского р-на. По словам информаторов, курган (уба) между д. Аккәпәс и хутором Григорьевский образовался из горстей земли, которую насыпали воины каждый по горсти. Одновременно этот холм служил сторожевым постом.

мости. В ходе полевых выездов в башкирские населенные пункты Восточного Оренбуржья в 2000-х годах удалось собрать более ста наименований ара (см. таблицу 9).

В XIX – начале XX вв. ара представляла собой группу родственных семей, которые вели общее хозяйство. Они имели единую тамгу, незначительно варьиравшуюся в пределах родового подразделения. Внутри деревни такие семьи селились компактными группами, образуя отдельные кварталы. Во многих башкирских деревнях сохранились названия таких кварталов или улиц. Например, в д. Байказак, относившейся к роду аскак усерган, сохранилось несколько названий таких улиц: *Сыуылдак*, *Үзәнсе*, *Калмаклар*. Родоплеменное деление продолжало играть определенную роль в общественных отношениях вплоть до начала XX в. Башкиры четко отделяли представителей разных ара. Так, например, в усерганской д. Мазитово имелось ара *һарылар*, которое образовалось в результате брака усерганской девушки с парнем из рода *һарылар* племени *түңгәүер*. Это ара называли также *козалар*, то есть «сваты», подобным образом отделяя пришлый род от местного. Процесс выделения родовых подразделений шел постоянно, функционировали они в среднем полтора-два столетия. Таким образом, большинство сохранившихся до наших дней названий ара относится к образованным в XVIII–XIX вв. [Кузеев, 1974. С. 65]. В настоящее время сохранившиеся среди башкир названия родовых подразделений носят отчасти характер прозвищного наименования группы людей, объединенных кровнородственными связями. Названия ара имеют различное происхождение: образованные от антропонимов, названий животных, птиц, рыб, цветковые названия, содержащие числительные, имевшие сакральное значение. Между тем, среди них выделяется часть названий, имеющая древнее происхождение и восходящая к этнонимам родоплеменных групп эпохи средневековья, участвовавших в сложении того или иного рода, свидетельствуя об этническом происхождении носителей данного родового названия. Поэтому названия ара представляют большой интерес в изучении этнической истории: в них отразились следы участия в этногенезе башкир тех этнических компонентов, которые не всегда можно проследить по другим источникам.

Так, среди названий родовых подразделений усерган часто встречается этноним таз. Тазлар (*тазлар*) – крупное подразделение усерганского рода аскак. Название Таз (Тазларово) носит усерганская деревня Зианчуринского района РБ, основатели которой по преданию переселились из д. Бикбау рода аскак. Род таз входил в состав табынского родоплеменного объединения эпохи средневековья, и часть его осела на Южном Урале не ранее XIII в., небольшими группами влившись в состав различных местных племен [Кузеев, 1974. С. 355–356]. Так, например, кроме усерган табынские этнонимы зафиксированы у соседних с ними кипчаков и бурзян. Племя таз имеется у северо-западных башкир. Этноним таз встречается также в составе многих других на-

родов: казахов, узбеков, каракалпаков, североалтайских кумандинцев, кыргызов, туркмен, ногайцев [Шаниязов, 1975. С. 145].

В составе табынского объединения находился и род кыуакан, части которого впоследствии вошли в состав различных башкирских племен. У усерган зафиксировано родовое подразделение к(ы)уакан (*кыуакан*) в составе рода аскак (д. Малохалилово Гайского р-на). Существование рода *кыуакан* нашло отражение и в топонимии края (ручей Кудакан-Сарлаган (*Кыуакан-Сарлаган*) в д. Байказак и ручей Куакан-Куван (*Кыуакан-Кыуан*) в д. Ибрагимово Кувандыкского р-на).

Часть родовых подразделений восходит к племенам кипчакско-печенежского круга. Одним из часто встречающихся названий ара в Восточном Оренбуржье является туркмен (*төрөкмән*) (деревни 3-е Юмагузино, Барангулово, Бикташево) [Полевые записи автора, 2005 г. Кувандыкский р-н]. Оно восходит к роду туркмен огузского происхождения, расселявшемуся в X–XII вв. на Сырдарье. В XII в. туркменские рода смешались с кипчакскими и в составе кипчакской миграции пришли на Южный Урал, сохранив свой этноним [Кузеев, 1974. С. 184–185]. Огузского происхождения и этнонимы, связанные со значением «собака» («эт»), которые часто встречаются в неофициальных названиях деревень и родовых подразделений оренбургских башкир. Это ара *эткөсөк* (собака-щенок), *эткуян* (собака-заяц), *каракөсөк* (черный щенок), *эткол* (собака-раб?), *этимгән* (вскормленный молоком собаки), а также деревни Эткол/офиц. назв. Юлдашево, Этбармас/Габбасово, Этбак/Ургинка, Көсөк/Абишево, Каракөсөк (прекр. сущ-е), Этбай/Рыскулово). Роды этимган и эткусюк имеются и в составе сарт-айлинских башкир, которые также связаны с огузским миром [Кузеев, 1974. С. 184–185]. Было высказано мнение о генетическом родстве последних с распространенными среди туркмен родовыми наименованиями, связанными с собакой (*коджук* (щенок), *копекли* (пес), *йомут* (вскормленный молоком собаки)). Возникновение этих параллелей отнесено к III в. н. э., когда существовали тесные связи между Хорезмом и сарматами Поволжья–Приуралья [Васильева, 1971. С. 203]. Этнонимы огузского происхождения могли появиться у башкир и в результате соседства башкирских племен с племенами огузо-печенежского круга в период пребывания их в Приаралье, а также в период миграции кипчакско-печенежских племен на Южный Урал.

В деревнях Ишмуратово Кувандыкского района и Чанким-Биктимирово* Саракташского района зафиксировано родовое подразделение *йыуасалы*, которое встречается также у племени суун-кипчаков в Куюргазинском районе РБ (д. Котлоюл-Йыуасалы) и у ток-чуранских башкир (д. Калман). Причем, сами представители кувандыкских йыуасалы говорят о приходе их предков с берегов Тока [Полевые записи автора 2004 г., Кувандыкский р-н, д. Ишмуратово, инф-р: Хайбуллин Ишберды 1927 г. р.]. По преданиям ток-чуранских йыуасалы, которые нашли отражение в народной песне, они некогда являлись

большим племенем, кочевавшим возле Аральского моря, на территории современного Узбекистана [Шаһманов, 2003. С. 167–177; БНТ, Т. 8, 1995. С. 38–39, 339]. Пребывание некогда племени йыуасалы в Приаралье отразилось в названии реки Джусалы в Западном Казахстане. Краевед Ф. Ильбулдин называет йыуасалы родовым подразделением усерганского рода сураш; по нашим сведениям, они зафиксированы и среди башкир племени кара-кыпсак. Кургазинские йыуасалы находились в составе рода сынрян, затем переселились к тамьянам и кипчакам, а после оказались в составе племени юрматы [Ильбулдин, 1995. С. 183]. Вероятно, части этого, некогда крупного, средневекового племенного объединения, вошли в состав башкир и расселились на широкой территории юга и юго-запада Башкирии.

Среди названий родовых подразделений Восточного Оренбуржья встречается и этноним бурзян (*böryän*). В топонимии Восточного Оренбуржья следы пребывания *бурзян* отразились в названиях речек Бурзян (приток речки Бухарча в Кувандыкском р-не), Ямаш (ямаш – название рода в составе бурзян), горы Бурзян [Усманова, 1994. С. 56–57]. Эти топонимы, видимо, появились в период продвижения бурзян с Южного Приуралья на восток, на место последующего расселения. Интересно, что в начале XVIII в. бурзяне предъявляли права на землю, на которой первоначально строился город Оренбург – в устье реки Ор, оспаривая право владения ею у усерган [МИБ. Т. VI. С. 83]. Вероятно, в этот период существовали тесные контакты между племенами, в том числе и общее владение пастбищами. Тамги бурзян вида Т также встречаются повсеместно в деревнях усерган. Например, в документе 1874 года в д. Назаргулово из имеющихся в списке 32-х тамг 7 – бурзянские, в д. Ишбердино 7 тамг из 15 бурзянские [ГАОО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 118. Л. 29, 83]. Это основная тамга племени бурзян, причем в деревнях Восточного Оренбуржья она обычно встречается в «чистом» виде, без вариаций. Кроме того, в некоторых деревнях информаторы сообщали о приходе их предков «со стороны Бурзяна».

Иногда, в случае более позднего переселения, ара получало название по названиям мест первоначального расселения. Так, предки родового подразделения *үзәнсе* в д. Байказак переселились из долины реки Уzenь в Самарском Заволжье. Известно, что в XV–XVII вв. часть башкир, в том числе и усерган, после ухода ногайцев вновь заняла свои южные кочевья в долинах рек Большой Ирғиз, Большой и Малый Уzenь, Чижи. Но в XIX в. после земельного конфликта с казаками Уральского казачьего войска (1815–1830 годов) часть башкир переселилась с территории Самарского Заволжья на юго-восток Башкирии [Маннапов, 2010]. По словам информатора из д. Бурагулово (Акбулат), ее род происходит от «башкир, оставшихся от бугурусланских башкир» (по названию реки Большой Бугуруслан, левого притока реки Кинель в Самарской области) [Полевые записи, Кувандыкский р-н. 2004 г. Инф-р Буранбаева Гаухар, 1928 г. р.].

На территории Восточного Оренбуржья, являвшейся в прошлом юго-восточной границей башкирских земель, наиболее активно протекали межэтнические контакты башкир с соседними кочевыми народами. В XVII в. в оренбургские степи проникают отдельные группы калмыков, которые смешались с местными башкирами. С этим периодом связаны названия многочисленных ара калмак (*калмак*). Родовые подразделения калмак зафиксированы повсеместно среди оренбургских башкир, в населенных пунктах Старохашилово, Малохашилово, Яльчибаево, Миртирек*, Псянчино*, Акчура, Бикташ*, Бурагулово (Акбулат). На территории Гайского района между деревнями Малохашилово и Нарбулатово существовало небольшое поселение под названием Хэмзэ*, которое называли также Калмаклар. По словам информаторов, оно было основано выходцами из д. Малохашилово, семьей Насыровых, которые входили в родовое подразделение калмаклар. Деревня прекратила существование в 1920-х годах, а оставшееся население переселилось в ближайшие башкирские деревни: Малохашилово, Нарбулатово, Старохашилово [Полевые записи. 2003 г. Гайский р-н, д. Малохашилово, инф-р: Габадинова Найля Махмутовна 1922 г. р.].

К XVIII в., периоду наиболее тесных контактов с казахами, восходит появление родовых подразделений казах (*казак*) у оренбургских башкир. По преданию, девушку из д. 1-е Юмагузино украли казахи, через некоторое время ей удалось бежать с ребенком, который родился в период ее пребывания у казахов. Род этого мальчика стали называть «род казахов» («*казаклар токомо*») [Полевые записи. 2004 г., Кувандыкский р-н, д. 1-е Юмагузино, инф-р: Базикова (Исламгулова) Хадия Ахметшарифовна, 1918 г. р.]. В некоторых случаях этноним *казак* имел иное происхождение. Часть казахов поселилась на башкирских землях в середине – второй половине XVII в., когда особо ожесточенные формы приняла казахско-калмыцкая война. В составе усерган зафиксировано несколько родовых подразделений мамбет, чьи генеалогии восходят к Сары Куланды из казахского племени аргын. Они считают себя казахами, оставшимися среди башкир в конце XVII в. [Кузеев, 1974. С. 163]. К этому периоду может относиться и появление некоторых родовых подразделений казак. Также активными были переселения казахов в первой половине XIX в. по экономическим причинам, когда последние нанимались в работники к башкирским баям [Султангалиева, 2001. С. 17, 47–48]. В Усерганской волости, которая граничила с казахами на юге и востоке, такое явление наблюдалось особенно часто. Некоторые из перешедших на башкирские земли казахов остались здесь навсегда и влились в состав башкир. В д. Сабаклы башкирские семьи Исянбаевых и Карамурзиных еще во второй половине XX в. помнили свое казахское происхождение и продолжали общаться со своими родственниками в Казахстане [НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 296. Л. 137]. Появление родового подразделения казаклар в д. Мало-Чураево (Ерекле) также восходит к XIX в. По преданию, их

предки были выходцами из долины реки Орь, левого притока Урала. Род казаклар в д. 3-е Юмагузино (Бляутамак) происходит от казахов, переселившихся с берегов реки Алимбетовка (левый приток Урала) [Полевые записи. 2004 г. Кувандыкский р-н, д. 3-е Юмагузино, инф-р: Хасанов Минлегали Давлетович, 1926 г. р.].

Кроме казахов и калмыков в этнонимии башкир Восточного Оренбуржья оставили след и другие народы, имевшие контакты с башкирами. Встречаются следующие этнонимы в названиях ара: *мишэр* (мишари), *сегэн* (цыгане), *карагалпак* (каракалпаки), *нугайлар* (ногайцы), *мукишлар* (мокша – этнографическая группа в составе мордвы). Появление родовых подразделений каракалпак в составе башкир связаны, вероятно, с небольшой группой каракалпаков, кочевавшей в бассейне Эмбы и Яика в XVIII в. [Жданко, 1998. С. 263].

В родоплеменной этнонимии отразилось и существование категории припущенников среди башкир. Так, в деревнях Кидрясово и Бурагулово имеется родовое подразделение *пропущенниклар*. Некоторые родовые подразделения содержат приставку *ас-*, например, *ас-мамбет*, *ас-рысбай*, *ас-калмак*. Возможно, они соотносятся с этнонимом *ас*, *аз*, известном на огромной территории от Алтая до Урала. Он зафиксирован в составе ногайцев, в Узбекском улусе XV в., у киргизов, алтайцев, телеутов, башкир-кайтаев [Калмыков, Керейтов, Сакалиев, 1988. С. 11; Султанов, 1982. С. 8]. *Асы* – тюркоязычные племена VIII–IX вв., которые в XIII в. распространились по всему Дешт-и-Кипчаку и тогда, вероятно, вошли в состав башкир. Р. Г. Кузеев связывает их появление на Южном Урале с миграцией племени катая [Кузеев, 1974. С. 228–230]. У оренбургских башкир встречается этноним *азнай*, который распространен и среди других родовых групп башкир. Такое родовое подразделение зафиксировано и у усерган Зианчуринского района РБ, который граничит с Оренбургской областью [Яубасаров, 1997. С. 173]¹. Еще один этноним, встречающийся здесь – *танатар*. У усерган есть деревни Тангатар и Танатар/Урысбай (Хайбуллинский р-н РБ); Танатар – также неофициальное название кипчакской деревни Мрясово Новосергиевского района Оренбургской области. Родовое подразделение *танатар* встречается среди казахов рода жагалбайлы. Кроме того, так называются река в северо-западном Казахстане и урочище у побережья Аральского моря. А.-З. Валиди в своих «Воспоминаниях» упоминает д. Тангатар у зауральских башкир, где слово «тангатар» употребляется в значении войска, которое стояло на карауле ночью («*төн катар*») [А.-З. Валиди. 1991, С. 143]. По мнению Р. Г. Кузеева, этноним *тунгатар*, встречающийся в топонимии и этнонимии башкир и киргизов, связан

¹ По преданию, во время нападения казахов жена бия Азаткула оставила грудного мальчика, спрятав его в кустах. Когда башкиры прогнали казахов и вернулись, увидели, что мальчик жив. Несмотря на то что за целую неделю без пищи младенец сильноослаб, он быстро поправился. Мальчика нарекли Азнагулом (Азнагол, от башк. «азна» – неделя), а потомков его потомков стали называть «азнайзар».

с Семиречьем и имеет тюрко-согдийское происхождение, причем этимология его схожа с башкирской: Тункатай = тўн (ночь)+катағ (стража) [Кузеев, 1974. С. 268].

Б. Х. Кармышева называет родовое подразделение орь в племени усерган и связывает его происхождение с подразделением орь в составе таджикского племени конграт-тартулы [Кармышева, 1976. С. 215]. Но нам не приходилось встречать в источниках и литературе этноним орь в качестве родового подразделения усерган. Название Орь носит река – левый приток Урала – на территории Восточного Оренбуржья.

Среди названий родовых подразделений встречается большое количество этнонимов животного происхождения. Часть из них, возможно, связана с тотемистическими воззрениями, как, например, *торна* (журавль). Журавль являлся тотемной птицей племени усерган [Илимбетова, 2015. С. 186–189]. Надо отметить, что большинство зооэтнонимов являются названиями животных и птиц, обитающих в оренбургских степях – *өйрәкләр* (утки), *һайысқан* (сорока), *бесәй* (кошка), *тауык* (курица), *йомран* (суслик), *торна* (журавль), *тартай* (коростель), *куянлар* (зайцы), *ыласын* (сокол). Поэтому не все зооэтнонимы связаны с тотемными животными и иногда имеют позднее происхождение.

Часто встречаются в этнонимии цветковые обозначения, обычно в качестве прилагательных: *каратабан* (черные пятки), *кызыл йозрок* (красный кулак), *кызылбаиш* (красная голова), *каралар* (черные), *һарылар* (желтые), *каратамак* (черное горло), *караколак* (черное ухо) и т. п. В некоторых родовых названиях присутствуют числительные, например *кырк сәүәтә* (сорок мисок). Как было отмечено выше, часть наименований ара возникла довольно поздно. Некоторые из них связаны с родовыми или индивидуальными прозвищами, ставшими впоследствии названиями ара, например – *йөн табан* (волосатые ступни), *күн сикә* (кожаные щеки).

В представленной ниже таблице 9 обобщены сведения о родовых подразделениях в башкирских деревнях Восточного Оренбуржья из полевых материалов и опубликованных источников.

Таблица 9.
Родоплеменная структура башкир Восточного Оренбуржья

Населенный пункт	Название род. подразделения	Фамилия	Род	Племя
Малохалилово (Ахун)	калмак	Хозайбирзин	Акһақ, карағай-кыпсак	Үсәргән, Кыпсак
	каратабан	Хозайбирзин		
	колош	Хозайбирзин		
	кызыл йозрок	Илбактин		
	сегән	Изегин		
	тазлар	Илбактин		

Населенный пункт	Название род. подразделения	Фамилия	Род	Племя
Старохапилово (Байказак)	калмаклар мотайлар кәкре токомнар үзәнсе йомран тауык кәзә куян һайысқан тумалак мәмбәт	Моталлапов Моталлапов Әпсәләмов То(у)комов Мәмбәтов Мәмбәтов Мәмбәтов	Акһак, карагай-кыпсак	Үсәргән, Кыпсак
Чураево (Сурай)	бутка һатар күн сикә көршәк тире һөргән урыслар	Рысаев Рысаев Рысаев Языкбаев Килдебаев	Акһак	Үсәргән
Мало-Чураево (Ерекле)	көршәкләр казаклар	Тойгонов Туктағолов	Акһак	Үсәргән
Акчура (Аксурә, Урта Бүрә)	бутым йөн табан көршөк күн сикә калмаклар	Рысаев Языкбаев Тойгонов Тойгонов	Акһак	Үсәргән
Верхнеутягулово (Үрге Үтәғол, Бишөйлө)	һайысқан сүлмәк шайыклар	Юнысов Кызырғолов, Изрисов Колсәетов, Исәнғолов	Акһак	Үсәргән
Бикташ	калмак	Торсонбаев, Буранбаев	Акһак	Үсәргән,
Бикбирзе *	төрөкмән пропушенник	Казбулатов Яппаров	Сураш/ Апанды	Үсәргән
Ибрагимово (Ибраһим, Көймәзәй)	куянлар татарлар		Акһак	Үсәргән
Гумерово (Гүмәр, Акбулат)			Акһак Бишәй	Үсәргән

Населенный пункт	Название род. подразделения	Фамилия	Род	Племя
Тлягуловло (Теләүғол, Түбәнге Бишәй)			Акһак Бишәй	Үсәргән
Канчерово (Кансыра)	таулы күбәләк-тиләү кызылбаш казакбай оло кәпәс шүрәле		Акһак Бишәй	Үсәргән
Акбулатово	колғара ыласын йәғфәр		Бишәй	Үсәргән
Яльчибаево (Әптрәш)*	калмаклар каратабан ка(ы)псак өйрәкләр төйгөсләр	Алтынбаев Алтынбаев Әлмөхәмәтов Йосопов	Шишәй	Үсәргән
Нарбулатово (Нурбулат)	нурботой каралар кыуакан сонтор төрөсләр	Нарбулатов Кызырбаев Ялсыбаев Хозайбирзин Азнабаев	Шишәй	Үсәргән
Ишкинино (Ишкинә, һары, Ялан һарыһы)	ас рысбай күрек каралар сөм казан тазлар үткер бысак-ер усак шыгкыр	Ырысбаев Үтәмешев Кызырбаев Үтәганов Кызырбаев Ишпалбаев Мухаметов	һары	Үсәргән
Янтюрино (Йәнтүрә)*			һары	Үсәргән
Ижберда Ишбирзе)			Кунак	Үсәргән
Юмагузино 1-е (Тирәкле)	һүрекләр өксәмә казак	Исламғолов	Кунак	Үсәргән
Юмагузино 2-е (Имәнтамак)			Кунак	Үсәргән

Населенный пункт	Название род. подразделения	Фамилия	Род	Племя
Юмагузино 3-е (Беләүтамак)	бакшы казак каратамак кырк сеүәтә тазлар төрөкмән	Таһиров Илембәтов Әбдүлмәнов Ибраһимов Әминов	Кунак	Үсәргән
Верхненазаргулово (Бүре, Башбүре)	бүреләр		Кунак	Үсәргән
Узембаево (Үзәнбай)	сегән		Кунак	Үсәргән
Байназарово* (Кураған башы)			Кунак	Үсәргән
Алчинбаево* (Алсынбай)			Кунак	Үсәргән
Ялнаир (Сабаклы)	кыуатлар мишәр кәнсәр дишә кыуыклар	Кыуатов Искәндәров Тләүмбәтов Изелбаев Мырзабәков	Кунак	Үсәргән
Барангулово (Бурагол, Акбулат, Кызылтаң)	азнай башкапсыгк калмак кызылбаш тартай төрөкмән тыраш ямансура	Аллакыуатов Рәхмәтов Буранбаев, Торсонбаев Мәксүтов Сәлихов Казбулатов Тимеров Яубасаров	Апанды	Үсәргән Үсәргән
Каипово (Кәйеп)			Апанды	Үсәргән
Юлгутлино (Юлғотло)	нуғайлар бабалар, кәтәннәр		Апанды	Кыпсак Үсәргән,
Бурангулово (Бурангол)	кормос, котокай, татар		Апанды	Үсәргән
Идельбаево (Изелбай)	күрек казак	Изелбаев, Кудашев	Гәрәй-кыпсак	Кыпсак

Населенный пункт	Название род. подразделения	Фамилия	Род	Племя
	караколак каракалпак кыпсак сәпәй сураш торна калмак бөрийән үгез алабай каратун	Ғалиев Ырсаев Биккужин Ырсаев Котлоәхмәтов		
Псянчино (Каратун)*	калмак		Кара-кыпсак	Үсәргән, Кыпсак
Ишмуратово (Касанай, Кыпсак)			Кара-кыпсак	Үсәргән, Кыпсак
Рысаево (Ырсай)	кәрәкәй каптыртуң кортло төкөн сураш	Игишев Ырсаев Ырсаев Ырсаев	Сураш	Үсәргән
Миртирәк*	алабай калмактар сәпәй торналар эткөсөк	Даутов Биккужин, Түләков Кудашев Аккүбәков	Кара-кыпсак	Үсәргән
Кидрясово (Бесмән)	әнәк сутырман	Ямантаев, Әбрәхимов		Үсәргән
Сарбай (Һарбай)	алғышай перембәт		Сураш	Үсәргән
Зианчурино (Бәкәтәр)			Сураш	Үсәргән, Кыпсак
Аскарово (Асқар, Колтай)			Айыу/Тамъян	Үсәргән, Кыпсак
Сунарчи (Һунарсы, Үрге Сәнкем)			Кара-, Сәнкем- кыпсак	Үсәргән, Кыпсак

Населенный пункт	Название род. подразделения	Фамилия	Род	Племя
Рыскулово (Ырысқол, Этбай)	йыуасалы мукшы башкапсыглар күрек борайлар апал		Кара-кыпсак	Үсәргән, Кыпсак
Чанким-Биктимирово (Түбәнге Сәнкем)	төрөкмән борай бешкәк күрек маңка башкара		Сәнкем-кыпсак,	Үсәргән Кыпсак
Султанбаево (Һултанбай)			Апанды	Кыпсак
Райманово (Айыу)			Айыу, Кара-кыпсак	Үсәргән, Кыпсак
Новогафарово				Кыпсак
Кульчумово (Колсом)				Кыпсак
Среднеаскарово			Сураш	Үсәргән
Нижнеаскрово			Сураш	Үсәргән
Кабаново (Кабан) Карагузино	бубылдар калмаклар аҫбаттар типтәр		Кара-кыпсак	Кыпсак

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что сохранение названий родоплеменных подразделений свидетельствует о том, что они продолжают играть определенную роль в социальной жизни. Такие этнонимы являются ценным источником при восстановлении этнической истории башкир. Благодаря им определяются многочисленные этнические компоненты, вошедшие в состав оренбургских башкир. В родовой этнонимии отразились следы участия племен табынского круга (таз, куакан), огузских племен (эт, кусюк), а также компонентов соседних народов (калмак, казак, каракалпак, нугай, татар и др.).

История башкирских населенных пунктов Восточного Оренбуржья

В Восточном Оренбуржье в настоящее время находятся сорок три деревни, в которых башкирское население является преобладающим. Кроме того, из документов и со слов информаторов известно о не менее чем двадцати двух деревнях, прекративших свое существование в первой половине XX века. У юго-восточных башкир, которые перешли к оседлому образу жизни в последнюю очередь, постоянные поселения возникли довольно поздно. Ранее земли по правому берегу Урала являлись летними кочевьями башкир. С другой стороны, основание оседлых поселений затруднялось в связи с приграничным положением региона: во-первых, границы здесь были относительно условными и довольно подвижными, во-вторых, часто происходили военные столкновения. В районе границы плотность населения всегда была относительно низкой.

Массовое основание постоянных поселений в юго-восточных степях стало возможным лишь с образованием пограничной крепостной линии по реке Урал. С. Н. Шитова отмечала, что история нынешних башкирских деревень здесь редко насчитывает более 250 лет [Шитова, 1984. С. 4]. И. К. Кириллов в 1734 году, выбирая место для строительства города Оренбурга в устье реки Ор, сообщал, что здесь «земля ничья, а иногда на охоту приходят башкиры ближних волостей, и иногда кайсаки, а жилья и кочевья никакого не было» [МИБ, Т. VI. С. 83]. В этом же письме И. Кириллов пишет, что на землю, на которой собираются строить город, претендуют жители Усерганской и Бурзянской волостей.

Определение времени появления постоянных поселений в оренбургских степях усложняется и в связи со следующим обстоятельством. Множество башкирских деревень прекратило существование в период башкирских восстаний XVIII в. Большая их часть была сожжена после восстаний 1730–1750 годов, вызванных началом деятельности Оренбургской экспедиции и строительством города Оренбурга на башкирских землях. Как известно, первоначально город закладывался в устье реки Ори, поэтому близлежащие башкирские деревни, находившиеся на территории современных Гайского и Кувандыкского районов, пострадали в первую очередь. В преданиях самих башкир сохранились сведения о деревнях, сожженных карательными войсками. Точных данных об их количестве в документах не имеется. Но в качестве примера, иллюстрирующего массовый характер уничтожения деревень в этом регионе, можно привести следующий факт: майор Г. Останков в ходе подавления восстания в 1735–1736 годов с 22 по 30 мая «ходил по Яику, где воровских разорил выше 113 деревень» [МИБ. Т. VI. С. 196]. В этот период все существовавшие на территории Восточного Оренбуржья поселения башкир были сожжены, жители их бежали на север, в более безопасные горнолесные

районы. С другой стороны, башкирские деревни на территории Восточного Оренбуржья начинают фиксироваться в русских источниках довольно поздно, лишь с укреплением русской администрации в регионе во второй половине XVIII в.

Таблица 10.
Дата основания и появления башкирских
деревень Восточного Оренбуржья в документах.
(сост. на основе собс. данных и работы Ф. Г. Хисамитдиновой
«Башкирская ойконимия XVI–XX вв.». Уфа, 1996)

Деревни	Время первой фиксации и дата основания
Гайский район:	1765
Старохашилово (Хәлил, Байказак)	1879
Малохашилово (Ахун)	1795
Нарбулатово (Нурбулат)	1795
Ишкинино (Ишкинә, һары, Ялан һарыһы)	–
Ижберда (Ишбирзе)	≈1855
Узембаево (Үзәмбай);	–
Кувандыкский район:	
Ялнаир (Сабаклы)	1582 г.
Чураево (Сурай)	1765
Мало-Чураево (Ерекле)	–
Акчурино (Аксура, Урта Бүре, Катралы бүреһе)	1750–1760–е
1-е Юмагузино (Тирәкле)	–
2-е Юмагузино (Имәнтамак),	–
3-е Юмагузино (Беләүтамак)	–
Верхнеутягулово (Үрге Үтәғол, Бишәйлә)	1795
Сарбаево (Һарбай)	1795
Идельбаево (Изелбай, Кыпсак)	1795
Рысаево (Ырсай)	1765
Ишмуратово (Ишморат, Касанай, Кыпсак)	–
Верхненазаргулово (Бүре, Башбүре, Төлкөүлгән)	1795
Нижнеутягулово	1761
Тлявгулово (Үрге Бишәй)	1795
Гумарово (Акбулат)	1761
Акбулатово (Түбәнге Бишәй, Тук Бишәйе)	–
Бурангулово (Бурағол, Акбулат, Кызылтаң)	1795
Барангулово (Буранғол, Старый Кантон)	1795
Юлгутино (Юлғотло, Утарауыл)	1816
Ибрагимово (Ибраһим, Көймәзәй)	1775
Кидрясово (Кызрас, Бесмән)	1795
Зиянчурино (Бәкәтәр)	1765

Деревни	Время первой фиксации и дата основания
Баш. Канчерово (Кансыра)	
Аскарково (Асқар)	
Саракташский район:	–
Рыскулово (Ырысқол, Этбай)	1785
Сунарчи (Һунарсы, Үрге Сәнкем)	1802
Султанбаево (Һултанбай)	1795
Карагузино (Карағужа)	–
Новогафарово (Яңауыл)	–
Райманово (Райман)	–
Биктимирово (Биктимер)	–
Кульчумово (Колсом)	–
Кабанкино (Кабан)	–
Среднеаскарово	
Нижнеаскарово	
Деревни, прекратившие существование	
Яльчибаево (Үрге Әптрәш)	1765
Ильяс-Мусино (Түбәнге Әптрәш, выселок д. Яльчибаево)	–
Янтюрино (Йәнтүрә, Түбәнге Һары, выселок д. Ишкинино)	–
Ниж. Чебакла (Түбәнге Сабаклы, Урта ауыл)	–
Кунаково (Кунак)	–
Абубакирово (Әбүбәкер, 2-се Әбеш)	–
Псянчино (Каратун)	–
Нижнеутягулово (Түбәнге Үтәғол)	–
Мамбетеево (Мәмбәтәй, ныне в черте г. Кувандык)	1795
Усерган (Үсәргән, выселок д. Алчинбаево, ныне в черте г. Меднгорск)	1926
Алчинбаево (Алсынбай, ныне в черте г. Медногорск)	
Байназарово (Кураған башы)	1765
Юнусово (Каскын, выселок д. Байназарово)	1765
Хазимухаметово (Сакмағош)	—
Бикташево (Якшыбай, Бикбирзе)	1765
Миртирәк	–
Азнай	–
Ярташ (рядом с с. Кидрясово)	–
Чанким-Биктимирово (Сәнкем-Биктимер)	1795
Акташ	
Карасура (Төрткән)	
Ишкильдино (Ишкилде)	
Каипово (Кәйеп)	

Основная часть оренбургских деревень начинает фиксироваться в 1765–1775 годах. Таким образом, по сохранившимся в архивах источникам невозможно установить дату основания деревень. Другое дело – устные предания самих оренбургских башкир, которые время основания некоторых поселений относят к XVI в. (например, деревни Чураево, Сабаклы, Зианчурино, Сарбай).

Постоянные поселения башкир, как правило, появлялись на местах зимних поселений рода. Все наиболее древние деревни в оренбургских степях расположены в местах, удобных для проживания и содержания скота в зимнее время. Несмотря на то, что большая часть изучаемой территории занята степями, деревни расположены в местах с хотя бы небольшой древесной растительностью. В горнолесной части (Кувандыкский, Саракташский р-ны) они расположены с подветренной стороны предгорий, в долинах рек, а в степной местности (Гайский р-н) – в ложбинах и впадинах, защищенных от холодных ветров и буранов. Обязательным условием основания деревни было наличие достаточного для скота количества питьевой воды, поэтому все они находятся по берегам рек. Деревни, образовавшиеся на основе зимников, обычно считаются основной деревней рода (*тәп ауыл*). Как правило, она называлась по имени основателя – предводителя одного из родовых подразделений [Кузеев Р. Г., 1978. С. 118–119]. Из основной деревни выделялись семьи и образовывали выселок, новую деревню, входившую в род. Например, д. Ишкинино Гайского района была образована переселенцами из д. Янтышево ныне Хайбуллинского района РБ; д. Сабаклы рода *апанды* образовалась как выселок д. Бурагулово. Жители последней называли земли вокруг Сабаклы зимними кочевьями рода [Научный архив ИИЯЛ УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 296. Л. 137]. Этот процесс продолжался вплоть до конца XIX в. Так, в 1870 году из д. Халилово (Байказак) выделилась семья Давлеткула Ильбактина и образовала д. Малохалилово (Ахун); первая стала называться Старохалилово. Неофициальное, народное название Малохалилово – Ахун, – связано с тем, что там проживал ахун¹ 3-й Усерганской волости Мухаметгалей Ильбактин.

Многие оренбургские деревни меняли место своего расположения: они основывались немного дальше от старого места, которое называлось потом «*иҫке э(к)ый*». По нашим материалам, в XIX в. большинство деревень сменило место расположения. В конце XVIII в. И. Г. Георги также отмечал непостоянство в расположении башкирских селений: «Ежели им какое нибудь место в их стране покажется лучше прежнего, то покидают они свою деревню и строят новую» [Георги, 1776. С. 89]. В большинстве случаев переселение было связано с изменением русла реки, которая, разливаясь, начинала затапливать деревню. Часто перенесение месторасположения деревни даже на небольшое

---

¹ Ахун – мусульманское духовное лицо.

расстояние сопровождалось сменой названия. Например, д. Ишкинино при основании носила название Сары, а после того как она переместилась на 1 км, получила нынешнее название. Крупная деревня Зианчурино вначале носила название Субханкулово «по имени старика Субханкула, поселившегося здесь одним из первых». В 1840-х годах после указа губернатора поселиться правильными улицами деревня перемещается в более удобное для этого место и начинает называться Зианчурино по имени «именитого башкира Янчуры, самого старшего в роде после Субханкула. Неофициальное название ее Букатерь, по преданию, было дано по имени еще одного жителя – старика Букатеря, жившего «у подножия крутой горы, на берегу озера, находящегося на расстоянии трех верст» от деревни [Баишев, 1985. С. 1]. Скорее всего, это место также было одним из ее предыдущих местоположений.

Многие башкирские деревни образовались в 1834 годах после указа оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского о ликвидации хуторов. С тем чтобы сохранить летние кочевья, некоторые семьи переселяются, а зачастую просто официально обосновываются на месте хутора и образуют новые деревни [Асфандияров, 1984. С. 130].

Башкирские деревни имели, как правило, два или более названий. Официальные названия в большинстве случаев являлись антропонимами и давались по имени основателя, старшины, например Халилово (от имени Халил), Гумерово (Гумар), Нарбулатово (Нурбулат), Акбулатово (Акбулат), Яльчибаево (Ялсыбай) и т. д. Большинство неофициальных названий деревни получали по названию племени или рода. Например: Ишмуратово – Кипчак, Сунарчино – *Үрге Сәнкем* (Верхний Санкем), Рысаево – Сураш, Райманово – Айыу, Верхненазаргулово – *Бүре*, Тлягулово – *Үрге Бишәй* (Верхний Бишей), Акбулатово – *Түбәнге Бишәй* (Нижний Бишей). Как уже отмечалось, иногда этноним являлся официальным названием деревни.

Родовая принадлежность играла определенную роль в башкирском обществе еще в XIX в. В материалах переписи 1859 года отразились частые переселения башкирских семей из одной деревни в другую, причем обычно такие передвижения происходили в пределах рода. Например, в пределах рода апанды переселялись: из деревень Каиповой в Султанбаеву, из Юлгутлиной в Чебаклы, из Чебаклы в Юлгутлину, Каипову, Бурангулову и т. д.; в пределах рода кунак – из 2-й и 3-й Юмагузиной в Узенбаеву, из Акьюловой в Ишбердину и т. д. [НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 706]. Иногда, правда, бывало так, что семья переписью была зафиксирована в одной деревне рода, а фактически проживала в другой родственной ей [см Приложения. Документ 1].

Многие нынешние башкирские деревни Гайского района были основаны как выселки усерганских деревень современного Хайбуллинского района РБ, граничащего с Оренбургской областью на севере. Это было связано с переселением усерган из приицких степей в период восстаний середины XVIII в. в труднодоступные горнолесные районы [История Башкортостана..., 1997.

С. 257–258]. Близость к пограничной линии стала причиной того, что все деревни здесь были выжжены. Когда обстановка в оренбургских степях стала спокойнее, башкиры вернулись на свои родовые земли. Одна из древнейших деревень рода кунак Акъюлово (Хайбуллинский р-н РБ) первоначально располагалась в оренбургских степях. В одном из преданий говорится, что род кунак ранее расселялся в долине реки Орь, а затем переселился к берегам реки Губерля. Жители д. Акъюлово, спасаясь от карательных войск, три раза меняли месторасположение деревни, пока она не оказалась в устье реки Зилаир. По прошествии многих лет потомки переселившихся башкир решили возвратиться на родовые кочевья. Разрешение на переселение получает житель деревни Акъюлово Ишберды Ишкинин, который дослужился до чина хорунжего и имел две медали: «За взятие Парижа 19 марта 1814 года» и «В память Отечественной войны 1812 года». В 1854 году часть жителей д. Акъюлово во главе с ним основывают д. Ижберда (*Ишбирзе*) в Губерлинских горах на берегу небольшой реки Каялы. Туда же переселяются семьи Байбулатовых и Кускильдиных из другой деревни рода кунак – Арслангулово. Во второй половине основываются несколько деревень в Губерлинских горах вблизи пограничной линии. Причиной этого было желание сохранить башкирами свои родовые земли в период массового хищения и изъятия башкирских земель. Так, несколько семей из д. Абишево (ныне Хайбуллинский район РБ) выделившись основали д. Абубакирово* (ныне не существует) на р. Губерля недалеко от г. Орска. После Отечественной войны образовалась и д. Кунак по реке Губерля, которая ныне прекратила существование [Насыров, 2000. С. 33]. Из Акъюлово выделилась и д. Юмагузино, образовавшая впоследствии пять деревень – 1-е, 2-е, 3-е и 4-е Юмагузино (Кувандыкский р-н) и Узенбаево (Гайский р-н). В настоящее время д. 4-е Юмагузино прекратила существование, жители ее переселились большей частью в д. Арслангулово Хайбуллинского района РБ.

Во время карательных действий правительственных отрядов исчезла и деревня рода аскак Бикбау (Аккуза) в губерлинских степях. Часть жителей деревни переселилась в долину реки Сакмара, на территорию современного Хайбуллинского района, другая – в отроги гор Южного Урала в Зианчуринском районе. Башкиры обеих деревень называли своей родовой землей долину Губерли. Обе деревни имели мало общинной земли для ведения полукочевого хозяйства, что подтверждает их позднее переселение на эти земли [Насыров, 2000. С. 32]. К роду аскак относились также деревни Ултырак, Нор*, Урысбай*, Абишево, Малоабишево*, Чураево, Акчура, Халилово (Байказак), Верхнеутягулово*, Нижнеутягулово. Бикбау была одной из наиболее древних деревень рода, из нее выделилось пять семей, образовав новую д. Ултырак. Из д. Ултырак, в свою очередь, выделились деревни Урысбай*, Нор-Нурмухаметово, Утарбай, Ибрагимово* (Ботороз) (есть еще одна д. Ибрагимово в Кувандыкском р-не, а Ибрагимово/Ботороз находилось

на границе Хайбуллинского и Зилаирского районов РБ на левом берегу реки Крепостной Зилаир), Кулберды* (*Колбирзе*) (Хайбуллинский, р-н). Выселки д. Абишево образовали деревни Абубакирово (Касак, 2-е Абишево (после 1812 года; рядом с д. Узенбаево), Мало-Абишево (*Төрткән*), Кусеево (*Күсәй-Сәлихйән*).

Неофициальное название д. Ишкинино рода сары – Сары (*Һары*), Степной Сары (*Ялан Һарыһы*). А в Хайбуллинском, районе РБ существовала д. Акзигитово, неофициальным названием которой было Лесной Сары (*Урман Һарыһы*). Из Акзигитово выделилась д. Янтышево, а из Янтышево – Ишкинино в 1715–1716 годах (основатель-первопоселенец – Янтышев Шарип) [Полевые записи. Гайский район, 2003. Инф-р Утямишев Ишбулды]. Из Ишкинино, в свою очередь, выделяется деревня Янтюрино Гайского района, которая прекратила существование в 1970-х годах.

Род шишей занимал в основном территорию Хайбуллинского района РБ. На территории Оренбургской области к роду шишей относились деревни Ишкильдино*, Бляу-Ялчибаево* и выделившаяся из нее д. 2-е Яльчибаево* (*Әптрәш*), а также Нарбулатово, которая связана своим происхождением с д. Яльчибаево. Из одной из древних деревень рода Акназарово (Хайбуллинский р-н РБ) выделяются несколько семей во главе с Ишкильды Асяновым и основывают д. Ишкильдино* на берегу реки Ташлы (Кувандыкский р-н). В начале XX в. под натиском русских и украинских переселенцев жители деревни вынуждены были переселиться на новое место в устье речки Акхыйыр (Хайбуллинский, р-н). В 1950-х годы деревня прекратила существование, население её переселилось в близлежащие деревни [Полевые записи. Хайбуллинский р-н, 2003. Инф-р: Казакбаев Мухаметьян Абдуллович, 1924 г. р., д. Сакмар-Назаргулово].

В истории образования башкирских деревень Восточного Оренбуржья можно выделить два направления. Деревни, расположенные восточнее – по рекам Губерля, Кураган, по среднему течению Сакмары – имеют общие корни с деревнями Хайбуллинского района, что было проиллюстрировано вышеприведенными примерами. А деревни по нижнему течению Сакмары связаны своим происхождением с деревнями Зианчуринского района. Так, например, д. Гумерово, по сведениям информаторов, основана выходцами с берегов реки Сурень, а многие башкирские деревни Зианчуринского района основаны переселенцами с берегов Сакмары и Яика (деревни Сиргул, Идяш, Юлдашево, Муйнак, Баишево). Такие переселения были частыми в XVII в. [Түләбаев, 2000. С. 177, 183, 194, 211, 224].

Отдельно следует выделить деревни припущенников. Категория припущенников появляется в изучаемом регионе только в XIX в. Основную часть их составляли татары, в меньшем количестве – казахи. Поначалу припущенники проживали совместно с вотчинниками, в одной деревне. В Оренбургском уезде по 7-й ревизии 1816 года на 15 745 башкир мужского пола приходилось

92 припущенника. В семи башкирских волостях – Усерганской, Тамьянской, Бурзянской, Кара-Кипчакской, Суун-Кипчакской, Бушман-Кипчакской и Чанким-Кипчакской – на 14 769 вотчинников по 7-й ревизии приходилось 1 070 припущенников (на 1842 год) [ГАОО. Ф. 13. Оп. 1 Д. 49. Л. 43]. Если рассматривать отдельные деревни, то в 1837 году в них было припущенников: в Чанким-Биктимировой – 81, Сунарчиной – 39, Султанбаевой – 32, Рыскуловой – 26, Бурангуловой – 12, Аскаровой – 4, Юлгутлиной – 97, Зиянчуриной – 32, Барангуловой – 36, Тлявгуловой – 8, Мухамедьяровой – 336 [ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 49. Л. 298]. Всего 703 человека. Со временем припущенники образовывали отдельные деревни. Так, в материалах переписи 1859 года зафиксированы деревни Юлгутлина-вотчинников и Юлгутлина-припущенников, Узенбаева-вотчинников и Узенбаева-припущенников. Но после они вновь объединялись в одну деревню. В 1876 году образуется д. Ишанова из припущенников деревень Яльчибаево и Халилово [ГАОО. Ф. 13, Оп. 1, Д. 221]. Деревня Кидрясово Кувандыкского района была основана припущенниками-татарами, переселившимися с разных мест в XVIII в. По сообщениям информаторов, земля, на которой основана деревня, принадлежала башкирам д. Рысаево. Свои права на эту землю жители деревни получили после размежевания башкирских земель лишь в конце XIX в. В настоящее время деревня башкирская, но многие ее жители являются потомками припущенников татар. Некоторые такие башкирские деревни со временем становились преимущественно татарскими по национальному составу, в результате ассимиляции татарами коренного башкирского населения. Это, например, деревни Узенбаево, Юлгутлино, Каипово.

Таким образом, история постоянных поселений башкир в оренбургских степях начинается с XVI–XVII вв., хотя документированно она прослеживается лишь со второй половины XVIII в. Будучи основаны на местах зимних поселений, все башкирские деревни расположены по берегам рек, в местах, защищенных от ветра, то есть удобных для зимнего содержания скота. Из архивных источников и устных преданий хорошо прослеживается история образования оренбургских деревень: из одной основной деревни рода выделялись семьи, которые основывали новые. Причем связь между деревнями одного рода поддерживалась вплоть до середины XIX в. История башкирских деревень Восточного Оренбуржья тесно связана с остальными деревнями усерган, находящимися на территории Республики Башкортостан.

* * *

В этническом отношении башкирское население Восточного Оренбуржья сложилось на основе ассимиляции местного населения тюркскими племенами, появившимися здесь в IX–XIII вв. – усерганами и кипчаками. Длительное соседство двух племен и, соответственно, тесные контакты между ними при-

вели к большой смешанности их, взаимопроникновению отдельных компонентов племен. Так, у усерган, чьи родовые земли занимали большую часть Восточного Оренбуржья, обнаруживаются рода кипчакского происхождения. Кроме того, ранее на территории Восточного Оренбуржья расселялись и части другого юго-восточного племени тунгаур.

Формирование этнического облика оренбургских башкир в целом завершилось в XIII в. с вхождением в их состав кипчакских родов и образованием племени кипчак. Но и в последующий период происходили события, которые продолжали влиять на их этнический облик. В течение XVII–XIX вв. в результате тесных межэтнических контактов в состав башкир включались отдельные компоненты соседних народов.

Глава 2

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ВОСТОЧНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ В XV–XX ВВ.

Ногаи в Восточном Оренбуржье и их роль в этнической истории юго-восточных башкир

На протяжении XV – третьей четверти XVI вв. основным содержанием истории башкир стало нахождение их в составе Ногайской Орды и тесные контакты с ногаями¹. В первой половине XV в. в результате распада Золотой Орды на ее бывшем пространстве образуется ряд новых государств. После длительной борьбы за золотоордынское наследство на огромной территории Волго-Яицкого междуречья и зауральских степей утвердили гегемонию ногаи. Ногайское господство распространилось на большую часть исторических земель башкир: к западу от Уральского хребта оно достигало нижнего течения реки Белой, в Зауралье – верховьев рек Ик и Ай.

Этническую основу ногайского народа составили тюркские по происхождению племена и племенные объединения, обитавшие на просторах Прииртышья, Северо-Западной Монголии, Средней Азии, Северного Кавказа. К концу XV в. они оформились в единый ногайский этнос. На территории южной Башкирии ногаи находились в тесных взаимоотношениях с башкирами. Межэтнические контакты башкир и ногаев, с одной стороны, были обусловлены общими этническими компонентами в составе обоих народов, а с другой – близостью языка и кочевой культуры, которая уже получила освещение в литературе [Керейтов, 1998. С. 127–128]. Сопоставление этнонимов башкир с ногайскими в некоторой степени подтверждает их генетическую близость. В частности, в составе обоих народов зафиксированы этнонимы кипчак, кереит, ас которые находят параллели и в этнонимии башкир Восточного Оренбуржья. Особенно следует выделить кипчакский компонент, который сыграл важную роль в их этнической истории. Для башкир время господства Ногайской Орды в этническом отношении явилось периодом их дальнейшей кипчакизации [Кузеев, 1978. С. 173]. Также следует отметить, что и сами башкиры осознавали этническое родство с ногаями. По сообщению

---

¹ Вслед за В. В. Трепавловым мы будем называть ногаями жителей Ногайской Орды, а их более поздних потомков – ногайцами.

И. И. Георги, башкиры «выводят свою породу от Ногайцев» [Георги, 1776. С. 85]. В одном из башкирских шежере сыновьями башкирского первопредка Кинзи называются Татар, Мишар, Нугай и Иштяк [Трепавлов, 1997. С. 9].

Характер этих взаимоотношений определялся господствующим положением ногаев, которые, будучи преемниками Золотой Орды, переняли и доминирующие положение в степи. Но, в отличие от монголов, их господство нанесло большой урон хозяйству башкир, так как ногаи заняли родовые кочевья южных башкирских племен, и таким образом подорвали экономическую основу уже сложившегося полукочевового хозяйства местного населения [Азнабаев, 2005. С. 22]. В предании, рассказанном П. И. Рычкову старшиной Ногайской дороги Кидрасом Муллакаевым, говорится о жестоком обращении Акназар-хана (казахский хан Хак-Назар, ногайский наместник в Башкирии в 1522–1538 годах) с башкирами: он «всячески их изнурял и в бессилие приводил, ибо на три двора токмо по одному котлу иметь допущал, и как скот и пожитки, так и детей их к себе отбирал и землями владеть и також чрез Белую реку переходить не допущал» [Рычков, 2001. С. 183; Трепавлов, 1997. С. 19–21]. Чокан Валиханов сообщает, что «Акназар известен притеснениями своими башкир в 1556 году» [Валиханов, Т. 1. С. 123]. Если территория западной и восточной Башкирии, совпадавшая с Казанской и Сибирской дорогами, лишь находилась под властью ногаев, то на территории Ногайской дороги, они стали кочевать на родовых землях башкир [Трепавлов, 1997. С. 7]. Основные кочевые маршруты ногаев располагались в Южной Башкирии, где находились лучшие пастбища. В шежере племени юрматы говорится: «В давние времена на этой земле жили ногайцы. Они кочевали всюду, по долинам рек Зай и Шешма» [Башкирские шежере. С. 27]. На территории родовых земель башкир племен усерган и кипчак также находились ногайские кочевья. В настоящее время здесь распространены топонимы с основой «нугай». Летом ногаи кочевали по рекам Сакмара, Таналык, Яик (Урал), Орь, а зимой уходили на север, в более лесистые места. По реке Эмбе находились владения ногайского мурзы Динбая бин Исмаила, позже – Алтакара (Алчагира), а на месте будущей Орской крепости – зятя Акназар-хана Шеих-Мамая [Трепавлов, 1999. С. 9; Рычков, 2001. С. 181–182]. В устье Сакмары находилась ставка Басман-хана. По мнению В. В. Трепавлова, эмбинские кочевья ногаев являлись, наряду с Сарайчиком, центром, из которого велось управление Ногайской Башкирией [Трепавлов, 1997. С. 9].

Таким образом, контакты между башкирами и ногаями сводились в основном к данническим отношениям. При этом они кочевали, вероятно, попеременно на одних и тех же территориях. Ногаи заняли кочевья башкир на всем протяжении восточных и южных границ, и разграничение их пастбищ не всегда было четким. Это подтверждается многочисленными преданиями и шежере, в которых говорится о том, что в осенне-зимнее время башкиры откочевывали далеко на юг, вплоть до Илека, Чижинских разливов и Эмбы,

где было легче организовать тебеневку скота, и где находились кочевья ногаев [Томашевская, 2002. С. 20]. Лишь с уходом ногаев на юг во второй половине XVI в. границы расселения юго-восточных башкир вновь расширились. После принятия русского подданства, спустя три года после взятия Казани, им была выдана грамота на «степные и уральские восточные земли» по рекам Яик, Сакмара, Большой Малый Сурень вплоть «...до трех Узеней по течению оных до Чижей по обе стороны вверх до Деркул», то есть на земли, занимаемые раньше ногаями. Грамота эта была подтверждена в 1661 году царским правительством [Томашевская, 2002. С. 23].

Длительный период нахождения под ногайским владычеством у башкир Восточного Оренбуржья отразился в их преданиях. Так, рядом с д. Бурансы Беляевского района, по преданию, находились кочевья ногайского батыра Карасая. Его имя носит и озеро, находящееся рядом, а само название деревни связывается с именем приближенного Идука, ногайского батыра Бурансы. Там же, если верить преданию, находится захоронение с надмогильной плитой, принадлежащее хану Идукаю [БНТ, Т. 2. С. 187]. В одном башкирском шежере говорится о том, как шесть человек Усерганской волости купили вотчинную землю у ногайца Бузгы: «по Яику в вышеписанных урочищах, а именно: вниз того Яика от горы Уразкузя идучи подле горы Айгирьял (с. Гирьял Кувандыкского р-на) по Долгому озеру Узуняту до общей Кипчакской волости дву братьев Касья и Бяшия, а от оной общей земли – Кызыл Кура, ниже Кызыл-куры Кипчатская земля, ниже кипчатской бурзенская до Актеба, то есть Сакмарского устья (г. Оренбург). Затем же Усергенская и Кипчатская общая земля, а верх по Яику же от вышеозначенной горы Уразкузи до Улутова, то есть общей земли мусекаева земля выше горы же Улутова до горы Таза сарышская земля выше Таза три вотчины до урочища Бузтиряк» [Шакурова, 1986. С. 162]. Здесь описываются земли по среднему течению Урала вплоть до места, где находится ныне город Оренбург. Они входили в состав родовых земель усерган и кипчаков.

Близкое и продолжительное соседство башкир с ногаями сопровождалось, естественно, тесными контактами между ними. Правда, брачные союзы не были распространенным явлением. В. В. Трепавлов, основываясь на материалах башкирского фольклора, считает, что для местного населения было позорным заключать с пришельцами брачные союзы [Трепавлов, 1997. С. 12]. Между тем, в башкирской этнонимии зафиксирован целый ряд этнонимов нугай(лар), представленный главным образом среди юго-восточных башкир [Кузеев, 1978. С. 180]. Ногайский компонент в этническом составе башкир появился, видимо, позже, когда ногаи после падения Казани в 1552 году ушли на юг, а небольшая их часть осталась и влилась в состав башкир [Керейтов, 1998. С. 127–128]. Это отразилось и в названиях родовых подразделений нугайлар в составе усерган и кипчаков Восточного Оренбуржья (например, в д. Юлутлино).

Контакты башкир и ногайцев имели место и позже, после ухода последних на юг. Два столетия спустя, в 1744–1745 годах, часть ногайцев, так называемые «солтанаульские» и «кондуровские татары» (самоназвание «карагаши», выходцы из Кубанской Малой Орды), в числе 1408 человек были переведены в Оренбургский край. История их появления на Южном Урале достаточно подробно раскрыта Д. Н. Денисовым [Денисов, 2006. С. 62–65]. Эта часть ногайцев, проживавшая по рекам Кубань и Карагаш, приняла российское подданство после начала русско-турецкой войны 1735–1739 годов и была поселена в междуречье Терека и Кумы в районе Кизляра. Однако в 1742 году большая часть их вернулась на Кубань, и правительство, с тем чтобы предупредить уход остальных, оставшихся ногайцев в числе примерно 30 аулов перевело подальше от границы в район Астрахани. Но, так как лояльность их российским властям все же подвергалась сомнению, решено было переместить их еще дальше от границы в Казанскую губернию; туда переселили 1408 ногайцев. Часть этих ногайцев, учитывая наличие у них опыта несения пограничной службы, было назначено поселить на реке Сакмаре в одиннадцати верстах от Озерной крепости с предоставлением земли и прочих угодий. Предполагалось, что они будут заниматься скотоводством, пчеловодством и земледелием, однако земледелие не получило ожидаемого развития [Фальк, 1894. С. 231–232]. Первоначально из Казанской губернии сюда было переведено 504 кондуровских ногайца; они основали Кондуровскую слободу (ныне с. Кондуровка Саракташского р-на). Оставшиеся в Казанской губернии солтанаульские ногайцы оказались в непривычном земледельческом районе, поэтому они подали прошение о переводе их в более привычные для них степные районы – в Оренбургскую губернию [Денисов, 2006. С. 62–64]. Ногайцы были поселены по соседству с башкирами Кара-Кипчакской волости, на бывших вотчинах кипчаков занятых пограничными поселениями. Кроме того, эти земли являлись некогда кочевьями предков ногайцев.

Основой традиционного хозяйства ногайцев было скотоводство. И. Г. Георги, посетивший оренбургские степи в 1773 году, отмечал, что здешние ногайцы «расположили жизнь свою по примеру Башкирцев, то есть принялись за скотоводство, содержание пчел» [Георги, Ч. 2. 1779. С. 86]. Но общность форм ведения хозяйства стала и причиной конфликтов между двумя народами. Переселившись, ногайцы выбрали участок по рекам Сакмара и Ик, являвшийся частью башкирской вотчинной земли, почему власти и отказали им в выдаче земли. Однако и следующий их выбор пал на башкирские земли. Как докладывал командующий Сакмарской дистанцией капитан Вараксин, они попросили землю «по Сакмаре реке от Канчюриной деревни (Усерганской волости – Ю. А.) от Старого Желтого редута и до вершин речки Касмарки, но в тех местах немалое количество состоит на жительстве башкирцев». В итоге, в 1768 году солтанаульские ногайцы были поселены рядом с кондуровскими в Никитинском и Желтом редуте, а также в Воздвиженской

крепости, при условии, что живущие поблизости башкиры не будут стеснены в земельном отношении. Таким образом, двести семей ногайцев в составе 1044 человек компактной группой были поселены на Сакмарской дистанции Оренбургской пограничной линии: в Воздвиженской крепости – 110 семей, в Никитинском редуте – 50 семей и в Желтом редуте – 40 семей [Денисов, 2006. С. 65]. Ныне потомки этих ногайцев проживают также на станции Дубиновка, в селах Юлгутла, Чулпан, Подгорное Кувандыкского района и в селах Никитинка, Желтое, Шишма, Ирек Саракташского района [Попов, 1971. С. 150; Денисов, 2006. С. 137]. Часть кондуровских ногайцев – 25 семей – летом 1747 года бежала к казахам и осталась там жить [Рычков, 1887. С. 328]. В XIX в. ногайцы Воздвиженской крепости, Желтого редута, Кондуровской слободы и Никитинского редута числились башкирами и указаны в списках как «башкиры из Султанских нагайцев казачьего войска». Впоследствии они вновь стали ногайцами [Западные башкиры... С. 12], но близкое соседство и тесные контакты с соседними каргалинскими татарами привели к ассимиляции их последними. Сейчас потомки переселившихся в XVIII в. в Оренбуржье ногайцев перешли в татарский этнос. Однако память о ногайском происхождении сохранилась. Деревня кондуровских ногайцев под названием Суртанлы вошла в с. Желтое (бывший Желтый редут), и сейчас бывшую ногайскую часть села и соответственно ее жителей называют «нугайлар» [Полевые записи. 2006 г. Гайский р-н, д. Байказак, инф-р: Ахметова Хаят Абдулловна, 1935 г. р.]. В связи с этим надо отметить, что, возможно, часть этнонимов «нугайлар» в составе оренбургских башкир относится к более поздним контактам с ногайцами, так как они распространены в основном западнее, ближе к бывшей Сакмарской дистанции.

Близость языка, кочевой культуры, а также определенное генетическое родство башкир и ногайцев обусловили тесные взаимоотношения между ними на протяжении всего ногайского периода, в XV – первой половине XVI в. Кроме того, башкиро-ногайские контакты вновь активизировались в XVIII в. в связи с переселением части ногайцев в Оренбургскую губернию.

Взаимоотношения башкир с калмыками в XVII в.

С присоединением Башкирии к Русскому государству начинается новый этап межэтнических контактов, проходивших при непосредственном участии российского правительства. Первые два столетия основным содержанием межэтнического взаимодействия оставались контакты с кочевыми народами. Заметный след в истории башкир Восточного Оренбуржья оставило соседство с калмыками – народом, появившимся в оренбургских степях после ухода ногайцев.

Калмык – тюркское название ойратов, перекочевавших из Западной Сибири к юго-восточным рубежам России. Ойраты, выделившись из массы монголов в конце XIV в. и, доминируя в Северной Монголии до середины XV в., в начале XVII в. представляли собой союз ряда самостоятельных родов. Преобладающее положение в нем занимали торгоуты, кроме них были дэрбэт, хошут, чорос, зюнгар, батут, олет, баргут, тумат, баит и т. д. Калмыки впервые появились на границе с восточными башкирскими землями в начале XVII в., когда часть их прикочевала из степей Западной Монголии на юг Западной Сибири из-за нехватки пастбищ для скота и жестоких междоусобиц. Крушение Сибирского ханства и слабость позиций Русского государства в Сибири позволила калмыкам продвинуться дальше на северо-запад, где они вошли во взаимодействие с зауральскими башкирами [Ланцанова, 2006. С. 76]. Войдя в пределы Южного Урала и расселившись в бассейнах рек Эмба и Яик, они просили подданства у русского государя и позволения торговать в соседних русских городах. Правительство разрешило им посещать в торговых целях Тюмень, Пермь, Уфу, Казань и другие ближайшие к своим кочевьям города [Кичиков, 1983. С. 120]. Однако главной целью продвижения калмыков на запад была земля, и с этого времени борьба за территории для пастбищ стала причиной столкновений между башкирами и калмыками. Характерной особенностью их взаимоотношений были традиционные для кочевников набеги, сопровождавшиеся угоном скота (барымта). Уже в 1619 году калмыки вплотную подошли к башкирам и стали претендовать на их земли по рекам Яик, Ор, Илек, Кизил. Российское правительство не раз обращалось к калмыкам с требованием откочевать за Иртыш и прекратить набеги на своих подданных – башкир [Маннапов, 2006. С. 145–146]. В отписке уфимского воеводы Г. И. Желябужского в Посольский приказ калмыкам (1630 год) говорится, чтобы те «...в Уфинском бы уезде и в башкирских вотчинах по Ембе и в Казачьей Орде и Яицким вершинам не кочевали, и чтобы от них, калмыцких тайшей Уфинского уезду башкирцам и Большим Ногаям задоров и утеснения не было...». Калмыкам приказывается кочевать «на старых своих кочевьях в Иртышских вершинах» и ещё раз отмечается: «...а по Яику бы вниз и по Ембе и по Тоболу не кочевали, потому, что подошли Уфинского уезда башкирские вотчины, а по ту сторону от Яика качуют блиско Большие Ногаи...» [Материалы по истории русско-монгольских отношений... С. 159]. Во второй трети XVII в. калмыки продвигаются на земли юго-восточных башкир, в результате расширяются территории, за которые происходил спор: кроме Яика сюда включаются земли по рекам Ор и Сакмара, то есть современное Восточное Оренбуржье. В оренбургских степях калмыки пробыли недолго, в течение второй четверти – середины XVII в. В царской грамоте от июля 1649 года правительство вновь призывало Дайчина тайшу отойти за Яик и Эмбу, не кочевать по рекам Ори, Килу (Кизилу? – Ю. А.), Сакмаре и другим. Также указывалось на то, что в таком случае прекратятся и набеги башкир, на которые жаловались калмыки. В ответ

было получено согласие калмыков «уйти из государственной земли, не нападать на башкир и других русских подданных». В течение нескольких последующих лет здесь между башкирами и калмыками наступил период затишья [Ланцанова, 2006. С. 77]. Так как попытки продвинуться в северном направлении натолкнулись на активный отпор русского правительства, калмыки начинают движение на юго-запад, где занимают кочевья ногайцев и башкир Степного Заволжья и обосновываются в низовьях Волги. А в 1661 году заключается договор с калмыками, оформивший их подданство. С этого времени русское правительство повело борьбу уже с набегами башкир на калмыцкие владения.

Таким образом, основным содержанием взаимоотношений башкир с калмыками в первой половине XVII в. были взаимные набеги, которые сопровождались угоном скота и захватом пленных. Надо отметить, что взаимные набеги с угоном скота, а нередко и людей, были традиционными для кочевого общества. Этот период отложился в топонимии края, в которой зафиксировано множество названий, связанных со сражениями башкир с калмыками. Рядом с д. Старохашилово (Гайский р-н) находится гора Калмак-караул, на которой, по преданию, в период набегов калмыков стоял караул – сторожевой пост. В Зианчуринском районе РБ, с которым граничит на севере Восточное Оренбуржье, тоже есть гора Калмак-караул, а также несколько топонимов со схожими названиями в разных местах района, в д. Рысаево (Кувандыкский р-н) – местность Калмак-бутаган («Запутавший калмыков») и т. д.

Однако отношения между калмыками и башкирами не ограничивались набегами. Несмотря на различия в религии и культуре, они поддерживали и мирные контакты. Существенным фактором, сближавшим два народа, было схожее полукочевое хозяйство. Известны факты совместного выступления калмыков и башкир против царских войск. Так, в 1681–1683 годах калмыки, татары и башкиры «ходили... под разные российские города, также в Казанский и Уфимский уезды и разоряли села и деревни», «российских людей и черемис с женами и детьми в полон брали, конские и скотские табуны отгоняли, грабежи чинили и... разоряли» [цитата по книге: Бакунин, 1995. С. 26]. Калмыки принимали у себя башкир – участников восстания. В акте князя Андрея Ивановича Голицына о принятии в подданство калмыков говорится: «Аюке впредь Великим Государям служить верно, а на российские города, села и деревни не нападать и Башкирцев, ежели они учиня измену, бегать будут, в улусы калмыцкие не принимать, а выдавать возвратно» [цитата по книге: Бакунин, 1995. С. 26]. Сохранились сведения о мирных контактах и в фольклоре. Например, в калмыцком фольклоре известен цикл произведений о Мазан-баатыре, в которых отразились сложные взаимоотношения с башкирами, как мирные соседские, так и враждебные [Кичиков, 1983. С. 120–128]. Близость кочевых традиций обуславливала и контакты на уровне брачных связей, инкорпорацию групп калмыков в состав башкир. Существуют предания, в которых содержатся сведения о башкиро-калмыцких брачных

союзах, хотя брачные отношения между ними все же не были популярны из-за религиозных различий.

Период активных контактов с калмыками отразился и в этнонимии оренбургских башкир. Военные столкновения часто сопровождались взаимным захватом пленных, и такие пленные калмыки затем ассимилировались в среде башкир. В Восточном Оренбуржье распространены предания, в которых повествуется о происхождении родовых подразделений калмак от пленных калмыков. Причем этноним калмак – один из наиболее часто встречающихся у башкир Восточного Оренбуржья. Р. Г. Кузеев также отмечал, что «в большинстве случаев... этнонимы калмак в среде башкир сохранились в названиях групп калмыцкого населения, захваченных в плен в периоды многочисленных набегов, оставшихся в Башкирии, и затем полностью ассимилировавшихся в среде башкир» [Кузеев, 1974. С. 164]. В преданиях о подобном происхождении родов калмак обычным является сюжет об усыновлении башкирами младенцев-калмыков. Происхождение родовых подразделений от потомков мальчика, оставшегося на башкирской земле во время калмыцких или казахских набегов – традиционный мотив народных преданий. Например, в д. Кашкар Зилаирского района РБ Кашкаровы считаются потомками мальчика-калмыка, оставшегося после набега калмыков [БНТ, Т. 2, 1987. С. 149]. Такие сюжеты иллюстрируют сохранение давней кочевнической традиции принимать в свой состав представителей других народов с целью укрепления, разрастания племени путем «обновления» крови [Инан Абдулкадир, 1998. С. 118]. Часть калмыков вошла в состав башкир целой группой, образовав сарт-калмакский род у зауральских башкир [Кузеев, 1974. С. 130]. В этнонимии калмыков также отразились контакты с башкирами. В их составе зафиксированы подразделения ишткуд, ишткуд-мангыт, иштык-мангут, под которыми подразумеваются башкиры [Авляев, 1976. С. 8].

Период активного башкиро-калмыцкого взаимодействия ограничился первой половиной XVII в., но контакты между ними продолжали существовать и позже. В XIX в. в Восточном Оренбуржье в отдельных селениях или совместно с русскими продолжали проживать группы калмыков. В основном это были калмыки, входившие в состав оренбургских казаков. В 1866 году калмыки проживали в станице Гирьяльской (ныне с. Гирьял), в казачьих отрядах Донском и Алабайтальском (ныне села Донское, Алабайтал) и в Кондуровской слободе [Список населенных мест..., 1871. С. LXXVIII].

Башкиро-казахское этнокультурное взаимодействие

Наиболее тесные и продолжительные контакты оренбургские башкиры имели с казахами. В XVIII–XIX вв. на юге и востоке башкирских земель по широкой полосе среднего и нижнего течения реки Урал проходила граница

с казахами Младшего и Среднего Жузов. Особенно активное взаимодействие с казахами наблюдалось у башкир племен бурзян, усерган, кипчак, тунгаур, тамьян. Именно в юго-восточной этнографической группе, которую составляли данные племена, наиболее ярко выражены следы этнокультурного влияния казахов в материальной и духовной культуре. К примеру, исследователи отмечают здесь влияние казахов на развитие такого традиционного промысла кочевых народов, как кошмоделие [Шитова, 2006. С. 40]. Тесное взаимодействие оренбургских башкир с казахами отразилось и в их языке [Миржанова, 1979. С. 26]. В юго-восточных районах часто встречается этноним казах (*казак*) в названиях родоплеменных групп.

Казахи ныне населяют всю территорию по левому берегу Урала в Восточном Оренбуржье – Кваркенский, Новоорский, Адамовский, Домбаровский, Ясненский, Светлинский, часть Кувандыкского районов. Кроме того, по правому берегу Урала они проживают в смешанных казахско-русско-башкирских населенных пунктах. Расселение казахов по левому берегу реки Урал относится к первой четверти XVIII в. В XIV–XVI вв. здесь кочевали башкиры и ногаи. После ухода последних на юго-запад пастбища по левому берегу Урала остались во владении башкир. Территория от Урала до Эмбы являлась летним кочевьем башкир, а междуречье этих рек в их устье со второй половины XVII в. занимали калмыки. По свидетельству Ч. Валиханова, сами казахи приписывают «остатки древностей» в Западном Казахстане ногайцам и башкирам [Валиханов, Т. 3. С. 36]. По словам автора начала XX в. А. И. Добросмыслова, «более или менее верные сведения о том, кто населял в былые времена нынешнюю территорию Тургайской области (территория по левому берегу р. Урал – Ю. А.) имеются лишь с конца XVII в. В это время Кустанайский уезд (верховья р. Тобол – Ю. А.) и большая часть Тургайского (долина р. Тургай) были населены кочевым народом – башкирцами, а Актюбинский и часть Иргизского (долины рек Илек и Иргиз) занимал другой кочевой народ – калмыки, и только южные части Тургайского и Иргизского районов были заняты кочевьями киргиз» [Добросмыслов, 1901. С. 217; Рязанов, 1928. С. 11]. Восточнее Эмбы кочевали казахи Младшего Жуза (южная часть Иргизского уезда). В первой четверти XVII в. с образованием Джунгарского ханства начинается движение западномонгольского племени джунгар на запад по североказахстанским степям и через верховья Иртыша, Ишима, Тобола, в результате которого казахи были вытеснены со своих восточных земель. Казахи Младшего и Среднего Жуза откочевали к Самарканду, Хиве и Бухаре. Однако песчаные степи этих мест, не позволявшие вести привычное полукочевое хозяйство, вынудили их искать лучшие пастбища. Они двинулись на запад и северо-запад, где, в свою очередь, вытеснили кочевавших здесь башкир и калмыков. Средний Жуз передвинулся на север, от Сырдарьи на Тургай, Ишим, Тобол и Уй, вытеснив отсюда часть башкир, и стал кочевать «по реке Таргой (Тургай) и по другим, которые башкиры назы-

вают своими» [Таймасов, 2009. С. 45]. А казахи Младшего Жуза, ранее кочевавшие «близ Аральского озера», перешли реку Эмбу, которая ранее составляла границу его кочевий, и достигли Яика, захватив «немало башкирских земель» [История Казахской ССР. С. 18–19; Добросмыслов, Т. 1. Вып. 1. С. 4; Кузеев, 1978. С. 43].

Укрепление казахов на новой территории сопровождалось многочисленными военными столкновениями с башкирами и калмыками. Укрепленная пограничная линия по берегам рек Яик и Уя, «отрезав башкирские земли от степной киргизской орды», была построена «с целью прекращения постоянной вражды и грабежей между киргизами и башкирами» [Левшин, 2014. С. 325]. Но башкиры юго-восточных районов еще в первой четверти XVIII в. надеялись вернуть свои земли за рекой Яик. Это было одной из причин противодействия башкир строительству города Оренбурга в устье реки Орь, которое окончательно закрепило бы их границы по Уралу [Буканова, 1997. С. 113]. Период XVIII–XIX вв. был временем наиболее активных башкиро-казахских контактов. Взаимоотношения, начавшиеся с конфликтов за пастбища, в течение последующих двух веков продолжали в основном носить характер взаимных набегов. Река Яик (Урал) становится естественной границей между двумя народами, при этом она не являлась препятствием при совершении набегов. Существенные противоречия между башкирами и казахами из-за набегов отмечались при принятии российского подданства ханом Младшего Жуза Абулхаиром в 1730 году. Особенно много нападений казахов на башкирские земли было в 1715 году (набег на Новошешминск) [Басин, 1969. С. 76]. В свою очередь, башкиры совершали набеги на казахские земли. Посланец хана Абулхаира сообщал, что в течение почти полутора лет (1730–1731 годах) башкиры произвели несколько нападений на казахов [Басин, 1969. С. 78]. Русское правительство пыталось урегулировать отношения между своими подданными. Впервые вопрос о запрещении казахам переправляться на правый берег Урала был поставлен в «Инструкции...», данной И. К. Кириллову в 1734 году, в которой говорилось, в частности, чтобы «границей со стороны России назначить реку Яик и смотреть, чтобы никто из киргизов не переходил самовольно на правый берег...» [История Казахской ССР. С. 49]. Однако впоследствии, когда сближение двух народов стало создавать угрозу, губернская власть в лице И. И. Неплюева начала провокационную политику «разделяй и властвуй». Еще И. К. Кириллов советовал: «если башкирцы и киргизы будут волноваться, то употреблять один народ против другого, оберегая русские войска; никогда не следует допускать их (башкир и казахов – Ю. А.) в согласие, а в потребном случае надобно их нарочно поднимать друг на друга и тем смирить». В 1755 году после поражения очередного башкирского восстания по официальным данным 50 тысяч башкир бежало в казахские степи по предварительному соглашению с казахами Младшего Жуза. Однако в результате провокационной деятельности царской админи-

страции часть казахов напала на башкир, разобрал их скот и захватив женщин и детей в плен. В многочисленных показаниях башкир, выходивших из казахского плена в 60–70-х годах XVIII в., говорится, что «в той орде бежали они в бывшее в прошлом 1755 году башкирское замешание при родственниках и с прочими башкирами» разных волостей (большей частью Бурзянской и Тунгаурской – Ю. А.) под предводительством старшины Усерганской волости Кувата Кинзягулова. 13 августа 1755 году они переправились через реку Яик между Орской и Таналицкой крепостями и когда «на другой день к киргиз-кайсакам пришли то де оные... себе разобрали» «по разным местам». Пленные башкиры «находились в услужении», «жили в работе» у казахов преимущественно табынского и джагалбайлинского, а также кипчак-табынского, каракисякского, чумекейского, таминского, байбактинского, черкесского, аргынского родов [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1 Д. 63]. Часть усерганских башкир поселилась у казахов табынского рода, а сам Куват Кинзягулов – с родственниками у чиклинского (шекты) рода [Добросмыслов, 1895. С. 119–120].

После объявления амнистии многие из бежавших башкир вернулись, причем большинство в течение лета-осени 1762 года после объявления о продлении сроков выхода из казахской степи до января 1763 года. В документах Оренбургской губернской канцелярии зафиксировано множество таких переходов. В основном это были башкиры юго-восточных волостей, а среди них большую часть составляли выходцы их Усерганской волости. В 1808 году вышедший из казахского плена 48-летний Ниязбек Исенбаев сообщал, что его отец Исенбай «был природный башкирец Усергенской волости, и в плен киргизский захвачен с матерью его Мулдурую в бывшее в здешнем краю башкирское неустройство, которыми и прижит он Ниязбек в орде». И теперь из-за того что «от производимого сими киргизцами воровства пришел в крайнее разорение», он перешел пограничную линию [ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 505. Л. 404]. Вышедший из казахской степи в 1805 г. 35-летний Аманьюл Кашинов в своих показаниях сообщает: «мать моя Казбика Айсина захвачена была в бурзянское замешательство киргизцами, я снесен был в брюхе и родился в киргизцах и тут взрос но мать при жизни своей сказала мне, что ты природы башкирской и жили мы в волости усергенской» [ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 499. Л. 44 об.]. Выбежавшая из степи в 1805 году 35-летняя Токта Юлдыбаева сообщает, что она «захвачена в малых летах киргизцами» 25 лет назад, «а отец и мать природы башкирской и жили в волости усерганской деревни Раслангуловой (Арслангуловой – Ю. А.)» [Там же. Л. 45].

В Восточном Оренбуржье, находившемся непосредственно на границе с поселившимися по левому берегу Урала казахами, башкиро-казахские взаимные набеги были особенно частыми. В ходе сбора полевого материала почти в каждом населенном пункте приходилось слышать предания, в которых говорилось о набегах казахов. Такие набеги нашли отражение и в многочисленных архивных документах. Так, башкирка деревни Куза (Аккуза? – Ю. А.)

Усерганской волости, находившейся в устье реки Зилаир, была задержана при выходе из казахской степи на пограничной линии 21 апреля 1776 года. В своих показаниях она говорила: «назад тому пятой месяц как я будучи в своей деревне... где напав воров киргиз-кайсаков сот до двух или более из деревни нашей захватив в плен примерно человек до сорока откуда повезли на Зелаирскую крепость а потом в степь за реку Сангырлу расстоянием от реки Илека верстом во сте, Урал же река не в близком расстоянии». Из плена она бежала «зашев в косяк, поймав лошадь на оной сутки ехала и доехав до реки Илеку» [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 166. Л. 93].

По преданию, название реки Кувандык, давшей имя городу, также связывается с периодом взаимных набегов. Однажды из деревни Мамбетеево* казахи похитили дочь бая Ямилю. Бай, совершив ответный набег, выкрал ее у них. Но казахи устроили за ними погоню и догнали их. В результате по договору оставили девушку, ее ребенку дали имя Кувандык (в переводе с башк. и казах. «обрадовались»). Место, где был заключен договор также стали называть Кувандык [Зубаирова Флюра Мингажевна, 1947 г. р.].

Неизменным следствием угона скота были ответные набеги барымта, совершавшиеся с целью компенсации причиненного ущерба. В фонде Оренбургской губернской канцелярии ГАОО отложилось огромное число документов, в которых зафиксированы ответные набеги башкир, в основном они относятся к 1775–1780 годам. Башкиры неоднократно отмечали при разъяснении своих набегов губернскому начальству, что они совершались с целью барымты. В них башкиры часто просят разрешения перейти пограничную линию с целью возвращения захваченного казахами скота и людей. Следующий пример отражает типичные прошения: башкиры Акбулат Ишемгулов и Утегул Канчурин «с товарищи» команды старшины Бикбова Исакова Усерганской волости доносили, что в 1774–1775 годах «киргиз-кайсаки прокрадывались через линию в жительства наши и чиня неоднократно нападения в плен наших жен и детей побрали в плен, и хотя из них некоторые выручены, но еще более 80 душ находятся у них в порабощении». Эти башкиры просят «дозволения всего 4 человека для выручения на выкуп ехать к ним через Орскую крепость» [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 181. Л. 381]. Захват пленников был широко распространенным явлением в этот период. Обычно похищали женщин и детей. Сюжеты похищений башкирских девушек казахами широко распространены в преданиях и песнях оренбургских башкир. Часто пленников затем обменивали на казахов, похищенных башкирами, или же на скот. Так башкир Карпи Ярлыкапов команды старшины Исаака Бикбова Усерганской волости доносил генеральному поручику Уфимской Провинциальной канцелярии Мансурову, что у него находился 12-летний казах по имени Жуматай, которого ему отдал старшина Бикбов вместо захваченных у него казахами жены и четверых детей. Но башкиры Бурзянской волости Касимгул Тюлькин и Енали Булгайров украли этого

мальчика и продали казахам за 12 баранов и одну лошадь [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 181. Л. 111, 111 об.]. Особенно частыми были набеги в последней четверти XVIII в. В 1775 году задержанный на Оренбургской пограничной линии башкир Усерганской волости Казанбай Юлдыбаев на допросе показывал, что он со 130 башкирами ходил в казахские степи для «отгону лошадей вместо таковых же отогнанных от них прошедшей осенью 1774 года киргизцами 300 лошадей, только де удачи в том не получил и при убийстве из сотоварищей его киргиз-кайсаками его несколько человек пойман». Отец Казанбая Юлдыбай Булатов отмечал, что сын его поехал к казахам «не для чего иного, как для взятия баранты» [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 148. Л. 84, 84 об.]. В 1775 году старшина Усерганской волости Исхак Бикбов докладывал, что его команды сотники Бижанбет Ильясов и Тюлюбай Кильчинбаев вместе с «бурзянцами и тюнгаурцами» ездили в казахские степи и отогнали лошадей и верблюдов, «имущества немалое количество захватили» в ответ на то, что в 1774 году казахи захватили у его команды башкир 360 лошадей, и они были «так разорены, что... и пропитания не имеют» [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 148. Л. 76]. Старшины Усерганской и Бурзянской волостей докладывали, что в 1776 году казахи четыре раза совершали набеги на их деревни и «онные до основания разорили и скот отогнали, людей в плен, а имущество себе взяли», на что семьсот человек под началом батыров Сабыра Кутлубекова и Мурата Апталова совершили ответный набег на казахов, «взяли от них как верблюдов, лошадей, плену, так и протчих вещей по немалому числу». Затем «они дали из всего того ими взятого от киргиз-кайсаков, тем башкирцам, кои ими киргиз-кайсаками разорены» [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 166. Л. 53, 53 об.]. Казахы, в свою очередь, также страдали от набегов башкир. В 1803 году они жаловались, что «несколько лет тому назад во время кочевания близ пограничной линии было уведено командою башкирского кантонного начальника Усерганской волости Бурангула Куват улы 11 584 лошади, а башкирцами, подчиненными кантонному начальнику Бурзянской волости Акулу Биктимир улы – 11 533 лошади» [Материалы по истории Казахской ССР, Т. IV. 1940. С. 123].

Такие набеги являлись существенным препятствием для казахов во взаимоотношениях с российским правительством. Поэтому в 1803 году султаны и старшины Младшего Жуза объявляли: «мы порешили, что барымта наша худая слава... Начало свое она получила более 50 лет назад (здесь имеются в виду события, происходившие после башкирского восстания 1755 г. – Ю. А.) от башкирского народа, который донимал тогда ею наших предков. Теперь до сего времени мы страдаем барымтой, подвергаясь ей не только со стороны башкир и уральских казаков, но также и со стороны, живущих по пограничной линии других народов...». И они изъявляли желание положить конец барымте, обязывались не нападать более на российских жителей [Материалы по истории Казахской ССР, 1940. С. 123]. Однако взаимные набеги продолжались вплоть до первой четверти XIX в. В 1816 году башкиры Усерганской волости предъ-

являли претензии к казахам, кочующим близ Красногорской, Верхнеозерной и Ильинской крепостей, в угоне с разных мест лошадей [НА РБ. Ф. И-2, Оп. 1, Д. 744. Л. 1]. В 1821 году казахи угнали 54 лошади башкир деревень Бурангуловой и Акбулатовой, которые паслись недалеко от пограничной линии, на реке Караелга, правом притоке Урала [НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1472].

Взаимные набеги башкир и казахов нашли отражение в преданиях оренбургских башкир и топонимии края. На территории Восточного Оренбуржья зафиксировано огромное количество топонимов с основой «казах». Например, «*Қазақ қойоһо*» (Казахский родник; д. Райманово Саракташского р-на), «*Қазақ үлгән тау*» (Гора, на которой умер/погиб казах; д. Ибрагимово Кувандыкского р-на), «*Қазақ кисеуе*» (Казахский брод; д. Нижние Чебенки Кувандыкского р-на), «*Қазақ сыққан үзәк*» (Ложбина, с которой вышли казахи; д. Ишкинино Гайского района) и т. п. Само название Кувандыкского района также связывают с казахами. У местных жителей сохранилось много преданий, объясняющих название речки Кувандык. Несмотря на различия в сюжете, во всех версиях название Кувандык производится от имени человека, который пострадал при набеге казахов. Конечно, подобная этимология более поздняя, но интересно, что кувандык – этноним, часто встречающийся у казахов, кроме того, Кувандык – довольно распространенное имя среди казахов, в отличие от башкир. Интересно, что в этом же районе есть другой гидроним – Суюндык, а в казахском шежире Кувандык и Суюндык – родные братья – сыновья Мейрам племени аргын [Полевые материалы. Шежире, переписанное Жаркеновым Буркитом в 1985 г. Новоорский район, д. Чилекта]. Род суюндык также распространен у соседних тюркских народов: кроме казахов он зафиксирован у туркмен-теке, каракалпак-кыпшак, узбеков-локайцев [Востров, Муканов, 1968. С. 40].

Несмотря на частые конфликты, возникавшие преимущественно из-за пастбищ, башкиры поддерживали и мирные контакты с казахами – торговые отношения, брачные контакты. Этому способствовали общность хозяйственно-культурного типа, этнолингвистической и конфессиональной системы. В составе двух народов имеются общие этнические компоненты, восходящие к рубежу I и II тысячелетий, когда на территории Приаралья и низовьев Сырдарьи формировались родоплеменные образования, вошедшие в их состав. С этим периодом связаны общие для башкир и казахов этнонимы ягалбай/жагалбай; табын; усунь/уйшин; тамьян/тама и, возможно, некоторые другие. В XIV–XVI вв. в результате распада Золотой Орды и, позднее, Ногайского ханства происходит активное воздействие кипчакских и кипчакизированных племен на этническое формирование башкир и казахов [Бикбулатов, Кузеев, 1982. С. 134]. В этот период закладываются многие общие этнокультурные признаки в составе этих народов. В составе обоих народов племя кипчак является одним их крупнейших. Кроме самого племени кипчак, в составе башкир и казахов зафиксированы многочисленные

этнонимы, восходящие к племенам кипчакского круга. У башкир Восточного Оренбуржья встречаются этнонимы кара-кипчак, сары, таз, джети-уру, которые находят параллели у казахов-кипчаков. Антропологические данные также подтверждают общность этнической истории. Население западной части Казахстана по антропологическим характеристикам заметно отличается от населения остальной территории республики [Исмагулов, 1982. С. 168]. А с западными казахами в свою очередь обнаруживается близость у юго-восточных башкир [Рафиков, Хуснутдинова, Долматова, Хидиятова, Кузеев, 1990. С. 75]. Еще А. И. Добросмысловым было отмечено сходство в чертах лица казахов рода жагалбайлы с башкирами [Добросмыслов, 1895. С. 326].

Жагалбайлы – вероятно, одно из племен, входившее в состав средневековых кипчаков. Включение его в состав башкир и казахов восходит к XIII в., когда части кипчакских племен под натиском монголов вошли в состав различных народов. Он также зафиксирован у узбеков племени найман, киргизов, каракалпаков, ногайцев [Шаниязов, 1975. С. 132]. В ногайском дастане «Толеген и Кыз-Йибек» говорится про территорию расселения этого племени в XVI в.: «Во времена прошлые, когда народ наш был в сохранности, в составе Младшей Ногайской Орды была страна Ягалыбайлы (Богатые берега). Границей Ягалыбайлы были берега озера Белое море (т. е. Азовское море), летними пастбищами были балки и склоны холмов на берегах Черного моря» [Трепавлов, 2005]. Казахские жагалбайлы входят в родовое объединение жетыру. Последнее было создано относительно поздно путем объединения слабых и малочисленных родов Младшего Жуза ханом Тауке для того, чтобы противостоять более сильным объединениям родов байулы и алимулы. То есть племена жетыру не были связаны родственными связями. Это может свидетельствовать о более позднем включении в состав казахов рода жагалбайлы. В литературе уже отмечалась схожесть тамг башкирского племени бурзян и казахского племени жагалбай, имеющих вид Т. При этом тамга бурзян называется «ягалбай» (*ягалбай* – один из подвидов ястребиных, перепелятник, кобчик). Племя бурзян также расселялось на границе с территорией кочевания казахов Младшего Жуза.

Тесные этнические связи обусловили сходство в материальной и духовной культуре башкир и казахов. Один из пластов в культуре обоих народов восходит к культуре древнетюркских кочевых племен, что обусловило сходство в способах и приемах ведения скотоводческого кочевого хозяйства башкир и казахов, декоративно-прикладном искусстве и фольклоре [Бикбулатов, Кузеев, 1982. С. 136–137]. В преданиях усерган часто говорится о приходе их предков с Приаралья и Сырдарьи. Одним из древних в фольклоре тюркских народов является мотив происхождения от волчицы. У усерган есть предание, в котором волчица выступает прародительницей рода *буре* (башк. «волк»). Мотив брачного союза юноши и волчицы присутствует и в казахском фольклоре, например в сказке «Жигит и волчица» [Надыршина, 1982.

С. 94]. В XVI–XVIII вв. контакты между башкирами и казахами приняли характер межэтнических отношений. Взаимодействие в этот период нередко завершалось ассимиляцией представителей одного этноса в составе другого [Бикбулатов, Кузеев, 1982. С. 136]. В середине XVIII в. часть казахов перешла реку Урал и поселилась или надолго осталась на башкирских землях по правым притокам реки Урал [Кузеев, 1992. С. 129; Дэн, 1902. С. 168]. К этому времени относится появление в составе усерган рода мамбет, связанного своим происхождением с племенем аргын Среднего Жуза [Мәмбәт ырыуы шәжәрәһе, 1985. С. 129–160].

У казахов в XIX–XVIII вв. важную роль играло родоплеменное деление. С башкирами Восточного Оренбуржья соседствовали казахи родов жагалбайлы и тама родового объединения жетыру Младшего Жуза. Жагалбайлы занимали в XIX в. восточную и северо-восточную часть Актюбинского уезда Тургайской области по реке Орь и ее притокам, по левому берегу Урала, а на юге по рекам Карагайлы, Косистек и Домбар [Востров, Муканов, 1968. С. 209]. Башкирские и казахские земли были разделены линией крепостей, расположенных параллельно реке Урал. Летние кочевья жагалбайлы располагались по реке Кумак, в горах Каратау и по Тоболу. Зимой они кочевали от Верхнеозерной крепости вверх по Уралу до Верхнеуральска по направлению к станицам Янгельской, Сыртинской, Увельской, Кизилской, Орловской, Таналыкской, Тереклинской, Калпацкой, Губерлинской, Банной, Хабарной, Ильинской [Материалы по истории Казахской ССР. Т. 5, 1940. С. 510]. Таким образом, почти на протяжении всей границы жагалбайлинцы соседствовали с башкирами-усерганами. Среди родов жагалбайлы, граничащих с усерганами, были сиракты (жамбай), ак-кожа (родовые подразделения (тайпа) – ак-балык, жалтыр, котый), урмантай, балгоза, бескурек, котпанай, малатау, бузбет, жадигер, майлыш, бисентеке. Тама граничили с башкирами современных Кувандыкского и Беляевского районов – с усерганами и кипчаками. Подразделениями тама здесь были коке и назаралы. Кроме того, с усерганами частично граничили роды шомекей, каракете и шекти, родовые подразделения сибащ, кызылкош, кызылбалсык, бустандык, кувандык [Полевые записи. Новоорский район, 2005 г.].

Среди казахов есть группа родов естек, которые связывают свое происхождение с башкирами. Как известно, «истеками, естеками» казахи и другие соседние народы называли башкир. Казахи-естеки компактно проживают в Западном Казахстане на территории, граничащей с Оренбургской областью. Казахи рода естек в Уилском районе Актюбинской области считают себя потомками башкир. А в Шалкарском районе Актюбинской области проживают казахи рода кос-истек [Избасарова, 2001. С. 120]. На территории, в прошлом принадлежавшей жагалбайлинцам, протекает река Косистек. Там же находится гора Косистек, на которой, по преданию, похоронены два башкира, сторожившие свои земли за Уралом от набегов казахов [Полевые записи, 2003. Гайский р-н, д. Байказак. Инф-р: Ахметова Хаят Абдулловна,

1935 г. р.]. Все это свидетельствует о тесных контактах казахов данного региона – в прошлом отделения жетыру Младшего Жуза – с соседними башкирами, то есть, большей частью, с усерганами и кипчаками.

Включение части башкир в состав западных казахов произошло в результате казахских набегов, когда пленные башкиры ассимилировались в среде казахов. Так, в 1768 году старшина Кидрас Муллакаев в своем рапорте сообщал о башкире д. Аскарowo Кипчакской волости (ныне Саракташского района) Утягуле Мусакаеве, который тридцать лет назад был захвачен «киргизцами в полон» вместе с двумя женами, младшим братом и сыном. У этого Утягула во время пребывания в казахской степи родились шесть детей. Два его сына – похищенный старший и один родившийся после – бежали из плена и стали жить в названной волости. Оставшиеся двенадцать членов семьи Утягула, включая его самого, остались [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1 Д. 96. Л. 112]. Многие пленные башкиры, не сумевшие выбраться из казахской степи, подобным образом оставались и входили в состав казахов. Оставались у казахов и башкиры, бежавшие к ним от российских властей. Присутствие большого количества башкир в среде казахов, а казахов у башкир способствовало тому, что контакты между ними, в том числе семейно-родственные, продолжаютс я вплоть до современности.

У башкир Восточного Оренбуржья сохранились предания и о мирных контактах с казахами. Известно, что башкиры и татары в XVII–XIX вв. вели преподавательскую деятельность среди казахов. В д. Сабаклы записано предание, в котором говорится об образованной девушке из д. Куват (родовая деревня башкирской дворянской династии Куватовых) по имени Букей-хан(?). За нее казахи дали калым, который пошел на строительство Караван-сарая [Полевые материалы 2004 г. Кувандыкский р-н, д. Сабаклы. Инф-р: Куватова Манаура Ширвановна, 1928 г. р.]. Кроме преподавательской деятельности башкиры часто привлекались в качестве переводчиков и письмоводителей [Султангалиева, 2003. С. 264–270]. Однако, опасаясь консолидации тюркоязычных народов, правительство постепенно заменило их на казахов и русских. А в 1853 году выходит указ, запрещающий «всем вообще башкирам отлучаться в Киргизскую степь для отправления по Магометанскому закону богослужения, обучения детей татарской грамоте».

В первой половине XIX в. частым явлением стали переходы казахов Младшего Жуза на башкирские земли, вызванные обострением внутривосточной политической борьбы и сильнейшими джугами. Преимущественно бежали в 9-й, 6-й и 4-й башкирские кантоны. Многие испрашивали разрешения пограничного начальства на переход на башкирские земли, но большая часть оставался там незаконно, тайно [Добросмыслов, 1901. С. 219]. Казахи селились в башкирских деревнях и нанимались в работники к состоятельным башкирам. В основном это были обедневшие казахи. В документах они числились башкирами, то есть имели одинаковый с ними социальный статус, образуя вместе с другими народами сословие «новобашкир» [Томашевская, Янгузин,

2002. С. 53]. За 1799–1815 годы, по данным Оренбургской приграничной комиссии, число казахов, зачисленных в башкирское сословие, составило 1 226 человек (863 мужчины и 363 женщины) [Султангалиева, 2001. С. 48].

В мае 1808 года выходит указ, по которому разрешалось «всем казенным, наипаче магометанского закона селениям, внутри линии расположенным, принимать к себе киргизов по их собственному желанию, обращать в поселения на равных правах и обязанностях со старожилками тех селений». При этом переселившимся казахам предоставлялась 10-летняя льгота от податей и службы. Однако большая часть казахов селилась, минуя эти формальности, не регистрируясь. Среди причислившихся после выхода указа были те, которые к тому времени уже проживали с башкирами в течение нескольких лет. В фондах НА РБ сохранилось немало документов, в которых зафиксированы такие переходы. Так, в 1832 году казахи джагалбалинского рода балишевского отделения Туртуган Кутлубаев (70 лет), Алтынбай Бусурманов (21 год) и Курман Затыбаев (14 лет), находящиеся в работниках у башкира Мухаметамина Абубакирова в селе Чанким-Биктимирово и проживающие среди башкир уже 14 лет, просили начальника штаба отдельного Оренбургского корпуса И. И. Мистрова причислить их в башкиры 9-го кантона и «оставить на жительство» в данной деревне [НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3252. Л. 1, 4]. В 9-й башкирский кантон, в который входила Усерганская волость, в 1808 году переселилось 86 казахов. А по данным 7-й ревизии, в команде начальника 9-го кантона капитана Бурангула Куватова в 16 деревнях находилось 54 душ мужского пола казахов [ГАОО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 33. Л. 18–21 об.]. В 1834 году он ходатайствовал перед генерал-губернатором В. А. Перовским о зачислении в его кантон казахских семей, «башкир из киргиз», причисленных и проживающих «с давнего времени» в деревнях Усерганской волости Утягуловой (семьи Исанбая, Калабая, Камышбая Урмановых), Яльчибаевой (Тлявли Манбетова), Идельбаевой (Уразбая Якаева), Кидрячевой (Байгужи Мусульманова), Гумеровой (Тазикбая Назырбаева), Кузеньковой, Абишевой. Эти семьи оказались не указанными в 7-й ревизии 1816 года, из-за чего возникли проблемы с внесением их в списки 8-й ревизии 1834 года Куватов при этом указывает на то, что они «имеют уже по связи супружества родственников из природных башкирцев» [НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3632. Л. 1]. Г. С. Султангалиева отмечает, что среди переселившихся были семьи, членами которых стали башкирские женщины, захваченные в плен казахами, или башкирские семьи, скрывавшиеся в казахских степях после башкирского восстания 1755 года. Это подтверждается и нашими исследованиями. В 1805 году начальник 9-го башкирского кантона Куватов обращается к Оренбургской пограничной комиссии с просьбой позволить поселиться в его кантоне «пришедшим к нему по бедности» 64 казахам, «объявивших себя из роду башкирского», «у некоторых из них отцы башкирцы, у некоторых матери башкирки» [ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 499. Л. 149–150]. 27 мая 1827 года причислен вышедший из киргизского пле-

на башкир Тайгыш Алимгулов [ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 33. Л. 19 об.]. В 20-х годах XIX в. наблюдается обратный переход казахов, причисленных в башкирские селения, на прежнее место жительства [Султангалиева, 2001. С. 47–48]. Однако были семьи, навсегда оставшиеся среди башкир и вошедшие в состав башкирского этноса. Такие семьи башкир с казахскими корнями живут и сейчас в Восточном Оренбуржье. В современных башкирских деревнях Гайского и Кувандыкского районов Оренбургской области есть башкирские семьи, которых называют *казак токомо* (потомки казахов), *казаклар* (казахи). Например, Илимбетовы считаются потомками казахов, пришедших с берегов реки Алимбетовка к башкирам в поисках земли. Башкиры д. 2-е Юмагузино (Беләүтамак) продали им землю и с тех пор стали проживать вместе [Полевые записи. 2005 г. Кувандыкский р-н, д. 2-е Юмагузино. Инф-р: Хасанов Минлегали Давлетович, 1926 г. р.]. Предание, вероятно, относится к началу – второй половине XIX в. Большинство же таких преданий связано с набегами казахов XVIII в.:

- д. Байказак: Тукумовы – потомки казаха, которого во время одного из набегов младенцем оставили, завернутым в чепрак (*тукым*),
- д. Мало-Чураево: Туктагуловы считают себя потомками казахов, перешедших к башкирам в поисках земли с берегов реки Ори,
- д. Идельбаево: Кудашевы считают себя потомками девушки, которую украли казахи; она вернулась со своими детьми, и их род называют «казахами»,
- д. 3-е Юмагузино: Тагировы считаются потомками казаха-бакши (знахаря), которого башкиры подобрали младенцем.

Казахские семьи, переселившиеся на башкирские земли, можно проследить также по материалам переписей XIX в. – ревизским сказкам. Так, в переписи 1816 года зафиксированы следующие данные:

- в д. Чураево «причислены по повелению главной команды из киргизцев» в 1814–1815 гг. Казакул Бикбов Зианчуров, Матябай Кунябаев, Алкай Утябаев с семьями [НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 146. Л. 5041 об.];
- в д. Псянчино Хусейн Халилов с семьей «причислен из киргиз в 1815 году» [НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 146. Л. 92];
- в д. Верхние Чебеньки «причислены из киргиз» Байбулов, Едигеев, Азибаев с семьями;
- в д. Сунарчино «причислены из киргиз» Мансуров, Шукарбаев, Елкарин, Дусаев, Чувашев с семьями.

Всего в Оренбургском уезде по 7 ревизии 1816 года, насчитывалось 396 душ обоего пола «башкир из киргизцев» [Томашевская, Янгузин, 2002. С. 53], а в деревнях Восточного Оренбуржья – 54 [ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 33. Л. 18 об.].

По переписи 1859 года, в башкирских деревнях проживали:

- в Чебаклиной 9 казахских семей; главы семейств: Сафаргали Айбулатов, Бикмухамет Тапышев, Рахметулла Искендеров, Зюмагул Искендеров, Айтбай

Баимбетов, Каслышбий Урмантаев сын Кувандыков, Абдулла Рысаев сын Бикбердин, Алтынча Исянгильдин сын Аргынбаев, Биккул Карамурзин;

- в деревне Нарбулатовой семья казаха Урузгали Таубаева Тактубаева;
- в д. Халиловой – Зиянбека Сарлыбаева Арсланбекова;
- в д. Абубакировой – Кужаша Игбаева;
- в д. Сарыбаевой – Кусканбая Байгузина;
- д. Рысаевой – Даскимбата Минбаева [НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 706].

Процесс ассимиляции казахов, оставшихся среди башкир, завершился юридическим оформлением их статуса. Многие казахи, первоначально поселившиеся на правах башкирских припущенников, со временем получали вотчинные права. Так, в 1872 году волостной сход 3-й Усерганской волости принял в свою дачу на вотчинных правах припущенников-казахов д. Чураево, поселившихся до 7 сентября 1837 года в числе 29 душ по 10 ревизии. Это были семьи зауряд-хорунжего Мухаметши Усинова в числе 13 душ, башкира (имеется ввиду сословный статус – Ю. А.) Мухаметшарипа Катлина – в числе 1 души, Исянгула Мухаметжанова – в числе 2 душ, Хайруллы Яныбаева – в числе 5 душ, Бикмухамета Токтагулова в числе 4 душ [ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 49. Л. 317].

Существование мирных взаимоотношений с казахами отражается и в совместных действиях этих народов в восстаниях против русского правительства [Избасарова, 2001. С. 123; Избасарова, 2000. С. 18–22; История Казахстана, 2000. С. 115–116]. В крупном восстании Батырши 1755–1756 годов жагалбайлинцы вместе с башкирами участвовали в набегах на русские заводы в августе – октябре 1755 года [Эхмэтзэки Валиди, 2005. С. 159, 161]. В последующих событиях восстания из Младшего Жуза роды жагалбайлы, табын, тама были на стороне башкир и объявили войну алчинцам, захватившим бежавших в казахскую степь башкир. Старшина Младшего Жуза Юлumbет-батыр сообщал, что «когда в здешние места первые бежали к ним башкирцы, то прямо взяты семиродцами..., а алчинцы поехали в уезды к семиродцам, и тех бежавших к ним башкирцев силой захватили» [Добросмыслов, 1895. С. 110].

У казахов также сохранились сведения о соседских взаимоотношениях с башкирами. Так, в предании рода жагалбайлы, ныне населяющего Новоорский район Оренбургской области, повествуется о том, как во время Пугачевского восстания Серке-батыр перевел здешних башкир на левый берег Яика и тем самым спас их [Жаксылыков, 2004. С. 4].

Итак, с одной стороны, общее для обоих народов скотоводческое хозяйство служило фактором тесных контактов, с другой – этнокультурное взаимодействие обусловило наличие сходства в материальной культуре башкир восточного Оренбуржья и соседних с ними казахов-жагалбайлы. Схожесть в материальной культуре связана и с торговыми взаимоотношениями. В частности, приграничные казахи, которые не имели леса, деревянную посуду и деревянные решетки юрты покупали у соседних башкир. Это обуславливало перенимание ими некоторых черт в изготовлении посуды и т. п. Казахи

же торговали в основном скотом, кожей и изделиями из кожи, войлоком, мехами лисицы и корсака [Казахско-русские отношения..., 1964. С. 297]. Во второй половине XIX в. на границе между башкирскими и казахскими землями появляются русские переселенцы. Это вело к сужению непосредственного этнокультурного взаимодействия башкир с казахами.

Взаимодействие башкир с переселенческим населением в XIX – начале XX вв.

Вплоть до середины XVIII в. оренбургские степи были заняты кочевниками, и только со строительством Оренбургской пограничной линии здесь начинает расселяться оседлое земледельческое население. Возникновение первых русских поселений на территории Оренбургской области было связано с основанием здесь крепостей. До 30-х годов XVIII в. на территории области было лишь одно поселение русских – Сакмарский казачий городок (ныне с. Сакмара), относящийся к Яицкому казачьему войску. Он был основан сходами из Сибири в 1720 году, к которым позже присоединилась часть яицких казаков, живших в устье Самары. Освоение казаками новых земель шло тяжело, так как они были «принуждены от башкирцев многие обиды и разорения претерпевать, яко башкирцам поселение оных казаков на их землях было весьма противно» [Рычков, 2001. С. 100]. С 1734 года начинает создаваться Оренбургская пограничная линия, которая протянулась по Яику от Гурьева городка до Верхо-Яицкой пристани (позже ставшей Верхнеяицкой крепостью). В 1735 году закладывается город Оренбург на первом месте, в устье реки Орь, вскоре переименованный в Орскую крепость. В течение 1734–1743 годов территория по среднему течению Яика активно застраивается крепостями. Тогда были основаны Губерлинская, Озерная, Ильинская, Красногорская, Пречистенская, Воздвиженская крепости, а также целый ряд редутов, образовав тем самым Оренбургскую пограничную линию.

На протяжении XVII – первой половины XIX в. русские поселения возникали здесь в небольшом количестве, большая же часть переселенцев обосновалась в 1871–1901 годах. Основной причиной переселения была земля: массовая колонизация башкирских земель захватила юго-восточных башкир лишь в последней трети XIX в. За этот период башкиры Усерганских волостей потеряли 2/3 своих земель. В 1886 году в четырех Усерганских волостях было 64 хутора с населением 20 346 человек, которые арендовали землю в 34 274 десятины [Ведомость о числе хуторов, образованных переселенцами на заарендованных землях в волостях, станичных юртах Оренбургской губернии и о средних арендных ценах на землю, 1889]. Переселенцы шли сюда из-за дешевизны земли, так в 1887 году в Орском уезде цена на землю была самая низкая по губернии и составляла в среднем 48–45 копеек за десяти-

ну земли. Для сравнения, в Уфимской губернии в 1879–1894 годах средняя цена за десятину составляла 10 рублей, в Тамбовской – 61 руб., в Пензенской – 51 руб., в Симбирской – 35 руб. [История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX в. С. 192]. По сравнению с другими волостями уезда, больше всего русских поселилось в Усерганской волости: здесь в 1886 году находилось 64 хутора (из 97 во всем Орском уезде) [Материалы по статистике Оренбургской губернии, 1889]. По Усерганской волости цена на землю различалась. В 1-й Усерганской волости она составляла – 57,3 коп. за десятину, во 2-й – 33 коп., в 3-й – 25,5 коп., в 4-й – 11,5 коп. Среди этих волостей больше всего русских было в 3-й Усерганской, где в 18 хуторах проживало 5 226 человек, и во 2-й Усерганской – в 13 хуторах 4 282 человека [Расчеты по данным из: «Материалы по статистике Оренбургской губернии»]. Таким образом, земли башкир на территории нынешнего Восточного Оренбуржья заселялись переселенцами более активно.

С появлением русских в край начинают переселяться и другие народы. На территории Гайского и Кувандыкского районов переселенческое население, прибывшее в конце XIX – начале XX в., было в основном украинским. Сюда переселялись из южных земледельческих губерний: Киевской, Екатеринославской, Николаевской, Херсонской, Черкасской, а также Воронежской и Саратовской. Среди переселенцев преобладали государственные крестьяне. Большинство поселений украинских переселенцев в Восточном Оренбуржье возникли в период с начала XX в. по 1917 год. Причем украинцы поселялись в основном в Оренбургском и Орском уездах губернии. По данным переписи 1897 года, в Оренбургском уезде насчитывалось 29 942, а в Орском – 8 963 украинца. За 30 лет (по сравнению с 1860-ми гг.) число украинцев в этих уездах увеличилось почти в 3 раза. К 1920 году их число в двух уездах увеличилось еще в 3 раза (74 219 человек). Большая часть украинских поселений сейчас находится в Гайском районе.

В 1917 году во 2-й Усерганской волости (современный Кувандыкский р-н) из 61 населенного пункта было 19 башкирских, 25 русских, 6 украинских, 4 татарских, 2 мордовских, 1 чувашский (по еще 4 населенным пунктам сведений нет); в 3-й Усерганской волости (Гайский р-н) из 53 – 16 башкирских, 12 украинских, 10 русских, 3 татарских (по 11 населенным пунктам сведений нет); в 5-й Усерганской волости (Кувандыкский р-н) из 66 – 32 башкирских, 16 украинских, 13 русских, 1 немецкий (по 4 населенным пунктам сведений нет); в 6-й Усерганской (Саракташский р-н) из 63 – 27 башкирских, 20 русских, 3 украинских (по 12 населенным пунктам сведений нет) [История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX вв. С. 273–280].

Переселение значительного числа переселений украинцев на башкирские земли имело под собой объективные причины. Так, А. А. Кауфман, член Ученого комитета Министерства земель и государственной инспекции, находившийся здесь по командировке для изучения вопроса о заселении казенных

земель, отмечал, что «наиболее подходящим элементом для казенных земель юго-восточных губерний, несомненно, являются выходцы из южных и главным образом малороссийских губерний Европейской России». Причинами этого он называет, с одной стороны, схожесть природных условий, а значит и способов ведения земледелия, с другой – большую материальную обеспеченность «малороссов» по сравнению с «великороссами». А также, по его словам, «не последнее значение имеет отмечаемая многими местными деятелями большая хозяйственность переселенцев-малороссов», что автор подтверждает виденными им фактами [Кауфман, 1904. С. 90].

Основной поток переселенцев в Восточное Оренбуржье шел из Среднего Поволжья, отличавшегося необычайно сложным этническим составом населения. Это предопределило многонациональный состав переселенцев. Значительную долю их составляли татары, выходцы преимущественно из Казанской губернии. Начало заселения татарами Оренбургского края относится к 40–50-м годам XVIII в., когда по Новомосковской дороге, проложенной от Оренбурга через Бутульму на Казань (территория современных северо-западных районов Оренбургской области), стали поселяться татары из Среднего Поволжья, так называемые «чемоданные татары», основной повинностью которых была перевозка почты. Первые татарские поселенцы в Восточном Оренбуржье поселялись на пограничной линии – в редутах и крепостях. В упоминавшемся выше Сакмарском городке часть жителей была татарами. В 1744 году под Оренбургом на речке Каргала торговыми татарами основывается одно из первых татарских селений – Сеитова, или Каргалинская, слобода. Основатель ее – Сеит Аитов сын Халылин – был выходцем из Арской дороги Казанского уезда. Основная часть переселившихся татар начала заниматься земледелием по берегам Каргалы и Сакмары. Поначалу они числились «ясашными татарами, мещанами, купцами», а в 1793 году были приписаны в Уфимское нерегулярное войско, т. е. к башкирам, в 1798 – в Оренбургское казачье войско (к 4-му кантон) [НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 13. Л. 51].

С разрастанием Сеитовской слободы некоторые ее жители переселялись в населенные пункты Оренбургской пограничной линии, в том числе в 1802 году часть была переведена в д. Чесноковку и редуты Никольский и Гирьяльский. В 1754 году выходцами из татарских деревень Казанского, Свияжского уездов и Арской дороги Казанской губернии основываются села Верхние и Нижние Чебеньки (ныне Саракташского р-на). В последующем, в течение второй половины XVIII–XIX в., было основано несколько татарских населенных пунктов, в основном на территории современного Саракташского района. В 1782 году недалеко от Желтого редута основана д. Амирова, которая впоследствии слилась с селом Желтое. Татары причислялись также в башкирские и ногайские населенные пункты. В 1782 году к ногайцам Никитинского редута причислено 130 ясачных и служилых татар. В том же году ногайцы Воздвиженской крепости припустили 104 ясачных татарина, которые основали ныне прекра-

тившую существование д. Асселя. Впоследствии ее жители переселились на речку Чертанлы близ Желтого редута и также вошли в состав села Желтого. В 1800 году между Никитинским редутом и Воздвиженской крепостью основана татарская д. Новогумерово [Денисов, 2006. С. 101]. В 1868 году выходцами из Каргалов основана д. Мухамедьярова (Кувандыкский р-н), 1823 году – д. Алабайтал (Беляевский р-н, на границе с Кувандыкским р-ном).

Татары часто поселялись на башкирских землях в качестве припущенников. В 1836 году башкиры деревень Кульчумово и Карагузино припустили соответственно 85 и 53 татарина, перешедших с каргалинского хутора Булгаково. В 1871 году в следующих башкирских деревнях зафиксировано припущенников бывшего военного ведомства, которые в основном являлись татарами: в Чанким-Биктимирово – 81, Сунарчино – 39, Султанбаево – 31, Рыскулово – 26, Бурангулово – 12, Юлгутино – 97, Зианчурино – 32, Барангулово – 36, Тлявгулово – 8, Мухамедьярово – 336 человек [ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 49. Л. 298]. Кроме того, иногда татары поселялись в башкирских деревнях на особых условиях, переходя в башкирское сословие. Они записывались башкирами, но с указанием в переписном документе, что являются выходцами из татар. Так, в д. Зианчурино в конце XIX в. было три татарских семьи, записавшихся в башкиры во время X ревизии и пользующихся наделами земли наравне с башкирами [Баишев, 1895. С. 6]. В последующем такие семьи продолжали жить с башкирами. Процессы ассимиляции между ними носили двоякий характер. Иногда изначально башкирские деревни в результате преобладания татарского населения становились татарскими. Например, башкирская д. Юлгутино, которая в 1887–1891 годах пополнилась 303 переселенцами, и в настоящее время стала преимущественно татарской [Денисов, 2006. С. 128]. Башкирская д. Кульчумово Саракташского района также стала к настоящему времени татарской. Близость языка, религии обуславливала переселение татар в башкирские деревни. В настоящее время в большом количестве татары проживают в Саракташском районе – в деревнях Кабанкино, Карагузино, в Гайском – в Узенбаево, Гайнуллино, и в Кувандыкском – Акбулатово, Гумерово, Тлявгулово. Иногда часть татар вливалась в состав башкирского населения и обашкиривалась. О последнем говорят и этнонимы *татар(лар)*, встречающиеся у башкир Восточного Оренбуржья. Исследователи отмечают, что наиболее характерной чертой процесса формирования оренбургских татар является то, что в нем приняли участие представители других тюркоязычных этносов, в том числе ногайцы и башкиры [Денисов, 2006. С. 136].

Сходство в культуре и языковая близость способствовали тесным контактам башкир с татарскими переселенцами. Переселившиеся татары испытали значительное влияние новых соседей – башкир, казахов и ногайцев. Для татар Восточного Оренбуржья характерен каргалинский говор среднего диалекта, который распространен в южной части области. Исследователями установлено, что в его формировании участвовали и ногайцы позднего заселения (XVIII в.),

о которых шла речь выше. Также прослеживается влияние соседних говоров казахского и башкирского языков, определившее его особенности, общие для ногайской группы тюркских языков. Как отмечают татарские исследователи, «оказавшись в казахском и башкирском окружении, казанские татары хотя и сохранили свои основные бытовые устои, но все же заимствовали немало бытовых и языковых черт соседей» [Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С. 42].

Сразу же с появлением в крае татары начинают активно контактировать с башкирами, что выражалось, в частности, в совместном расселении, чего не наблюдалось во взаимоотношениях башкир с другими народами в тот период. В основанной ранее других татарских поселений Сеитовской слободе в 1747 году находилось 973 души мужского пола татар и 23 – башкир. Совместные браки между башкирами и татарами здесь фиксируются с середины XVIII в. В 1768 году башкирка Усерганской волости из команды старшины Канчуры Мункеева Зиенбика Ильчигулова писала, что 20 лет тому назад вышла «за переселившегося из Казанской губернии в Озерную крепость Сагита Кильдибаева» [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1 Д. 96. Л. 151]. Но в XVIII в. случаи башкиро-татарских браков здесь все же не были распространенным явлением. Одной из причин этого было то, что правительство ограничивало такие браки. Башкирам не разрешалось вступать в браки с казанскими татарами «без челобитий и без дозволения Казанского губернатора», «а кому по прошению в том дозволено будет у них с каждой свадьбы брать по лошади драгунской, а кто без дозволения женится, с таких брать по три лошади драгунских» [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1 Д. 143. Л. 21 об.]. Однако подобное искусственное вмешательство в ход межэтнических контактов долго не просуществовало. Со временем татары вступают в довольно тесные взаимоотношения с башкирами, селятся в башкирских деревнях. Например, по ревизии 1859 года, в деревне Яльчибаево 9 семей было «из татар», в Нарбулатово – 7 семей «из татар», а в 1871 году в Чанким-Биктимирово переселены мишари, которые составили половину населения деревни [НА РБ. Ф.-138. Оп. 2. ДД. 704, 706].

Татары, переселявшиеся в Оренбургскую губернию, в основном относились к торговому сословию, поэтому первое время основным видом контактов была торговля. Они снабжали башкир товарами промышленного производства – предметами одежды, утвари и т. д. Башкиры, в свою очередь, продавали строительный лес, который сплавляли по Сакмарю. Так, в 1778 году торговый татарин Сеитовской слободы Мухаметрахим Абдрешитов купил у башкир Кара-Кипчакской волости Муталлапа и Курмангула 100 бревен за 10 рублей, которые те должны были поставить в устье реки Бурлы на берегу Ика [ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 181. Л. 269]. Кроме того, татары занимались земледелием и скотоводством, причем второе здесь было более развито. В первой четверти XIX в. татарские казаки держали по 100 и более лошадей, столько же рогатого скота и вдвое больше того овец, при том, что русские казаки держали по 2–3 лошади [Фальк, 1894. С. 253]. Но скотоводство, в отличие от

соседних башкир, было отгонным. В 1862 году поверенные из татар д. Новая Каргала близ Гирьялского редута писали: «Мы, припущенники, привыкши к оседлой жизни и к хлебопашеству, некоторым образом в общежитии отличаемся от Башкирцев-вотчинников. Они ходят на кочевки, а мы нет, они очень мало занимаются домашностью и хлебопашество, а мы стараемся об исправлении домов и засеваем всегда больше их хлеба» [ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 675. Л. 234 об., из: Денисов, 2006. С. 142].

По переписи 2002 г., в Гайском районе проживало 904 татарина (6,6 % от всего населения района), Кувандыкском – 3 433 (14,1 %) и Саракташском – 7 146 (16,9 %) [Региональная этнокультурная политика... С. 33] Взаимодействие с татарами, по сравнению с другими переселившимися народами, оказалось наиболее тесным, чему способствовала языковая близость, единая религия и сходство в духовной культуре. Наиболее частыми были и являются в настоящее время башкиро-татарские браки. Тесного взаимодействия с татарским населением отразилось на многих сторонах материальной культуры.

* * *

В этнической истории башкир Восточного Оренбуржья значительную роль сыграли соседние народы, с которыми местное население находилось в тесном взаимодействии. Здесь исторически сложились контакты с кочевыми народами – ногайцами, калмыками, казахами. Они на протяжении XV–XVIII вв. подпитывали традиции скотоводческого хозяйства и быта башкир. Строительство Оренбургской пограничной линии во второй половине XVIII в. и дальнейшее укрепление в крае русской администрации выдвинуло на первый план контакты с земледельческими народами – татарами, русскими, украинцами, – активное переселение которых пришлось на вторую половину XIX в. Межэтнические контакты башкир носили различный характер – как мирного взаимодействия, так и военных столкновений. Наиболее тесные взаимоотношения существовали у башкир с казахами и татарами, чему во многом способствовала близость языка, а также общая религия. Известно, что языковой и религиозный фактор всегда играл определяющую роль в контактах. Это обусловило и довольно низкий уровень контактов со славянскими народами в первое время. В то же время, большое влияние имело и общее полукочевое хозяйство, определявшее основные характеристики традиционной культуры. Скотоводческое хозяйство ногайцев, калмыков и казахов в основных своих чертах было схоже с башкирским, что создавало предпосылки для тесного взаимодействия между народами-кочевниками. Соседство и тесные контакты способствовали перениманию опыта и взаимовлиянию культур, в том числе в таком важнейшем элементе традиционной культуры, как хозяйство.

Глава 3

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАШКИР ВОСТОЧНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ В XVIII–XIX ВВ.

Развитие скотоводства

Известно, что важную роль в сложении этнографического облика народа играют природная среда и ландшафт. Их влияние отражается в первую очередь на формах хозяйства, а также в целом на всей системе жизнеобеспечения, на материальной культуре. Хозяйство, способы его ведения являются адаптированной формой жизнедеятельности человеческих сообществ в конкретной экологической нише.

Оренбургская область занимает обширную территорию площадью 124 тыс. км² на юго-восточной окраине европейской части России. Территория ее простирается с запада на восток на 750 км, с севера на юг в западной части на 350 км, в центральной и восточной – на 220 км. В нижнем течении реки Сакмара расстояние между северной и южной границами составляет всего 50 км, и этот участок делит область на большую западную и меньшую восточную части. В Восточном Оренбуржье проходит граница между Европой и Азией: по восточным отрогам Уральского хребта, горам Мугоджары и реке Эмбе [Чибилев, 1995. С. 6–7]. С севера Восточное Оренбуржье граничит с Зианчуринским и Хайбуллинским районами РБ, на востоке – с Челябинской областью, на юге – с Актюбинской областью Республики Казахстан.

Территория области характеризуется значительной плотностью речной и балочной систем. В восточной части области протекают в широтном направлении с востока на запад две крупные реки – Урал и Сакмара. Территория по правому берегу Урала издавна была заселена башкирами, левый берег реки с начала XVIII в. занят казахами. В Урал впадают реки: Губерля с притоками, Киндерля, Киялы-Буртя, Караелга, Письмянка; в Сакмару: Касмарт, Кураган, Катралы, Куруил и др. Здесь также развита сеть подземных вод, которые образуются за счет просачивания атмосферных осадков через почву и горные породы. Встречая водоупорные горизонты, например глину, подземные воды начинают накапливаться и по уклонам стекать в понижения, выбиваясь в виде ключей в долинах рек, балках и оврагах [Ветров, Попов, 1966. С. 23].

Ландшафт Восточного Оренбуржья довольно разнообразен, здесь граничат, а нередко и сочетаются природные комплексы степей и лесистых низкогорий Южного Урала. По оренбургским степям проходит северная граница Великой степи. Горный рельеф, имеющий эрозийное происхождение, характерен для придолинных участков реки Сакмара с притоками (хребет Шайтантау, Зиянчуринские гряды, Присакмарский мелкосопочник) и реки Урал (Губерлинские горы). Сеть балок и оврагов, рассекая гряды, выделяет многочисленные холмы и конусообразные вершины, сложенные изверженными породами. Все это вместе создает впечатление горного ландшафта. Губерлинские горы на севере переходят в высокоприподнятую равнину, а на востоке медленно понижаются в сторону Орского грабена; высота гор над уровнем моря – 400–430 м. Восточная часть области расположена на Урало-Тобольском плато, представляющем собой широкую мягко-волнистую возвышенную равнину [Ветров, Попов, 1966. С. 8–9]. Вдоль правого берега меридионального отрезка реки Урал протягивается южное окончание хребта Ирендык.

Восточное Оренбуржье входит в южнолесостепную ботанико-географическую подзону. Ее характеризуют разнотравно-ковыльные степи на типичных черноземах с островными лесами на выщелоченных черноземах. Степи на территории Восточного Оренбуржья в междуречье Урала и Сакмары разнотравно-ковыльные, на левом берегу Урала – типично-ковыльные, а в бассейне рек Ор и Кумак – полынно-злаковые [Географический атлас Оренбургской области. С. 44]. На севере Кувандыкского района преобладает горная лесостепь, переходящая на территории РБ в лесные массивы Уральских гор. Березовые леса здесь расположены по склонам, ущельям и ложбинам, оставляя на горных вершинах участки ковыльно-разнотравной степи, которая переходит в каменистую поверхность. В южном направлении участки степи увеличиваются, переходя на левом берегу реки Урал в степи Западного Казахстана. В целом, большая часть территории покрыта степью с разнообразной флорой, которая обеспечивает хорошие пастбищные угодья. В степной зоне участки лесной растительности занимают поймы рек, холмистые междуречья и склоны. Пойменные леса образованы тополем, ветлой, дубом, вязом, черной ольхой.

Природные условия предопределили ярко выраженный континентальный климат области. Он характеризуется здесь теплым и засушливым летом, холодной зимой с устойчивым снежным покровом, относительно малым количеством осадков, а также высокими среднегодовыми амплитудами температур [Чибилов, 1995. С. 19].

А вот как описывал природные условия долины нижнего течения Сакмары (современный Кувандыкский район) в конце XIX в. современник: «Плодородная почва, обилие воды, лугов и пастбищ, хорошая растительность дают возможность считать Зиянчуруну одним из лучших мест для сельского хо-

зайства. Правда, здесь иногда зимою и бывают довольно холодные, а летом жаркие дни, но таких дней очень немного. В знойное лето господствуют тут южные и юго-восточные ветры, которые нередко, хотя и приносят с соседних киргизских песчаных степей удушливый жаркий воздух, но влияние этого воздуха в этой местности не так чувствительно: самая почва, пропитанная во время разлива реки Сакмары влагою, а потому дающая много водяных испарений, свежесть древесной растительности, обилие речек и озер – значительно умеряют жар» [Баишев, 1895. С. 4–5].

Традиционной формой хозяйства юго-восточных башкир являлось полукочевое скотоводство, для ведения которого идеально подходили природно-географические условия оренбургских степей. Основным компонентом травянистого покрова степей являются ковыли – ценные кормовые растения. Они в течение многих веков обеспечивали кормом многочисленные поголовья башкирских стад. Предгорные долины, ложбины и ущелья в летние дни спасали скот от жары, а зимой укрывали от буранов. Разветвленная сеть рек, родников и озер обеспечивала доступ к воде практически в любой местности. Зимой, благодаря расчлененному рельефу, ветер, сдувая снег с возвышенностей на низины, облегчал тебеневку (нахождение скота на подножном корму). Скотоводство являлось наиболее рентабельным видом производства продуктов питания в степной зоне, круглогодично обеспечивающим население мясомолочными продуктами, шкурами и шерстью для пошива одежды, обуви, а также изготовления различной утвари.

Исходя из природно-климатических условий, ландшафта, флоры и фауны региона определялись вид и поголовье скота, формы его содержания и воспроизводства. Башкиры разводили лошадей, овец, коров, коз, верблюдов. Основное поголовье башкирского стада составляли лошади. Они круглый год находились на подножном корму и не требовали особого присмотра. Коневодство на территории Южного Урала известно с древнейших времен и оно, бесспорно, имеет местные корни. Как свидетельствуют археологические материалы, domestикация лошади началась уже в энеолите, когда происходили кардинальные изменения в экономике населения Южного Приуралья. Так, в энеолитическом слое Ивановской стоянки (Красногвардейский, р-н) кости домашних животных составили более половины всех видов остеологических остатков. Лошадь к тому времени уже была одомашнена и даже вошла в ритуально-обрядовую практику [Моргунова, 2004. С. 6; Мещеряков, Моргунова, 1996. С. 47–52]. Значение лошади в хозяйстве возросло в эпоху раннего железа, в VII–IV вв. до н. э. Она занимала особое место в экономике ранних кочевников Южного Урала. Об этом свидетельствует культ захоронения с конем в Филипповских, Переволоцких и других курганах. В эпоху раннего железа возник меридиональный цикл кочевания, когда зимние месяцы кочевники проводили в присырдарьинских и приаральских степях Средней Азии, а по мере приближения весны уходили на север, в предгорья Южного

Урала. Со временем дальность перекочевков существенно сократилась, кочевники стали оседать на Южном Урале, но направления кочевых маршрутов оставались прежними: на зиму стада перегоняли на юг в степи современного Западного Казахстана, а летом скот пасли в предгорьях Южного Урала.

Традиции меридионального кочевания долгое время сохранялись у потомков древних кочевников приуральских степей – башкир. Выше уже писалось, что кочевья усерган еще в XVII в. простирались далеко на юг, вплоть до верховьев рек Илека, Эмбы, Ори и степного Иргиза. Сведения о кочевьях за Уралом часто встречаются в преданиях. Так, в одном из них, записанном в д. Юлдашево, рассказывается о том, как раньше башкиры пасли скот «за Яиком (Уралом) в долине реки Буртя» (Буртя – левый приток Урала – Ю. А.) и отмечается, что это было «пастбище, оставшееся от предков» [Түләбаев, 2000. С. 24–25]. На занимаемой усерганами территории зафиксировано множество названий дорог, путей, по которым совершались ежегодные перекочевки – это «Күс юлы» («Дорога перекочевки»), «Йылкы юлы» («Дорога лошадей», д. Яргайш Зианчуринского района РБ), «Иске күс юлы» («Старая дорога перекочевки»), «Оло күс юлы» («Большая дорога перекочевки», д. Арслангулово Хайбуллинского района РБ) и т. п. С полукочевым хозяйством связаны топонимы и другого характера – «Язлау» («Весенняя стоянка»), «Кышлау кырылган» («Разоренный зимник», д. Верхненазаргулово), местность «Куй кырылган» («Место, где погибли овцы», д. Сарбай), «Бейә бәйләгән» («Место, где привязывали кобылиц (для дойки)», д. Байказак) и т. п.

Формы ведения скотоводства башкир не оставались неизменными. В результате монгольского нашествия и установления господства Золотой Орды на всем пространстве степей Дешт-и-Кипчака в XIII–XV вв. изменились и существенно сократились маршруты кочевых переходов башкир. С распадом Золотой Орды в XV в. всю южную часть Башкирии заняли ногайцы, башкиры кочевали на одних территориях с ними. После ухода ногайцев на юг на степи по левобережью Урала стали претендовать сначала калмыки, а затем казахи. Это также вынуждало башкир сокращать расстояния перекочевков. И все же вплоть до начала XVIII в. традиционное скотоводческое хозяйство не подвергалось коренным изменениям. Существенное влияние на ход развития хозяйства оренбургских башкир оказало проникновение и массовое расселение в крае русского населения и, в особенности, строительство Оренбургской пограничной крепостной линии на юго-восточной окраине Башкирии в 30-х годы XVIII в. Эта линия окончательно закрепила южную границу башкирских кочевий по правому берегу реки Урал, тем самым лишив южных башкир возможности вернуть свои пастбища по рекам Илек и Ор, которые с начала XVIII в. были заняты продвинувшимися с востока казахами Младшего Жуза. Кроме того, застройка пограничной линии сопровождалась изъятием башкирских земель в радиусе 50 верст вокруг крепостей. Большое количество родовых земель юго-восточных башкир было отведено под крепости Оренбургской

пограничной линии – Верхнеозерную, Ильинскую, Орскую, Губерлинскую и Таналыкскую [Губернаторы Оренбургского края. С. 354]. Процесс изъятия башкирских земель под территорию Оренбургского казачьего войска продолжался до конца XIX в. Так, например, в 1874 году в пользование казакам Ильинской станицы был отдан участок территории Усерганской волости по правому берегу реки Урал [ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 94. Л. 2 об. – 3 об.]. С другой стороны, сокращение башкирских земель было связано с продажей и сдачей в аренду их земледельческому переселенческому населению – русским, украинцам и татарам. Последовавшая за всем этим нехватка земель вынуждала башкир менять сложившуюся веками систему ведения хозяйства.

Сокращение кочевых маршрутов и пастбищ приводило к изменениям в ведении скотоводства. В рассматриваемый период лошади, составлявшие основное поголовье башкирского стада, продолжали тебеневать, на тебеневке находились и овцы, а для крупного рогатого скота и рабочих лошадей сооружали специальные помещения. Но в XVIII в., в результате недостатка пастбищных угодий, появилась необходимость в заготовке корма на зиму для части скота. Сенокошение явилось одним из первых новшеств в хозяйстве башкир. Вначале заготавливали сено только для крупного рогатого и рабочего скота; лошади и овцы продолжали круглогодично находиться на подножном корму. Уже в 1767 году П. И. Рычков про башкир сакмарского устья (Саракташский р-н) писал, что они, «будучи загорожены новыми крепостями и немалолюдными командами... привыкли уже косить и довольно заготавливают ныне сена, чего у них прежде было весьма мало» [Рычков, 1767. С. 5–6]. Во второй половине XVIII в. сенокошение стало довольно распространенным явлением, что подтверждается многочисленными архивными документами, в которых отразились споры из-за сенокосных угодий и заготовленного сена. Так, в 1768 году происходил спор между башкирами Кипчакской и Усерганской волостей, в котором старшина Усерганской волости Мулют Яманчури жаловался на башкир Кипчакской волости, обвиняя последних в «выскошении сенокосных их лугов» по реке Касмарт и ее притокам [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 96. Л. 52–52 об.]. В 1804–1805 годах башкиры деревень Сунарчиной и Чанким-Биктимировой заготовили довольно большое количество сена: они жаловались Оренбургскому военному губернатору на то, что соседние ногайцы, так называемые «кондуровские татары», присвоили в 1804 году сено, «накошенное башкирцами в 130 стогах и 915 копнах». А до этого дворянский заседатель земского суда Приезжев отдал ногайцам «приготовленные ими (башкирами – Ю. А.) по обеим сторонам речки Касмарки 224 стога сена» [Янгузин, 1998. С. 72].

С дальнейшим сокращением пастбищ ограничивалось время нахождения на тебеневке лошадей и овец; во второй половине XIX в. их также стали частично переводить на сено. П. И. Небольсин, побывавший в Оренбургской губернии в середине XIX в., со слов башкир, живущих по реке Илек, утверждал, что

для того чтобы «прокормить во всю зиму 4000 лошадей потребно некошеной степи 20 верст в длину и 20 – в ширину» [Янгузин, 1998. С. 7]. Таких территорий у башкир оставалось все меньше. В XIX в. даже в благоприятные годы в степной местности лошадей подкармливали около месяца, а жеребят и крупный рогатый скот еще дольше. В лесостепной местности значительную часть скота зимой кормили сеном и соломой [Руденко, 2006. С. 101]. От недостатка кормов, а также от эпизоотических болезней башкиры теряли много скота.

Несмотря на то, что размеры сенокосения выросли, в течение XIX в. оно оставалось лишь дополнительным средством в непредвиденных, чрезвычайных ситуациях. Скот значительную часть года находился на подножном корму, так долго, как это было возможно, в зависимости от погодных условий. С. И. Руденко отмечал, что у степных усерган лошади тебеневали в течение всего года, а у лесостепных усерган только до середины зимы; овцы редко находились в степи более середины зимы [Руденко, 2006. С. 100]. М. Баишев, описавший быт башкир д. Зианчурино (ныне Кувандыкский р-на) конца XIX в., писал, что если раньше скот находился на подножном корму круглый год, то теперь, с сокращением пастбищ, если зима была не суровая, он лишь более половины зимы оставался в поле. А «в суровые зимы, когда еще с осени начинаются морозы, идет дождь, а затем вдруг замерзает, образуется гололедища, тогда скот, сильно изнуренный еще до декабря возвращается домой» [Баишев, 1895. С. 7]. Заготавливаемого сена часто бывало недостаточно для прокорма скота. Этот же автор отмечал, что, в отличие от русских соседей, «у башкира в зимние ненастные дни скот терпит голод и холод. Обыкновенно в конце зимы башкир принужден бывает за неимением сена и соломы кормить скот корою, которую гложут лошади и овцы» [Баишев, 1895. С. 3].

Изменилось и соотношение видового состава стада. Недостаток пастбищ для лошадей, находящихся круглогодично на подножном корму, приводил к уменьшению доли их в стаде. В то же время, развитие сенокосения создавало благоприятные условия для разведения крупного рогатого скота, а также овец и коз. В результате, в хозяйстве башкир заметно выросла доля крупного и мелкого рогатого скота за счет уменьшения доли лошадей. Так, в 1894 году в 37 башкирских деревнях 3-й Усерганской волости имелось 6 502 лошади, 4 515 голов крупного рогатого скота и 4 080 голов мелкого рогатого скота [ГАОО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 32. Л. 194–197].

Тем не менее, несмотря на сокращение времени нахождения скота на тебеневке и частичный переход к сенокосению, полукочевое скотоводство в традиционном виде сохранялось до середины XIX в., то есть до начала активных мер, предпринятых администрацией края, по переводу башкир к оседлости. В начале XIX в. территория Восточного Оренбуржья входила в обширный район полукочевого скотоводства, куда включались Зауралье, юго-восток, юг, юго-запад, основная часть центральной Башкирии [Янгузин, 1998. С. 51]. По ведомостям, составленным башкирскими кантонными начальниками в 1841–

1842 годах, все башкиры Восточного Оренбуржья «жительствоуют на собственной земле» и «в летнее время выходят на кочевье» [Западные башкиры, 2001. С. 263–284]. Но уже в 40–50-х годах XIX в. происходит заметное сокращение пастбищных угодий юго-восточных башкир и, как следствие, резко уменьшается поголовье скота [Янгузин, 1998. С. 67–69]. Если в 1802 году в ходе проведения Генерального межевания земель на территории башкир юго-восточных волостей в даче общего владения Усерганской волости находилось земли: удобной 1 569 740, неудобной 14 985 десятин¹, то есть всего 1 584 725 десятин [ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 49. Л. 43], то в 1871 году у башкир Усерганских волостей осталось земли: в 1-й Усерганской – 244 003 десятины 300 саженьей², 2-й Усерганской – 240 421 десятина, 3-й Усерганской – 378 461 десятина 449 саженьей, 4-й Усерганской – 281 362 десятины 223 сажени, то есть всего 1 144 247 десятин [ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 49. Л. 91 об. 92]. Таким образом, за период с 1802 по 1871 год количество земли в Усерганской волости сократилось на 44 478 десятин. Однако здесь надо учитывать и тот факт, что бо́льшая часть оставшейся у башкир земли лишь формально находилась во владении башкир и сдавалась в аренду, а в хозяйстве башкир использовались намного меньшие площади.

Параллельно с упадком скотоводства во второй половине XIX в. в крае получает развитие земледелие. Теперь хозяйство юго-восточных башкир характеризуется как скотоводческо-земледельческое при ведущем положении скотоводства. В «Статистическом очерке состояния сельского хозяйства и промыслов в Оренбургской губернии» за 1871 год подчеркивается, что башкиры 2-й, 3-й и 4-й Усерганских волостей «еще сильнее привержены к кочевому образу жизни и мало занимаются хлебопашеством» [Янгузин, 1998. С. 117]. Переход к земледелию проходил с большими трудностями, поскольку башкиры тяжело переживали отказ от привычного, веками сложившегося образа жизни. Мировой посредник 3-го участка Оренбургского уезда Нигматуллин в 1868 году, отмечая приверженность башкир к полукочевому скотоводству, писал, что башкиры сами «добровольно переставали кочевать только тогда, когда в деревне оставались три козы, один топор и одна шуба на 10 дворов, однако несколько при этом постоянном падении не приучились к труду (земледелию – Ю. А.)» [ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 94. Л. 1 об.]. П. С. Назаров, побывавший у южных башкир в конце XIX в., также отмечал их глубоко укоренившуюся привычку к кочевому образу жизни, он видел как по реке Сакмаре, «где земли частью распроданы, а частью окортомлены (т. е. сданы в аренду – Ю. А.), башкир все-таки кочует – у себя во дворе: разбивает здесь кибитку... рядом печь с казаном» [Назаров, 1890. С. 173]. Как отмечал С. И. Руденко, южные усергане и кипчаки, занимавшие территорию современного Восточного

¹ Десятина – мера длины: 1 десятина равнялась 2 400 квадратным саженьям (109,25 соток; 1,09 га)

² Сажень – мера длины: 1 сажень равнялась 2,13 м.

Оренбуржья, перестали кочевать немного раньше, чем их северные соседи – горнолесные усерганы, кипчаки и тунгауры [Руденко, 2006. С. 59–60]. Это было связано с тем, что на территории Восточного Оренбуржья благодаря большому притоку славянских переселенцев активнее развивалось земледелие, которое вытесняло полукочевое скотоводство.

Правда, в первой четверти XX века оренбургские башкиры еще выходили на летовки, но причиной этого были эпидемические болезни, буйствовавшие в деревнях [Полевые записи. 2003 г. Гайский р-н. Инф-р: Буранбаева (Шарипова) Самсия Нигматулловна, 1911 г. р.].

Безусловно, подобное стремительное сокращение поголовья скота, вынужденное изменение системы ведения полукочевого хозяйства крайне отрицательно сказалось на благосостоянии башкир. Хорошо проиллюстрирован процесс обнищания южных башкир во фрагменте шежере одного из родов племени усерган – мамбет, составленном в 1920-х гг. В нем автор Мустафа Мамбетов (1869–1934 годы) с горечью рассказывает о том, как у них все меньше становилось лошадей – основного мерила богатства башкир: «Прадед наш Мамбет (пас) тысячу лошадей, его сыновья Рахматулла, Исянгул – по пятьсот лошадей, далее (следующее колено) Ишмухамед, Габдельнафик, Кубак батыр, Ярмухамед, Ахмедъязар – по триста, некоторые – по сто пятьдесят, в наше время (то есть в последней четверти XIX в. – Ю. А.) Кадир бай (лишь один, самый богатый человек – Ю. А.) пас триста сорок голов лошадей, далее хорунжий Гумер, муэдзин Гайса, Мухамедъяр – по сто пятьдесят голов, Султангул, Мухамеджан, Султансалим столько же, после них Сагит – двести, Галлям, Давлетъяр, Калимулла, Тухфетулла, Жулай были хозяевами 50–60 лошадей, в нынешнее время (20-е годы XX в. – Ю. А.) самый богатый человек нашей деревни Сагит – тридцать голов (лошадей), оставшиеся после него по две, некоторые по три лошади, по две-три коровы поделив (между собой), ни сыты, ни голодны...». Причину разорения автор связывает с продажей башкирами своей земли: «в итоге в деревне у башкир закончилась земля, как не стало земли, закончился скот, как не стало скота... упало значение башкир» [Мәмбәт ырыуы шәжәрәһе, 1985. С. 144–145].

Остановимся подробнее на видовом составе стада. Как уже отмечалось, основой скотоводческого хозяйства башкир было коневодство. На втором месте по значимости в составе стада находились овцы и крупный рогатый скот, в значительно меньшем количестве разводились козы и верблюды. Преобладание лошадей и овец объясняется тем, что они круглый год могли находиться на подножном корму, и не требовали особого ухода и присмотра. При этом овцы не играли большой роли в хозяйстве башкир, в отличие, например, от соседних казахов. Незначительное место в стаде оренбургских башкир занимали козы. Их значение возросло лишь в XX в., когда в Оренбуржье получил развитие пуховязальный промысел.

Знаменитый оренбургский пуховый платок вяжется из пуха губерлинских коз, которые разводятся в Губерлинских горах. Интересно, что история разведения коз напрямую связана с этнической историей местного населения: губерлинские козы попали на Южный Урал с Тибета через Киргизию, то есть по древним путям передвижения кочевников. Они являются дальними потомками кашмирских коз, однако пух их значительно качественнее благодаря природным условиям Оренбуржья [Географический атлас Оренбургской области. С. 79].

В значительно меньшем количестве у оренбургских башкир имелись верблюды. По словам В. М. Черемшанского, он видел у башкир, живущих по Сакмаре, верблюдов, которые употреблялись вместо лошадей для перевозки тяжестей [Черемшанский, 1859. С. 367]. И. Казанцев также пишет о виденных им верблюдах у башкир по Сакмаре и отмечает, что они такой же породы, как у казахов [Казанцев, 1866. С. 32]. Надо отметить, что природные условия предгорий Южного Урала не благоприятствовали разведению этих животных. Относительно много их было у башкир самой южной окраины Орского уезда. В шежере рода мамбет усерган говорится, что их прадед имел «1 тысячу лошадей, 2 тысячи овец, 70 верблюдов и также много коров» [Мәмбәт ырыуы шәжәрәһе, 1985. С. 135]. Вероятно, верблюды появились в башкирском хозяйстве в ходе контактов с казахами. В. М. Черемшанский писал, что верблюды «приобретаются башкирцами от киргизов и других жителей Средней Азии, которых они приводят с караванами», но здесь же отмечал, что «впрочем, башкирцы стараются разводить их сами» [Черемшанский, 1859. С. 368]. Часть верблюдов попала к башкирам в результате взаимных набегов с казахами, сопровождавшихся угоном скота. Так, например, в 1775 году башкиры Усерганской, Кара-Кипчакской, Бурзянской и Тангаурской волостей в результате набега на казахов пригнали наряду с лошадьми около 150 верблюдов [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 148. Л. 86].

С упадком скотоводства в XIX в. сокращалось количество скота, менялся и состав стада башкир, и количественное соотношение в нем – уменьшалась доля лошадей и увеличивалась доля крупного и мелкого рогатого скота. Если в 1827 году в IX-м кантоне (Оренбургский уезд) на душу обоего пола приходилось в среднем 2,46 лошадей, то уже в 1855 г. это число составило 1,26 лошадей [История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 279], а в 1876 г. в среднем по Усерганской волости приходилось по 1,12 лошадей на жителя [ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 54, 55, 56]. Уменьшилось и поголовье коров: в Оренбургском уезде с 1827 по 1855 год в расчете на одну душу населения количество коров снизилось в 2,5 раза. При этом удельный вес их в стаде вырос за счет сокращения количества лошадей. А число овец в расчете на одного человека выросло в 2,5 раза [Башкиры, 2002. С. 52].

Количество скота было неодинаковым у башкир одной деревни. Так в документе 1821 года идет речь об общем табуне деревень Акбулатовой

и Бурангуловой из 150 лошадей. Табун пасли четыре пастуха. Из этого табуна семь лошадей принадлежали пастуху Якшибаю Мукаеву, десять лошадей – пастуху Миргали Байгулову, и семьдесят лошадей – сотнику 9-го кантона Мухаметжану Куватову. Двое из пастухов – Баракат Давлетов и Яикбай Янгулов, – не имели собственного скота [НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1472. Л. 1, 24–25].

В таблице 11, составленной на основе материалов ГАОО [ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 54, 55, 56], собраны сведения по количеству скота в деревнях Восточного Оренбуржья в 1876 году.

Таблица 11.
Количество скота в 1876 году
(составлена на основе: ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 54, 55, 56)

Деревня	Число дворов	Число жителей	Количество скота						
			лошадей	быков и волов	коров	телят	овец	ягнят	коз
Гумерово	14	85	215	34	50	32	80	37	60
Бикбердина 3-я	22	136	154	6	63	31	85	37	40
Бикташево	19	117	68	2	33	18	–	–	–
Бурангулово	40	312	290	52	120	25	82	5	20
Бурагулова	42	251	546	10	167	85	80	20	12
Назаргулово	80	465	535	–	110	48	265	117	50
Ишкильдино	23	180	75	–	62	20	35	10	10
Кидрясово	50	265	177	–	70	20	–	–	70
Абубакирово	24	187	272	24	112	44	30	19	19
Акбулатово	30	168	120	8	36	25	10	2	11
Акчурино	40	248	310	–	100	36	200	79	300
Псянчино	13	76	35	8	36	18	–	–	–
Султанбаево	11	60	60	6	24	6	10	–	–
Сунарчино	26	134	201	4	67	10	25	–	3
Ново-Гафарово	54	245	135	15	71	10	12	–	30
Рысаево	48	267	265	8	187	46	15	7	15
Рыскулово	77	456	580	21	206	83	86	31	6
Сарбаево	28	138	379	14	60	18	35	12	10
Нарбулатово	44	265	548	95	169	56	212	34	68
Зианчурино	68	334	380	70	168	50	100	50	30
Ибрагимово	39	245	252	4	60	41	40	28	30
Идельбаево	63	404	306	22	60	21	80	36	25
Ишбердино	20	149	207	8	54	34	14	8	25
Ишкинино	72	359	674	40	157	67	461	215	211
Ишмуратово	49	297	230	9	75	44	63	27	40
Канчурино	40	253	286	48	172	30	25	7	25
Каипово	15	99	80	1	13	7	10	3	10
Мамбетеево	45	238	295	14	84	29	23	3	–

Как видно из таблицы, преобладающим видом в стаде оставалась лошадь. В среднем на один двор приходилось 7 лошадей, 3,7 головы крупного рогатого скота (с молодняком), 3 овцы и 1,5 козы, то есть всего 15,2 головы скота. Но распределение их по деревням также было неравномерным. В некоторых деревнях на двор приходилось более десяти лошадей (Гумерово, Бурагулово, Абубакирово, Сарбаево, Нарбулатово, Ишбердино). В основном это деревни, находящиеся в степной местности, где еще оставалось достаточное количество земли под пастбища. Наряду с ними были деревни, в которых на двор приходилось менее четырех голов лошадей (Бикташево, Кидрясово, Псянчино, Султанбаево). Если учесть, что башкирская семья в среднем состояла из шести человек, то в перечисленных деревнях приходилось по 0,6 лошади на душу населения.

На рубеже XIX–XX вв., когда в результате ограничения кочевок башкир у произошло резкое уменьшение поголовья скота, соотношение видов в стаде башкир поменялось коренным образом. Уже в 1894 году в среднем на один двор во всем Орском уезде приходилось 7–10 голов скота [Янгузин, 1998. С. 112]. Это было меньше на треть по сравнению с 1876 годом. В 1887 году в 1-м стане Орского уезда (куда большей частью входили башкирские деревни Восточного Оренбуржья) насчитывалось 24 862 головы лошадей, 24 989 голов рогатого скота, 32 883 головы овцы, 5 385 голов коз и 1 574 головы свиней [ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 75. Л. 8]. Здесь указано количество скота у всего населения, включая переселенцев, однако, учитывая, что большинство населения все еще составляли башкиры, можно применить эти данные для анализа хозяйства башкирского населения. Свиньи, вошедшие в список, находились в хозяйствах русских и украинских переселенцев, так как традиционно у башкир их не было. Таким образом, количественное соотношение крупного рогатого скота и лошадей выравнивалось. При этом продолжала расти доля овец в стаде, для разведения которых требовались относительно меньшие площади пастбищ.

Рассмотрим данные по количеству скота в отдельных волостях Орского уезда. В 1894 году:

- в 1-й Усерганской волости насчитывалось лошадей – 7 561, рогатого скота – 7 066, овец и коз – 9 715 голов;
- во 2-й Усерганской: лошадей – 10 506, рогатого скота – 10 471, овец и коз – 13 206;
- в 3-й Усерганской: лошадей – 8 754, рогатого скота – 6 955, овец и коз – 7 630;
- в 4-й Усерганской: лошадей – 8 088, рогатого скота – 6 701, овец и коз – 11 716 [ГАОО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 32. Л. 194–195].

В целом эта картина не очень отличалась от общей ситуации в уезде. Отметим только, что в 3-й и 4-й Усерганской волостях наблюдалось небольшое численное преобладание лошадей. Это объясняется тем, что здесь

оставалось больше свободных пастбищ. Так как в общеволостные сведения включены и хозяйства переселенцев, рассмотрим отдельно только деревни башкир на примере 3-й Усерганской волости. Выделив из общего списка только башкирские деревни, получим следующие данные: в 37 башкирских деревнях 3-й Усерганской волости в 1894 году было: 6 502 лошади, 4 515 голов крупного рогатого скота и 4 080 голов мелкого рогатого скота [ГАОО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 32. ЛЛ. 194–197]. То есть значительная часть мелкого рогатого скота принадлежала переселенцам (3 550 голов из 7 630), а у башкир по-прежнему преобладали лошади и крупный рогатый скот.

В первой четверти XX в. соотношение лошадей и крупного рогатого скота продолжало меняться. В составе стада стал заметно преобладать крупный рогатый скот, увеличилась и доля овец, коз. По итогам проведенной в 1920 году сельскохозяйственной переписи, лишь в 12 деревнях Восточного Оренбуржья немного преобладали лошади – в Идельбаево (367 лошадей и 343 коровы), Мало-Чураево (соответственно 106 и 104), Большое Чураево (303 и 282), Верхненазаргулово (314 и 211), Байназарово (134 и 114), Ишмуратово (166 и 153), 4-е Юмагузино (122 и 104), Нижнеутягулово (77 и 57), Бикбердино (99 и 97), Гумерово (96 и 91), Ильяс-Мусино (243 и 209), Мало-Узенбаево (24 и 22). Во всех остальных деревнях лошади занимали второе место после коров по численности их в стаде [НА РБ. Р-472. Оп. 1. Д. 697].

Рассмотрим на примерах отдельных деревень, как происходило сокращение количества скота у башкир. В 1876 году в д. Гумерово на 85 жителей приходилось 215 лошадей и 116 коров, то есть по 2,5 лошади и по 1,4 коровы на одного жителя. А в 1920 году на 159 жителей приходилось 96 лошадей и 91 корова, то есть по 0,6 лошади и 0,57 коровы на душу населения. Учитывая, что средняя башкирская семья состояла из шести человек, на одну семью приходилось по 3,7 лошади и 3,5 коровы. Другой пример: в д. Назаргулово в 1876 году на 465 человек приходилось 535 лошадей и 158 коров, в перерасчете на одного человека по 1,1 лошади и 0,3 коровы. В 1920 году 458 человек имели 165 лошадей и 80 коров, то есть по 0,3 лошади и 0,2 коровы на человека, или по 1,8 лошади, 1,2 коровы на семью [ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 54, 55, 56; НА РБ. Р-472. Оп. 1. Д. 697].

Сокращение площади кочевий, переход к сенокосению, и в особенности, развитие земледелия отразились и на способах ведения скотоводства. Прежде чем перейти непосредственно к изменениям, необходимо остановиться на организации полукочевого хозяйства. Башкиры, имея постоянные зимние поселения, кочевали по сезонным пастбищам с весны до поздней осени, а с наступлением зимы возвращались в аулы. Территория племени, совпадавшая, как правило, с волостной, делилась между родами. Каждый род имел зимние и летние кочевья, которые, в свою очередь, делились между отдельными родовыми подразделениями. В течение лета каждая такая родовая группа меняла место стоянки три-четыре раза. Направление марш-

рутов летних перекочевков нарушалось редко, что было связано с тем, что здесь довольно долго сохранялось общинное землепользование [Кузеев, 1978. С. 104]. Во второй половине XIX в. процесс кочевания претерпел довольно много изменений. В связи с развитием земледелия при выходе на кочевку приходилось учитывать время полевых работ. Если раньше на летовки выезжали в середине мая и возвращались в селение в середине октября, то теперь приходилось ждать окончания весеннего сева и выезжать из деревни лишь в конце мая – начале июня. Возвращались с летовок также раньше для того чтобы успеть собрать и обработать урожай. Расстояния сезонных перекочевков в зависимости от площади волостной территории составляли в среднем 20–50 км. Приведем один пример: в 1821 году жители двух соседних деревень – Акбулатовой и Бурангуловой, – совместно пасли лошадей при речке Караелга в 20–25 км к югу от аулов. Недалеко от этого места располагалась летовка [НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1472. Л. 1, 24–25].

В фонде Оренбургской губернской канцелярии сохранились интересные документы о территории кочевий башкир в середине XIX в. В 1863 году башкиры четырех деревень – Чанким-Биктимировой, Сунарчиной, Рыскуловой и Назаровой Рыскуловского сельского общества (относящихся ныне к Саракташскому р-ну) – «занимали кочевьем своим местность как в прежнее время, так и ныне по течению реки Белегуш с левой стороны» [НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13068. Л. 79]. Башкиры деревень Бектимировой, Кабановой, Кульчумовой и Раймановой Биктимировского сельского общества «прежде и ныне кочуют по рекам обоим Чебенькам, верст 12 и 15 от деревни. Последние две деревни находятся некоторое время по реке Казлаиру в 10 верстах от зимовок. Карагузина и вовсе на кочевку не выходят. По уборке сена возвращаются все к своим зимовкам, сказанные места степовья» [НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13068. Л. 75 об.]. Башкиры деревень Чебаклиной, Ишбердиной, Абубакировой, Узенбаевой Чебаклинского сельского общества своим кочевьем занимали местность «начиная с вершины р. Малой-Каялы до устья речки Улмяс-Ульган, от устья Улмяс-Ульгана на вершину речки Душа-Клиряк-Тапкан до убы (холма) Сакман, оттоль на озеро Асетуллы, находящееся на реке Большом Каялы и ею вниз по течению до местечка Бугуль, с Бугуля опять на вершину речки Малой Каялы». «Пространство описанных кочевков занимает в окружности до 30 верст» [НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13068. Л. 79]. Башкиры деревень Ялчибаевой, Нурбулатовой и Халиловой Ялчибаевского сельского общества «своим кочевьем занимают местность, ныне и в прежнее по речкам: Малой и Большой Киялы, Чебаклы, Яргаиш и Тимашау, а деревни Ишкининой по рекам Уптуллы, Таш-Уйган и Бурлай-Баша... Пространство кочевков первых трех деревень в окружности занимает около 25 верст, а последней Ишкининой, около 15 верст». Башкиры деревень Юмагузиной 1-й, Чураевой, Арслангуловой, Абишевой, Назаргуловой, Акчуриной и Байназаровой Чураевского сельского общества кочуют по ре-

кам Ереклы, Таласы, Яман-гачи, Карагай, вершин речек Кулберды и Ташлы. Площадь кочевков в окружности занимает около 50 верст. Башкиры деревень Ибрагимовой, Утягуловой, Бикбирдиной, Юмагузиной 2-й и Юмагузиной 3-й Ибрагимовского сельского общества кочуют по речкам Ереклы, Таласы, Карт-Кулуч и вершине речки Ялан-Аеры [НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13068. Л. 79 об.]. Из документа видно, что наиболее заметно к этому времени сократились кочевья саракташских башкир (деревни Кульчумово, Райманово, Биктимирово, Сунарчино, Рыскулово, Кабанкино), дальность перекочевков которых составляла 10–15 км. Это было связано в первую очередь с тем, что здесь благодаря близости губернского центра, Оренбурга, намного раньше стали расселяться припущенники, и большая часть земель местных башкир сдавалась в аренду. В этот период, в середине XIX в., в одной местности кочевали башкиры разных родов. Например, в местности, ограниченной реками Большая и Малая Каялы, Чебакла, Яргаиш, кочевали башкиры родов шишей (Яльчибаево, Нарбулатово) и аскак (Халилово). Кочевание по родовому принципу не могло уже соблюдаться вследствие сокращения размеров пастбищ.

В течение лета башкиры по мере использования пастбищ несколько раз меняли места стоянок. Так, в селе Биктимирово в конце XIX – начале XX в. самая отдаленная кочевка находилась в 20 км от деревни у горы Бурка-тау, где раньше всего стаивал снег; в течение сезона башкиры постепенно приближались к деревне и кочевали в местности «Шайлы-кайын» (шайлы – удобная, кайын – береза), после в «Әсе үзәк» (әсе – кислая, үзәк – лощина), и в последнюю очередь в местности «Йүкә зимләнкә» («Липовая землянка»), которая находилась всего в 1,5 км от деревни [Вахитов, 2004. С. 178]. Со временем дальность перекочевков башкир сократилась всего до 2–3 км, а в последние годы выходов на летовки местами до 1–1,5 км. Во время сбора полевого материала некоторые информаторы называли места своих родовых кочевий. Так, например, группа родственных семей Ильбактиных, Худайбердиных, Изыгиных из д. Ахун в конце XIX в. имела посевы на месте нынешнего с. Лылово, в 10 км к югу, а на летовку выходила к долине речки Ямангасы в 10–15 км на юго-запад от деревни [Полевые записи, 2004 г. Гайский район. Инф-р: Абсалямова Флюра Салимьяновна, 1934 г. р.]. Кочевые группы не только одной деревни, но и соседних родственных в течение лета поддерживали определенную связь между собой. По словам информаторов, частыми были взаимные гостевые визиты. Расстояния между летовками отдельных деревень во второй половине XIX в. были небольшими, около 1–2 км. П. И. Небольсин в середине XIX в. засвидетельствовал, что в долине небольшой речки Белегуш, впадающей в реку Ик, находилась летовка тринадцати ближайших башкирских деревень [Шитова, 1984. С. 65]. Место проживания на летовке называлось торлак (торлак). Если раньше традиционным жилищем на летовках являлась юрта, то в начале XX в. в основном жили в шалашах (кыуыш) из жердей, покры-

тых сеном, камышом или шкурами и войлоком. Деревню называли ызма (*ызма*), туда периодически возвращались для того, чтобы проверить состояние домов и домашней птицы, которая оставалась в деревне. По словам информаторов, курица, высиживавшая яйца во время выхода на летовку, к возвращению осенью уже ходила с выводком подросших цыплят. В деревне, как правило, оставались 2–3 старика с тем, чтобы присмотреть за деревней и предупредить возникновение пожаров [Полевые записи, 2004 г. Гайский р-н, д. Байказак. Инф-р: Муталлапов Фархат Абдуллович, 1937 г. р.]. Кто-то из семьи возвращался с кочевки раньше, в период бабьего лета (*абейзәр сыуағы*), для того, чтобы подготовить к зиме дом и хозяйственные постройки. Со временем в деревне начали оставаться и те, кто не имел скота. Число таковых особенно увеличилось в конце XIX в., они на лето нанимались в работники к русским, проживающим в соседних деревнях. Практиковался также институт саунщиков, характерный для скотоводческих районов Башкирии. Бедные башкиры, не имеющие скота, нанимались пастухами к более зажиточным односельчанам за право пользования молочными продуктами этого скота и частью приплода [Башкиры, 2002. С. 167].

С установлением Советской власти и переходом к коллективному хозяйству выходы на кочевья у оренбургских башкир прекратились окончательно, но скотоводство по-прежнему оставалось важнейшей отраслью домашнего хозяйства. В настоящее время в сельской местности разводят коров, овец, коз, лошадей. В последнее время стали разводить и свиней. По сравнению с XIX в., значение лошадей в хозяйстве башкир резко упало, однако в деревнях отдельно существуют стадо (*кәтәү*) коров, табун лошадей, отара овец, сохраняются традиционные навыки выпаса. Скот всех жителей деревни (одного вида) пасется обычно в стаде, за которым присматривают 1–2 пастуха. Самым многочисленным в хозяйстве является крупный рогатый скот. Сезон его выпаса длится с середины апреля до середины-конца октября. В летнее время стадо собирается в одном из концов деревни на рассвете и ведется к месту выпаса. В течение лета пастбища меняются и чередуются по мере их использования. В наиболее жаркие часы, в полдень, стадо ведется к водопою (*һыулау*) – к реке или другому водному источнику. Рядом с источником располагается лежбище стада (*ятак*), где скот находится 2–3 часа. Затем его поднимают, подгоняют к пастбищу и, если оно находится на большом расстоянии от деревни, медленно ведут по направлению к ней и приводят в деревню вечером до захода солнца. Процесс выпаса овец сходен с вышеописанным, а за лошадьми не присматривают, так как здесь за косяком обычно смотрит племенной жеребец (*өйөр айғыры*).

Башкиры для обозначения личного скота издревле ставили на нем метки. На крупе лошади каленым железом выжигалась тамга (*тамга*) хозяина, а у крупного рогатого скота, овец и коз делались надрезы на ушах. Тамга у башкир использовалась в качестве знака собственности отдельной семьи.

В пределах рода существовала одна основная тамга, различные вариации которой являлись тамгами отдельных семей. В более позднее время, с появлением общественной собственности, традиция клеймения скота сохранилась, но в измененном виде. С переходом к коллективному хозяйству различными знаками (как правило, простых геометрических форм, но не являющимися, по сути, тамгами), продолжали клеймить лошадей одного совхоза или отделения совхоза. Если тамги как личные знаки для обозначения семейной собственности вышли из употребления еще в первой четверти прошлого века, то мечение крупного рогатого скота, овец и коз посредством надрезов широко используется и в настоящее время. Надрезы на ушах наряду с клеймованием являются древней евразийской традицией, отраженной в метах в виде сложных надрезов на ушах коней уже в могильниках пазырыкской культуры [Яценко, 2001. С. 16]. Они распространены на всем пространстве евразийских степей – у киргизов, казахов, тувинцев и т. д., и используются как в качестве индивидуального знака собственности, так и коллективного [Мурзабулатов, 1979. С. 72]. Крупный рогатый скот метили путем выбивания отверстий на ухе или обоих ушах скота с помощью стальной трубки или гильзы от патрона [Инф-р: Файзуллин Р. Г. 1940 г. р., д. Ибрагимово Кувандыкского р-на]. Иногда к отверстиям подвязывались цветные тряпочки. Каждая башкирская семья имеет свою семейную мету – определенный формы надрез на ушах у крупного рогатого скота (*ин*), форма которого передается по наследству. Коров начали метить только в XX в., а мечение овец существовало издавна. Надрезы делают весной, до появления мошкар. Кроме того, в последнее время овец помечают, вплетая дополнительно в шерсть цветные ленточки. Скотоводческие традиции оказались наиболее устойчивыми в обрядовой сфере и в верованиях башкир. Так, до сих пор повсеместно встречается использование в качестве оберега черепов лошадей, которые вывешиваются рядом с домом на воротах, подвешиваются снаружи к сараю. Также зафиксировано использование в этих же целях шейного позвонка крупного рогатого скота (*салыу һөйәге*). Повсеместно, хоть и не столь часто, проводятся обряды вызывания дождя во время засухи. Наиболее распространенными являются обряды жертвоприношения коровы, овцы черной окраски или черной курицы, чтение молитв на кладбище и поливание водой надмогильных камней.

Таким образом, скотоводство, возникнув в оренбургских степях в древности, просуществовало до наших дней и не утратило свою роль в хозяйстве местного башкирского населения. В течение XVIII–XIX вв. способы ведения скотоводческого хозяйства башкир претерпели большие изменения. Под влиянием различных экономических, политических и социальных причин произошел постепенный переход башкир от полукочевого скотоводства к отгонному, стойловому и смешанному земледельческо-скотоводческому хозяйству. В результате сокращения пастбищ изменилась вся система ведения скотоводства – маршруты и расстояния перекочевков, выходы на летовки.

Однако у башкир Восточного Оренбуржья скотоводческие традиции оказались очень прочными, что выразилось в сохранении традиционных навыков, а также обрядов и обычаев, связанных со скотоводством.

Земледелие у башкир Восточного Оренбуржья в XVIII–XIX вв.

Земледелие у башкир Восточного Оренбуржья стало развиваться довольно поздно. Веками сложившаяся и идеально приспособленная к природно-климатическим условиям оренбургских степей система ведения полукочевого скотоводства при наличии достаточного количества земель была оптимальна, и необходимости в увеличении посевов долгое время не существовало. С другой стороны, довольно поздний переход к земледелию здесь объясняется пограничным положением территории – традиция взаимных набегов между башкирами, казаками и калмыками, существовавшая в оренбургских степях вплоть до конца XVIII в., не позволяла пограничному башкирскому населению иметь постоянные посевы.

Вместе с тем, традиция земледелия в изучаемом регионе уходит в глубь веков. В науке считается доказанным тот факт, что кочевники знали земледелие, являвшееся дополнительным источником продуктов питания в их хозяйстве [Ахинжанов, 1999. С. 256–257]. Раннее кочевническое население приуральских степей было знакомо с зерновыми культурами, о чем свидетельствуют находки серпов уже в курганах срубной культуры (вторая половина 2 тыс. – нач. 1 тыс. до н. э.) [Моргунова, 2004. С. 74]. Исследования по хозяйству башкир также подтверждают непрерывность земледельческой традиции в течение многих веков [Башкиры, 2002. С. 76]. Давность традиции выращивания злаковых у башкир отразилась и в народном календаре: информаторы сообщали нам расчеты годов, благоприятных и неблагоприятных для роста посевов. Например, хорошим для земледелия считается год Тигра (Барса) по восточному календарю; народная примета гласит: «*Барс йылын барын сәс, бер булмаһа, тары сәс*» («В год Барса сей все, что есть, если нет ничего, посей (хотя бы) просо»).

При этом территория Оренбуржья в силу природно-климатических факторов относится к зоне рискованного земледелия. Характерной чертой местного климата является засушливость. Дефицит влаги в теплый период года обуславливается, во-первых, малым количеством осадков, во-вторых, тем, что летние осадки имеют ливневый характер и не успевают впитаться в почву из-за расчлененного рельефа и быстрого испарения вследствие высоких температур [Чибилев, 1995. С. 20–21]. В то же время, оренбургская пшеница известна своими высокими качествами и отличается высоким содержанием

клеяковины (около 30 %). А почвенные характеристики на большей части территории области для ведения земледелия довольно благоприятны.

Земледелие в крае стало активно развиваться в 30-х годах XVIII в. с появлением первого русского населения – казаков, охраняющих Оренбургскую пограничную линию, которые засевали участки рядом с крепостями и редутами. К этому времени юго-восточные башкиры знали земледелие, но оно не играло большой роли в хозяйстве. Наличие посевов у них в XVIII в. подтверждается многочисленными документальными источниками. Так, например, в ходе подавления башкирского восстания в 1737 году каратели отправились «по рекам Яику и Сакмару, а по оным де рекам они воры (башкиры – Ю. А.) прикочевали хлеб снимать и сено косить» [МИБ, Ч. 1., 1936. С. 353]. В 70-х годах XVIII в. П. С. Паллас отмечал наличие земледелия в окрестностях Сакмарского городка, но оно находилось еще на низком уровне [Янгузин, 1998. С. 34]. А в 1768 году башкирка Усерганской волости Зиенбика Илчегулова сообщала о владении «хлебопашенными землями» [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1 Д. 96. Л. 151].

Однако земледелие в этот период играло лишь вспомогательную роль в хозяйстве башкир. Примерно в это же время Н. П. Рычков писал, что река Сакмара «от хлебных мест весьма уже отдалена» и «тамошние башкирцы почти никакого земледельства не имеют, да и в близости то сей реки жителств их нет», и здесь же отмечал: «правда, что они сами для себя не имеют больше нужды в земледелии, имеют довольно скота: ибо питаются они большей части мясом, молоком, куртом или сыром. Малого числа круп для их варенья становится им на долгое время» [Рычков, 1767. С. 3–8]. В 1763 году старшины юго-восточных волостей, в том числе Усерганской и Кипчакской, на «милостивое наставление о хлебопашестве» оренбургского губернатора Д. Волкова, отвечали, что у них много скота, за которым они «с великим трудом» присматривают и поэтому «нет времени пахню пахать» [МИБ. Т. IV. Ч. 2. 1956. С. 43–44].

Во второй половине XIX в., в связи с резким сокращением пастбищ башкир, ведение полукочевого скотоводства в прежней форме стало нерентабельным, и таким образом стали возникать условия для перехода к другому типу хозяйства. Толчком к развитию земледелия у башкир стала земельная политика правительства, направленная на перевод башкир к оседлости. Основной причиной этой политики была необходимость высвободить башкирские земли для нужд государства: при земледельческом укладе хозяйства башкирам требовалось бы намного меньше угодий, чем при полукочевом скотоводстве. Особо жесткие меры по переводу башкир к оседлости и земледелию предпринимались в середине XIX в. при губернаторе В. А. Обручеве. Башкирам были розданы семена и приказывалось «заняться хлебопашеством». В 3-м, 6-м, 9-м и 10-м кантонах приказывалось «на каждую душу высевать не ме-

нее 2 пудов¹», а затем и 3 пудов зерновых [Янгузин, 1994. С. 173]. В результате в 9-м кантоне, в который входила территория Восточного Оренбуржья, количество посевов на душу населения увеличилось с 0,42 четверти² в 1842 году до 0,55 четверти в 1851 году [Асфандияров, 2006. С. 217]. Сложность состояла в необходимости совмещать полевые работы с выходом на кочевье. Башкирам приходилось возвращаться из кочевков в деревню, чтобы посеять хлеб [Баишев, 1895. С. 7].

В 1830 году походный старшина деревни Абишевой, жалуясь на башкирские семьи деревни Бикбовой, самовольно поселившиеся в Байказаковых хуторах (ныне д. Старохалилово), пишет, что «таковым самовольным их проживанием сделали немалое настоящим владельцам в поземельных участках стеснение; ибо повсегодно выкашивают они в лугах пятьдесят один стог сена и высевают разного хлеба до семидесяти десятин» [НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2510. Л. 2 об.], то есть пользуются более чем 17 десятинами на семью. Итогом насильственного форсирования царской администрацией перехода к земледелию стало обнищание башкир, ломка сложившегося веками традиционного полукочевого скотоводства, при том что земледелие так и не получило ожидаемого развития.

Следующий этап в развитии земледелия связан с массовым переселением в край крестьян из центральных и южных губерний России. На территории Восточного Оренбуржья русские и татарские переселенцы в массовом количестве поселились довольно поздно, лишь в конце XIX в. Еще в 1866 году в Оренбургском и Орском уездах башкирам принадлежало 73,8 % земли (2 951 694 десятины) [Список населенных мест... 1871. С. LX]. Одним из обстоятельств, затрудняющих переселение, было то, что здесь вплоть до 1865 года существовало общее владение землей башкир семи волостей: Усерганской, Кара-Кипчакской, Бушман-Кипчакской, Суун-Кипчакской, Чанким-Кипчакской, Бурзянской и Тамьянской. Они составляли Семиродную волость, площадь которой составляла 1 600 000 десятин, а число вотчинников приближалось к тридцати тысячам. Несмотря на то что территория ее была разделена по волостям, и «владение и границы владений с давних пор не нарушались» [ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 49. Л. 5 об.], для продажи земли в ее пределах необходимо было согласие 2/3 всех вотчинников волости, что было затруднительным при такой огромной территории. В 1865 году, обосновывая необходимость раздела Семиродной дачи, начальник Оренбургского кантона писал, что перехода башкир к оседлости и хлебопашеству можно ожидать тогда, когда у них будет меньше земли, и среди них поселятся русские земледельцы. «С поселением среди них русского населения они могли бы сами заняться хлебопашеством, так как в настоящее время вся Семиродная дача

---

¹ Пуд – единица веса: один пуд равен 16,38 кг.

² Четверть – единица веса: 1 четверть равна 8 пудам.

представляет сплошную массу, населенную исключительно одними башкирами и большей части из них для покупки нескольких пудов муки и в таком же количестве семян для посева приходится ездить к русским за 70 и 150 верст от своих деревень» [ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 49. Л. 6, 8 об.].

Нужно отметить, что в XIX в. земледелие на территории Восточного Оренбуржья развивалось неравномерно. Быстрее приобщились к нему башкиры степной местности. Этому способствовало как наличие больших площадей удобной для посевов земли, так и более тесное соседство с земледельческим переселенческим населением, которое в первую очередь осваивало места, благоприятные для земледелия. Оренбургский губернатор в своем отчете за 1885 год отмечал, что «в местах степных, более или менее равнинных в близком соседстве оседлого русского населения башкиры или отдают свои земли в арендное содержание, или же лично их эксплуатируют, чем и доставляют сравнительно удовлетворительные средства для поддержания собственного существования» [ГАОО. Ф. 10. Оп. 2 Д. 50. Л. 82]. Более выгодное положение обусловленной платой, получаемой за аренду, позволяло приобретать посевной материал и орудия труда. Поэтому в степной части, на территории современного Гайского и части Кувандыкского района земледелие у башкир развивалось быстрее. В лесостепных местностях современного Кувандыкского и Саракташского района этот процесс шел медленнее. Так, в документе 1881 года. про жителей деревни Назаровой 2-й Усерганской волости говорится, что они «большей частью люди бедного состояния и для занятия хлебопашеством не имеют малейших средств, а потому подати и все другие повинности уплачивают собственно только получаемыми за отдачу в кортому земли деньгами. Других же источников положительно не имеют» [ГАОО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 112. Л. 2 об.].

На рубеже XIX–XX вв. размеры посевов в целом по Орскому уезду оставались еще незначительными. В 70–80 годах XIX в. на душу населения здесь приходилось в среднем по 0,2 десятины посева [История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 401]. Хлеб сеяли в основном для себя, а в некоторых деревнях производимого хлеба не хватало и для собственного потребления [Баишев, 1895. С. 7]. В 1894 г. волостное правление 3-й Усерганской волости докладывало, что в волости «не имеется лиц, занимающихся земледельческими заработками», то есть производящих хлеб на продажу [ГАОО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 32. Л. 193]. Земский начальник Орского уезда в 1901 году отмечал, что «башкиры только в последнее время стали заниматься земледелием и сеют хлеб в ничтожном количестве, так, что собранного хлеба со своих полей далеко не хватает на продовольствие населения, и недостающее количество хлеба, необходимого для пропитания, теперь приходится покупать у казаков и крестьян, проживающих в пределах станиц, или на базарах...». В то же время появлялись отдельные состоятельные семьи, занимавшиеся земледелием на уровне товарного производства. Так, Садык

Янтемиров из д. Юлгутлино имел в 1901 году в своих амбарах запас зерна в 15 тыс. пудов, а Абдулгани Куватов – 6 тыс. пудов [Башкиры, 2002. С. 81]. Но в целом товарное земледелие не получило еще широкого распространения. Зерно если и продавали, то в малых количествах или же обменивали на товары промышленного производства.

В составе выращиваемых культур оренбургских башкир выразилась традиционность земледельческого хозяйства. Традиционными культурами у башкир, как и у многих кочевников, являлись яровые: просо, ячмень и овес, причем просо было более популярно в южных районах [Бикбулатов, 1979. С. 10]. Просо – традиционная кочевническая культура, не требовавшая особого ухода. Известно, что просо возделывалось еще андроновцами – древними скотоводами оренбургских степей эпохи бронзы. Традиция употребления проса связывает башкир со Средней Азией и Северным Кавказом, а ячменя – с Южной Сибирью [Мигранова, 2012. С. 106]. Информаторы и сейчас называют различные традиционные блюда из проса больше чем из остальных злаков – *өйрә*, *сүк*, просяной хлеб и лепешки. По словам информаторов, его перестали сеять только в последнее время, а раньше просо было культурой, распространенной повсеместно [Полевые записи. Гайский район, 2006 г.]. Сеяли также пшеницу и рожь, но в меньшем количестве. В источниках отсутствуют сведения о посевах льна на территории Восточного Оренбуржья. Однако, по нашим по полевым материалам, он возделывался повсеместно в небольших количествах. Башкиры использовали лен в ткачестве и знали приемы его обработки. Наряду со льном возделывали в небольшом количестве коноплю, также применявшуюся в ткачестве. Д. П. Никольский, побывавший среди южных башкир в конце XIX в., отмечал, что коноплю «нарочно сеют на двориках и задворках», когда уходят на летовку [Никольский, 1899. С. 49]. А по словам П. С. Назарова, в башкирской деревне «вся улица, все дворы и задворки, все даже потолки избышек (глинобитные у степных башкир – Ю. А.) поросли коноплей» [Назаров, 1890. С. 173]. В начале XX в. значение конопли снижается, растительное волокно было вытеснено изделиями фабричной и кустарной промышленности, но его продолжали применять в сельской местности вплоть до 30-х годов XX в.

Во второй половине XIX в. влияние этнокультурных традиций на состав возделываемых культур снижается. Меняется соотношение культур в хозяйстве оренбургских башкир: преобладающее положение занимают пшеница и ячмень. Рассмотрим структуру посевов башкир в сравнении с остальным, переселенческим населением. В 1886 году во всем Орском уезде было посеяно яровой пшеницы – 53 121 десятина, овса – 22 007, ячменя – 8 683 и ржи – 2 426, из них башкирами: яровой пшеницы – 9 467 десятин, овса – 6 467, ячменя – 4 779, ржи – 577 [ГАОО Ф. 10. Оп. 2. Д. 57. Л. 245–246]. Данных по посевам проса нет. Таким образом, в процентном соотношении состав возделываемых культур у башкир несколько отличался от общего показателя по уезду. По уезду

(включая башкир) картина была следующая: на пшеницу приходился 61 % посевов, овес – 25 %, ячмень – 10 %, рожь – 2,8 %. У башкир посевы яровой пшеницы составили 45 %, много места занимали овес (30 %) и ячмень (23 %), мало сеяли ржи (2,7 %). У остального населения посевы пшеницы составляли 72 %, ячменя – 25 %, ржи – 3 %. Башкиры испытывали влияние соседей при выборе возделываемых культур. Так, в 1888 году в Орском уезде доля пшеницы в структуре посевов башкир составляла 53,5 %, что было намного больше по сравнению с башкирами остальных уездов [Бикбулатов, 1979. С. 51]. А в первом стане Орского уезда, в который входили в основном башкирские деревни Восточного Оренбуржья, процентные показатели посевов пшеницы были еще выше. Здесь в конце XIX в. «ежегодно засеивают около 36 564 десятин яровой пшеницы (72 %), 9 525 десятин овса (18,6 %), 2 148 десятин ячменя (4,2 %), 1 497 десятин проса (3 %), 1 097 десятин озимой ржи (2 %), 153 десятин гречихи (0,3 %) и 66 десятин полбы (0,1 %)» [ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 75. Л. 8]. Большое количество засеваемого овса – на втором месте после пшеницы – объясняется тем, что в результате сокращения кочевий лошади переводились частично на сухой корм. Овес полностью шел на корм лошадям, в пищу башкиры употребляли его редко.

Соотношение возделываемых культур несколько отличалось во 2-й и 3-й Усерганской волостях, которые примерно соответствовали: 2-я – современным Кувандыкскому и Саракташскому, 3-я – Гайскому району. Во 2-й Усерганской волости в 1894 году было посеяно пшеницы – 69 535 пудов, овса – 20 420, ржи – 15 340, ячменя – 3 865, проса – 2 784; в 3-й Усерганской волости посеяно пшеницы – 24 432 пудов, овса – 8 640, ржи – 4 212, ячменя – 2 760, проса – 340 [ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 29. Л. 112–113]. Таким образом, соотношение культур по двум волостям выглядело так: посевы пшеницы во 2-й Усерганской составили 64 %, в 3-й Усерганской – 60 %, овса – 19 % и 21 %, ржи – 14 % и 10 %, ячменя – 3,6 % и 7 %, проса – 2,6 % и 0,8 % соответственно. В деревнях, расположенных в степной местности (Ялчибаевское и Чебаклинское сельские общества) преобладали посевы пшеницы, проса и ячменя, а рожь засеивалась в очень малом количестве. А в деревнях лесной и лесостепной местности (Арслангуловское, Ибрагимовское, Чураевское сельские общества) больше было посевов пшеницы и озимой ржи [ГАОО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 32. Л. 194–197].

Посевы озимых также различались по волостям. Так, среди тринадцати деревень 3-й Усерганской волости озимые посеяли только в двух деревнях – Ялчибаево (6 десятин) и Чебакино (2 десятины). Во 2-й Усерганской волости посевы озимых имелись почти в каждой деревне, хотя в целом число хозяйств, засеявших озимые, было невелико. К примеру, в 1895 году в Алчинбаевском сельском обществе из 344 домохозяев озимые посевы имели 96, в Утягуловском – 54 домохозяев из 242, Арслангуловском – 45 из 287, Байназаровском – 41 из 229 [ГАОО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 32. Л. 202–203 об.]. Различия в количестве озимых посевов объяснялись в первую очередь различным ре-

льфом: так как в условиях горнолесной местности яровая пшеница поспевала позднее, башкиры старались посеять больше озимой. При этом озимые посевы не годились для степной местности, где велика опасность заморозов посевов.

Таким образом, земледелие в Восточном Оренбуржье развивалось довольно медленно и неравномерно. Но уже в конце XIX – начале XX в. здесь выработалась определенная система ведения земледельческого хозяйства. Посевы в начале XX в. находились рядом с деревней, иногда всего в 1–2 км. Они, как правило, огораживались для того, чтобы не допустить вытаптывания скотом. Сокращение расстояний кочевок сильно затрудняло ведение земледельческого хозяйства. Если раньше башкиры могли, посеяв хлеб рядом с деревней, откочевать на довольно большое расстояние, до нескольких десятков километров, то теперь скот пасся в непосредственной близости от посевов. В таких условиях становилось необходимым наличие пастухов, присматривающих за скотом постоянно. Мировой посредник Нигматуллин в 1868 году про юго-восточных башкир писал, что они решили «держат скот под присмотром пастухов и сеять хлеб вблизи деревень, не огораживая пашню как это было до этого» [ГАОО. Ф. 13. Оп. 1 Д. 94. Л. 1].

Информаторы сообщали о некоторых интересных способах и навыках зерноводства, что также подтверждает устойчивость традиции земледелия у башкир [Информатор: Абсалямов Алик Ф., д. Байказак Гайского района, 1957 г. р.]. Так, перед выходом на пашню готовность почвы к севу, температуры проверяли оригинальным способом: садились на землю, сняв штаны, и если земля была достаточно теплой для голого тела, она считалась прогретой. Зерно, оставленное на семена, посыпали сверху пеплом. Весной отбирали несколько штук и высевя в почву проверяли на всхожесть [Солтанов Йыһат. С. 19].

Ранее распространенным сельскохозяйственным орудием у башкир был сабан (*һабан*), он применялся главным образом для распашки целинных земель и поднятия тяжелых почв. В середине XIX в. южные башкиры пахали землю сабаном в шесть лошадей. Пристав 1-го стана наряду с сабаном упоминал и соху [Янгузин, 1998. С. 173]. В начале XX в. ведущим пахотным орудием становится деревянный плуг (*һука*) с колесчатым передком и одним лемехом (*дөрән*), с железным наконечником без отвала [Башкиры, 2002. С. 83]. Бороновали рамной бороной с деревянными (дубовыми), а позже железными зубьями (*ағас тырма тимер тешле*). В качестве тягловой силы использовали быков, реже – лошадей; обычно запрягали двух быков, а одна лошадь шла впереди. Сев производили вручную. Жали урожай также вручную серпом (*урак*), он был аналогичен русскому и состоял из полукруглого с зазубринами стального ножа и деревянной ручки. Сжатый хлеб связывали в снопы (*кәлтә*) при помощи соломенного жгута. После просушки зерно везли на гумно (*ырзын*), где складывали его в стог (*кәбән*). Хлеб молотили на «току» (*ырзын*

табагы). Для молотьбы выбирали ровное место рядом с речкой, убирали лопатой дерн (*сизам*), поливали открывшуюся землю водой и утрамбовывали, объезжая по кругу верхом на лошади. Затем землю сверху прикрывали соломой. Такая площадка у каждого хозяина была своя и находилась, как правило, рядом с деревней, вдоль реки. В названиях местностей часто встречаются антропонимы, данные по имени владельца участка земли, на котором раньше находились его посевы или молотильная площадка. Например, рядом с бродом «*Шаһым кисеүе*» («Брод Шахыма») и местечком «*Шаһым ырзыны*» («Ток Шахыма») находилась молотильная площадка человека по имени Шахым [Полевые записи, 2006 г. Гайский р-н, д. Старохашилово, инф-р: Кунакова (Мулюкова) Фариза, 1928 г. р.].

Некоторые орудия труда башкиры заимствовали у русских крестьян и татар, которые переселяясь на земли башкир и приносили с собой сельскохозяйственные навыки и хозяйственный инвентарь. При молотьбе зерновых первое время больше использовали лошадей, прогоняя их в связке от трех до десяти голов по кругу по разложенным на площадке снопам. Они управлялись одним погонщиком, который стоял с кнутом, держа поводья, в центре круга. Позже по примеру переселенцев стали пользоваться молотильным камнем – катком, привязанным к лошади. Он получил большое распространение у южных башкир. Каток (*кәтүк*) представлял собой цилиндр с ребристой поверхностью внешней стороны, через продольный канал в центре которого проходила железная ось, реже веревка. Сноп раскидывался веером, образуя круг, по внешней стороне которого находились колосья. Или же два снопа раскладывали параллельно, так, что их колосья накладывались друг на друга. По ним прокатывали каменный каток, привязанный к лошади. Обмолоченное зерно провеивали лопатой, стараясь делать это в ветреную погоду.

Солому использовали в качестве корма для скота, а также для настила для крыш. Зерно обычно хранили в ящике *аласа*, сплетенном из тальника, обмазанном глиной и коровьим пометом. В каждой деревне в начале XX в. имелось одно общее помещение для хранения зерна – *магәзәй*. При обработке зерна использовались деревянные ступы (*киле*), ручные каменные и деревянные жернова (*тирмән/тигермән*). В настоящее время во многих деревнях все еще сохранились каменные жернова. Их иногда используют для приготовления национальных блюд, таких как *талкан* (толокно), *ент* (вид кушанья из ягод, сваренных в катыке, а затем высушенных и истолченных).

В конце XIX в. распространение получают русские водяные мельницы. В большинстве деревень имелись 1–2 водяные мельницы, принадлежавшие сельскому обществу [Список населенных мест Оренбургской губернии, 1892. С. СХI–СХVІІ]. Ветряные мельницы были редкостью. Одна ветряная мельница имелась, например, в деревне Байказак, что отразилось в названии горы «*Ел тирмән*» («Ветряная мельница»), где она находилась.

К сельскохозяйственным работам были привязаны многие календарные праздники. Перед тем как выйти на пашню проводили *һабан буткаһы* (башк. «каша сабана») – собирались с родственниками и соседями на праздничное чаепитие. Непосредственно перед севом если ритуальное блюдо – кашу из семенных зерен с яйцами (*орлок йоморткаһы*). Когда начинало зреть зерно, сжиали пару снопов, подготавливали крупу и варили кашу [Солтанов Йыһат. С. 19].

Таким образом, земледелие органично вписалось в хозяйственный уклад башкир. Этому способствовали благоприятные природные условия, в том числе наличие удобной для выращивания зерновых культур земли, плодородной почвы. Однако, в связи с тем что переход к земледелию совершался в очень короткие сроки и был вынужденным, в XIX в. его масштабы оставались небольшими. Вместе с тем, были выработаны навыки ведения сельскохозяйственного хозяйства, позволявшие сочетать его с выходами на летовки. Развитию земледелия способствовало тесное соседство с переселенцами из южных сельскохозяйственных регионов страны.

Традиционные хозяйственные постройки

Важной составляющей хозяйственной жизни башкир являлось традиционное строительство. Параллельно с развитием хозяйства, изменениями в способах ведения и формах хозяйства трансформировались и хозяйственные постройки. Так же как и хозяйство, традиционное строительство было тесно связано с природно-географическими условиями. Строительным материалом, в зависимости от местности, служили лес, саман (сырцовый кирпич), плетень, камень, дерн. В связи с отсутствием лесных массивов на большей части Восточного Оренбуржья, наибольшее распространение имел саман – основной строительный материал в степной местности. Он встречался и в лесостепи, как правило, у бедного населения. С. И. Руденко ограничивает район распространения саманных домов степями на северо-востоке (у кара-барын-табынцев и у южных зауральских катаяцев), полосой лесостепи и степи на юге (у усерган, юго-западных бурзян и кипчаков) и на западе (ко-где у юрматынцев, минцев, канлинцев, бурзян и иректинцев) [Руденко, 2006. С. 187].

Преобладание саманных построек – отличительная черта традиционного строительства башкир оренбургских степей, уходящая корнями в глубь веков. Саманное строительство существовало повсеместно на широком пространстве евразийских степей. Возникнув в глубокой древности, начиная с эпохи бронзы, традиция саманного строительства не прерывается по сегодняшний день. Сырцовый кирпич широко применялся еще андроновцами – из него сложены стены городищ Аркаим, Синташта и других поселений

аркаимовского типа. Саманные дома были характерны, кроме башкир, для казахов, каракалпаков, туркмен и других народов Средней Азии. Как правило, саман применялся в строительстве жилых построек, однако, во второй половине прошлого столетия из него стали строить в основном хозяйственные постройки.

Остановимся подробнее на процессе саманного строительства, так как оно является наиболее архаичным элементом материальной культуры башкир Восточного Оренбуржья. Саман – это сырцовый кирпич, в состав которого входят глина и солома. Он обладал большим преимуществом в степной зоне, по сравнению с другими строительными материалами. В условиях недостатка древесины саманный кирпич являлся оптимальным строительным материалом, который можно было изготовить и тут же использовать в любой местности. Дерево в саманных постройках употреблялось только в качестве опорных столбов и наката крыши. Саманные дома при соответствующем уходе – ежегодном обмазывании и побелке – служат 50–60 и более лет. По словам информаторов, в степной местности они лучше деревянных, так как летом в них прохладнее, а зимой теплее. Это обеспечивается хорошими теплоизоляционными свойствами саманного кирпича благодаря воздушной прослойке, а также большой толщине стен, достигающей одного метра.

Саманные дома и постройки все еще сохраняются в большом количестве в некоторых башкирских селах Оренбургской области. Население хорошо знает весь процесс саманного строительства. Он состоит из нескольких этапов: подготовки раствора и изготовления кирпичей, сушки кирпичей, возведения стены, кровли и обмазки стен. В соответствии с обычаями взаимопомощи у башкир (*өлмә*) на различных этапах строительства хозяевам помогало от 20 до 50 человек.

Для изготовления саманных кирпичей вначале подготавливают место для замешивания раствора, которое располагается на месте выхода глины, как правило, рядом с деревней. Место выхода глины в диаметре около 10 м очищают от верхнего слоя дерна и прокапывают. Затем заливают водой и оставляют на несколько часов для размягчения глины. В случае, когда глину предварительно доставляют к месту постройки, ее складывают в кучу и заливают постепенно, по мере впитывания воды, чтобы она не растекалась. После этого в массу небольшими порциями добавляют солому. Для самана больше подходит прошлогодняя, мелкая и перегнившая солома – мякина (*мәкина*). Солома не только предотвращает трескание кирпичей, но и служит тем самым компонентом, который создает теплоизоляционную воздушную прослойку, поэтому она добавляется в большом количестве. Глиняную массу с соломой замешивают используя лошадь, вода ее по кругу по глинянно-соломенной смеси. Реже для этой цели использовали быка, а позже трактор. Если саманной массы требуется немного, ее замешивают ногами. Раствор считается готовым, когда смесь становится пластичной и глина перестает

прилипать к ногам лошади. Также готовность определяли по звуку – по появлению характерных хлопковых звуков в процессе замешивания («*таушы сыткансы баһын*»). Затем полученным раствором заполняли специальную форму из деревянных досок без дна – калып (*калып*). Калып был прямоугольный, с открытым верхом и ручками с двух сторон. Размеры калыпа сильно варьировались в зависимости от объекта строительства. На постройку дома шли самые большие кирпичи, для строительства сарая использовали кирпичи меньших размеров. Информаторы сообщали размеры калыпов 40×40×10 и 50×50×15 см. Большие калыпы делились перегородкой на два, реже три отделения. Подготовленный состав брали ведрами и заполняли им формы с помощью деревянных лопат или вил. Стенки калыпов регулярно смачивали водой, для того чтобы кирпич лучше отходил. Массу хорошо утрамбовывали и выкладывали полученные кирпичи рядами, оставляя между ними небольшое расстояние для сушки. Время от времени кирпичи переворачивали, просушивая все его стороны. Сушились они в затененном, обветриваемом месте в течение 5–6 дней. Затем кирпичи складывали в пирамидальную форму, оставляя пространство для циркуляции воздуха. Полностью кирпичи были готовы через 2–3 недели, при условии сухой погоды. Готовность определяли, бросая кирпич на землю – если он при этом оставался целым, то считался готовым. На один стандартный дом в 1960-х годах в среднем требовалось около 1000 кирпичей, на сарай – 500–600 кирпичей.

Фундамент возводили из крупных камней, которые соединяли раствором глины (*лай*), подбирая камни в местах стыковки. В раствор добавляли также небольшое количество перегнившей соломы, иногда и золу. При закладке фундамента дома был распространен обычай в качестве оберега закладывания в углы серебряных монет, реже прядей овечьей шерсти. Тогда же устраивали обязательный обряд «*нигез майы*» (*нигез* – фундамент, *май* – масло), когда возводивших фундамент угощали маслом, читали соответствующие молитвы, желая благополучия новому дому. В Гайском районе подобный обряд проводили также и при возведении крыши. При этом хозяин должен был выставить на стол по одному клубку взбитого сливочного масла на каждый брус крыши («*Бер өрлөккэ – бер йомгак май*»). Вслед за фундаментом из подготовленных кирпичей возводили стену. Кирпичи укладывали поперек будущей стены, определяя ее толщину, которая доходила порой до одного метра после ее обмазки. Для связки использовали жидкий раствор глины. При кладке кирпичей уровень проверяли с помощью веревки. Для устройства окна в намеченном месте делали проем шириной около 90–100 см, высотой 80 см. Затем в этот проем вставляли оконную коробку из досок, и далее выкладывали уже полные ряды. Раньше в окна вместо стекол часто вставляли обработанные стенки желудка коровы (*карын*). Иногда снаружи окно прикрывали плетеным камышом для защиты от ветра и холода.

Крыша была невысокая, двускатная, слегка покатая для стока воды, на небольших постройках – плоская. Поперек стен клали обычно деревянный брус (*өрлөк*), поверх него укладывали жерди (ивовые, ольховые), которые замазывали сверху раствором глины с соломой. Затем покрывали слоем золы, ковылем, который предупреждал гниение дерева, и после на всю поверхность крыши закидывали жидкую глиняную массу при помощи специальной жерди (*колга*). Когда она подсыхала, выравнивали поверхность еще одним слоем более твердого раствора. С внутренней стороны крышу также замазывали, но здесь использовали раствор глины с песком. В начале XX века зачастую крышу крыли только соломой, что создавало большие неудобства весной при таянии снега. Реже при покрытии использовали камыш и сено. Их укладывали листьями вниз и приглаживали граблями для того, чтобы стекала вода во время дождей. Полы в саманном доме также были глинобитными.

Поверхность возведенной стены с обеих сторон выравнивали, соскабливая ее неровности лопатой. Обмазывали стены в два приема: первым слоем из того же глиняного раствора, из которого изготавливали кирпичи, выравнивали неровности, швы и шероховатости кирпича; вторым слоем обмазывали после высыхания первого. Раствор состоял из глины и лошадиного навоза. Добавление навоза предупреждало смывание глины во время дождей. Стены белили белой глиной (*ак юша*), разбавляя ее сепарированным обратом. Такая побелка меньше смывалась дождем, не стиралась и не пачкала при прикосновении. Часто нижнюю часть стены (50–60 см) замазывали красной глиной (*кызыл юша*), она была более твердой (*мәтеле*). Обмазку и побелку производили каждый год, чаще осенью. Во-первых, за лето побелка вымывалась дождем; во-вторых, это было связано с традицией полукочевого хозяйства: осенью женщины возвращались с летовок раньше остальных и подготавливали жилища и хозяйственные постройки к зиме. Сени (*солан*) пристраивали позже, они были плетенные из тальника и также обмазывались глиной. Гвозди в саманных постройках применялись только при устройстве дверей. Раньше их изготавливали из дерева. Железные гвозди при строительстве дома старались не употреблять, так как считалось, что железо отпугивает добрых духов, ангелов («*Тимергә фәрештә кунмай*»).

В лесостепной части Кувандыкского и Саракташского района большее распространение имели бревенчатые дома, построенные с помощью пазовой техники. Техника и особенности строительства бревенчатых домов подробно раскрыты в монографии С. Н. Шитовой [Шитова, 1983]. На строительство в основном шли осина и тополь, в обилии произраставшие в приречных долинах, а также сосна, сплавлявшаяся по Сакмаре из Башкирии. М. Баишев в конце XIX в. описал строительство бревенчатых домов в деревне Зианчурино, которое в целом характерно для лесостепных районов: «На вбитых столбиках выводят стены; отверстия между столбиками закладывают камнями и снаружи засыпают завалиной. В стенах оставляют отверстия для

окон и дверей, ставят косяки, кладут матку, стелют пол, потолок, навешивают дверь и вставляют окно. На потолок стелют солому или сено и насыпают земли два вершка в толщину; затем кладут балки, на них укрепляют стропила и стелют крышу, которая, смотря по состоянию, бывает из соломы, дубков и теса». Трубы в большинстве домов заменялись отверстиями в крыше. Автор отмечает, что дома более зажиточных башкир почти не отличались от домов русских, живших в этой же деревне [Баишев, 1894. С. 3–4]. Щели между бревнами в таких домах заполняли мхом или саманной массой. В более позднее время стала применяться обмазка и побелка стен деревянных домов, так что по внешнему виду они мало отличались от саманных. Такие дома штукатурили дранкой из тальника и обмазывали глиной. Фундамент в них делали из камня. По сообщению информаторов, в лесостепной местности к саманным и плетневым постройкам перешли только во время Великой Отечественной войны. Раньше в строительстве использовали большей частью дерево.

Другим традиционным видом строительства было сооружение плетневых построек. Употребляли приречный тальник и другие кустарниковые семейства ивовых, отличавшиеся гибкими ветвями. Плетневыми были хозяйственные постройки, как в степной, так и в лесостепной местности. Они встречались повсеместно у оренбургских башкир. Из плетня строили, хотя и редко, и жилые дома. Плетневые избы имелись у башкир Оренбургской области, в юго-западной Башкирии, и восточном и юго-восточном Зауралье [Руденко, 2006. С. 188; Шитова, 1984. С. 99].

Строительство плетневых построек было менее трудоемким: по периметру дома на расстоянии полуметра вбивали колья, которые затем оплетали лозой и обмазывали глиной с внутренней и с наружной стороны. Снаружи по углам и посередине длинной стены строения были врыты массивные столбы – опора потолка и крыши. Столбы имели наверху развилки, в которые вкладывались поперечные балки. На балки настилали тес или расколотые пополам стволы деревьев – потолок избы [Шитова, 1984. С. 99]. Если хозяйственные постройки обычно сооружали из одного ряда плетня, то при строительстве дома два ряда плетня заполняли землей, глиной. В лесостепной местности к бревенчатым домам часто пристраивали плетневые сени. Из плетня также возводили ограды (*байләмә*), правда, последние чаще заменяла изгородь из жердей.

Вообще плетение было развито у местных башкир. Тальник и ветла, растущие повсеместно по берегам рек, заменяли дерево – редкий и дорогой в степной местности материал. Из ивовой лозы плели различную посуду – половники (*ижау*), мисочки (*сеүәтә*), посуду для сушки курута (*сыт*), корзины разных форм и размеров.

Очень редко встречались дома из кизякового кирпича и дерна. В некоторых башкирских деревнях имелись пластовые полуземлянки, построенные казахами, поселившимися среди башкир в конце XIX в. Пластовый кирпич

изготавливался очень просто. На месте постройки или недалеко от нее лопатой нарезался дерн в форме кирпичей, затем его переворачивали травой вниз и подсушивали на солнце. При кладке такого кирпича не использовался соединительный раствор.

Также в строительстве применялся камень, из него строили в основном сараи и другие хозяйственные постройки. В саманных постройках камень применяли при возведении фундамента. В местности, где имелся камень-плитняк, он часто использовался в качестве строительного материала. Соединительным раствором служила глина, но часто обходились и без раствора.

Вид применяемого в строительстве материала зависел также от состоятельности семьи. Зажиточные семьи и в степной местности строили дома из дерева, сплавляемого по Сакмаре из расположенных севернее лесных районов. Следующим по качеству стоял дом из самана, а самым дешевым и менее трудоемким было плетневое жилище. В одной деревне обычно имелись все три типа домов. Например, в селе Биктимирово Саракташского района в 1940–1941 годах из 53 домов 37 было бревенчатых, 12 – саманных и 4 – плетневых [Вахитов, 2004. С. 41]. Во многих деревнях лесостепной местности саманные и плетневые дома стали строиться в большом количестве после Великой Отечественной войны, что было связано с ухудшением материального положения населения.

Все перечисленные материалы использовались в строительстве жилых и хозяйственных построек в разной степени в зависимости от природно-географических условий и материального достатка семьи. Виды хозяйственных построек также отличались разнообразием. В период выходов на летние кочевья количество хозяйственных построек было минимальным. Для лошадей и овец, круглогодично находившихся на подножном корму, не было необходимости строить закрытые помещения. Лишь в период рождения жеребят маточная часть кобыл содержалась в теплых постройках. В более поздний период, когда количество скота у башкир сократилось, для лошадей стали строить открытые загоны.

Изначально зимние помещения строили для более теплолюбивых животных – коров. Ранее при благоприятных погодных условиях коровы находились в поле до глубокой зимы, но со второй половины XIX в. они уже повсюду содержались зимой в хлеву (*һарай*) [Надергулов, 2000. С. 9, 141–142]. Чаще всего он был плетневым (*ситән һарай*), реже каменным (*таш һарай*). Во второй половине XX века стали строить саманные сараи. Внутренняя часть помещений для скота состоит из нескольких отгороженных отделений (*бүлмә*), предназначенных для разных видов скота – дойных коров, молодняка, телят. Часто в одном помещении с крупным рогатым скотом держат овец и коз. В случае, если мелким рогатого скота в хозяйстве много, для него строят отдельные помещения, в большинстве случаев в виде пристройки к основно-

му помещению. Раньше для овец также сооружали загоны типа землянок. При их устройстве выкапывали яму прямоугольной формы глубиной 1,5 м, которую затем покрывали жердями и засыпали землей. Похожее устройство землянок было характерно для соседних казахов. Они предназначались для окотившихся овец и ягнят в зимнее время. Отличие казахского загона состояло в том, что он покрывался досками, и над ним располагалась юрта [Галимжан Таган, 2005. С. 38].

Кроме закрытых помещений для скота в башкирской усадьбе имелись разнообразные открытые и полузакрытые загоны. Открытые загоны (*ялан картә*) предназначались для содержания лошадей и мелкого рогатого скота. Ограды их сооружались из жердей, плетня и камыша. Для лошадей также сооружали полузакрытые загоны с навесом (*әүеҫлек*), которые по периметру огораживали плетнем высотой около 2 м. Такая ограда предназначалась для предотвращения снежных заносов во время буранов. В хозяйственной части башкирского двора находились также каркасные сооружения с навесом, которые использовали как складские помещения для упряжи и сельскохозяйственного инвентаря. С развитием земледелия появились постройки, предназначенные для хранения зерна (*келәт*). Их сооружали в основном из плетня.

В оренбургских деревнях часто встречаются усадьбы, в которых дом и хозяйственные постройки соединены между собой и образуют таким образом один длинный ряд. Эта традиция уходит корнями в древность: многокамерные сооружения, в которых соединялись хозяйственная и жилая части, появились уже в конце бронзового века [Зданович, 1983. С. 64]. Соединение хозяйственной и жилой части характерно в целом для народов-скотоводов, в том числе якутов, казахов [Морозов, 1983. С. 28]. Порядок расположения построек в башкирских деревнях был следующим: жилой дом из двух комнат (*тәпкә өй, алдагы өй*), сени (*солан*), хозяйственная постройка для хранения зерна, дров и т. д., в самом дальнем конце выкладывали сарай. Такая постройка достигала в длину 20 и более метров, и так как ширина строений была различной, зачастую она имела неровную стену с выступами и углами. Подобного рода однорядные застройки из жилой части и хозяйственных построек были удобны для ухода за скотом в зимнее время, особенно в период буранов и сильных снежных заносов. Более состоятельные семьи строили два дома, соединенные сенями из плетня или бревен, под одной крышей – «*каракаршы өй*». Стандартными размерами дома были 5 на 5 или 4 на 4 метра. Одна часть дома была хозяйственной и называлась «*аш-өй*» (*аш* – еда, *өй* – дом), другая парадной или гостевой и называлась «*кунак-өй*» (*кунак* – гость) [Баишев, 1894. С. 3–4].

Во дворе находились также летняя кухня с печкой для приготовления пищи (*ут-яккыс, усаклык*), амбар, погреб (*баз*), загоны для скота, хлев. В настоящее время часто можно встретить открытые летние очаги в сочетании

с печью, находящиеся во дворе. Они обычно располагаются под небольшим навесом. Ранее двор в башкирских деревнях не огораживался. Лишь изредка передняя сторона двора, выходящая на улицу, огораживалась стеной из саманного кирпича, которая одним концом примыкала к дому. Такую ограду делали, как правило, более состоятельные семьи. Заборы вообще появились у изучаемой группы башкир довольно поздно – еще в середине XX века они были редким явлением.

В целом, подводя итог характеристике традиционного строительства башкир Восточного Оренбуржья, можно отметить следующее. Строительные материалы здесь отличались многообразием, что было обусловлено природно-географическими условиями региона, в том числе отсутствием леса. Здесь широко применялись глина, плетень, камень, песок. Разнообразными были и типы хозяйственных построек, в частности помещений для скота, что свидетельствует о прочности скотоводческих традиций оренбургских башкир. В традиционном строительстве последних сохранился ряд архаичных черт, таких как широкое применение самана и однорядных застроек, состоящих из соединенных между собой жилой и хозяйственной частей.

* * *

Форма хозяйства и система жизнеобеспечения местного населения издревле адаптировались к данной экологической нише. Большие площади степей, разветвленная сеть речной системы, наличие небольших участков леса являлись идеальными для ведения скотоводческого хозяйства, в частности для кочевого и полукочевого скотоводства. Прочная традиция скотоводческого хозяйства наблюдается у башкир Оренбургской области и в современный период. В целом все элементы материальной культуры и сопутствующие формы хозяйства – домашние промыслы, строительство жилищ, хозяйственных построек и т. д. – приспособлены к данным природным условиям. О высокой степени развития скотоводческого хозяйства башкир свидетельствует разнообразие видов хозяйственных построек. А природно-географические особенности обусловили применение разнообразных строительных материалов: при отсутствии леса в строительстве широко использовались глина, камень, песок, ивовая лоза, солома.

Традиционно основой традиционного хозяйства башкир Восточного Оренбуржья было полукочевое скотоводство, которое являлось наиболее оптимальным способом организации жизнедеятельности в степной и полустепной зоне. Оно исторически сформировалось в природно-экологических условиях региона. Материальная культура и система жизнеобеспечения в целом была основана на продуктах животноводства, весь образ жизни населения был связан с кочевым хозяйством. Поэтому традиции кочевания

являлись весьма устойчивыми, и, несмотря на то, что вследствие сокращения пастбищ кочевки перестали быть экономически выгодным, выходы на них продолжались вплоть до 1920-х годов, сосуществуя с земледелием. И в настоящее время у башкир Восточного Оренбуржья сохраняются традиционные навыки и элементы в ведении скотоводческого хозяйства. Поздний отход от кочевой жизни выразился и в устройстве поселений и жилищ башкир Восточного Оренбуржья: в отсутствии заборов, малочисленности хозяйственных построек и т. д.

Масштабы земледелия долгое время оставались незначительными. Вплоть до начала XX в., несмотря на целенаправленную политику администрации края по переводу башкир к оседлости, оно развивалось очень медленно. Но к первой четверти прошлого века были выработаны навыки ведения земледельческого хозяйства, позволяющие сочетать его с выходами на летовки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Башкиры Восточного Оренбуржья представляют собой дочерний этнос башкирского народа, оказавшийся в отрыве от этнического ядра в результате административно-территориальных преобразований первой четверти XX в. Они заселяют исторические земли башкир, которые вплоть начала XVIII в. распространялись на степи по право- и левобережью реки Урал. Вплоть до конца XIX в. башкиры на территории современного Восточного Оренбуржья составляли численное большинство; в течение последующего времени, в результате массового переселения русских, украинцев и татар, их доля в общей численности населения края сокращалась, и в конце XX в. они составляли менее четверти населения.

Территория оренбургских степей на протяжении долгого времени являлась зоной контакта различных этнических общностей. В результате чего здесь особенно активно протекали процессы межэтнической ассимиляции и интеграции. Основными компонентами в формировании этнического состава башкир Восточного Оренбуржья явились племена усерган и кипчак. Усергане в составе объединения древнебашкирских племен пришли на Южный Урал в X в. из Приаралья и заняли широкую территорию всего Южного Приуралья. В XIII в. происходит массовое расселение кипчакских родов на Южном Урале, которые были вынуждены уйти со степей Дешти-и-Кипчака в результате монгольского нашествия. Кипчаки заняли южную часть башкирских земель, образовав крупное племя. Они расселились дисперсно на территории усерган, в результате чего в составе усерган оказались рода кипчакского происхождения. Инкорпорация кипчакских родов в состав усерган, происходила на всей территории их расселения, что достаточно четко зафиксировано в их этнонимии, тамгах и данных топонимии. В этнической истории башкир Восточного Оренбуржья в течение XVI–XIX вв. приняли участие отдельные родовые компоненты соседних народов, в частности ногайцев, калмык, казахов, татар, что отразилось и в их родоплеменной этнонимии. Обобщая историю и характер взаимоотношений башкир с соседними народами можно отметить, что в период функционирования традиционной скотоводческой культуры (XV–XVIII вв.) наиболее тесные контакты поддерживались с кочевыми народами – ногайцами, казахами и калмыками. Взаимоотношения с ними были основаны на близости их хозяйства и кочевых

традиций, а также общими моментами в этнической истории этих народов. Одной из особенностей их взаимоотношений были традиционные взаимные набеги с угоном скота, захватом пленных, умыканием невест. Присоединение к Русскому государству и последующее строительство пограничной линии по реке Урал ознаменовали новый этап в истории межэтнических контактов в регионе: контакты башкир с кочевыми народами были ограничены, и на первый план выступило взаимодействие с оседлым переселенческим населением. С появлением земледельческих народов – русских, украинцев и татар – первое время контакты с ними ограничивались торговыми взаимоотношениями. Лишь с приобщением башкир к земледельческому хозяйству и утратой тесных связей между бывшими кочевниками, контакты с оседлыми переселенцами выходят на новый уровень. При этом наиболее активным было взаимодействие с татарами, чему способствовали единая религия и отсутствие языкового барьера.

Основой традиционного хозяйства башкир Восточного Оренбуржья было скотоводство, которое, видоизменяясь, просуществовало до наших дней. Полукочевое скотоводство, исторически сформировавшееся в природно-экологических условиях региона в XIX в. претерпевает коренные изменения, вызванные сокращением пастбищ в результате колонизации края земледельческим населением; в XX в. они полностью перешли на оседлый образ жизни. Однако у башкир Восточного Оренбуржья скотоводческие традиции оказались очень прочными, что выразилось в сохранении традиционных навыков, а также обрядов и обычаев, связанных со скотоводством.

Особенности изучаемой группы формировались также под воздействием природно-географических факторов. Наиболее характерным проявлением адаптации башкир к лимитирующим факторам среды обитания являлось традиционное строительство. В условиях господства степи и лесостепи выработались специфические виды и формы построек, отличавшихся большим разнообразием. Ограниченность лесных ресурсов обусловила широкое использование в строительстве таких материалов как глина, камень, лоза, камыш. Яркой особенностью материальной культуры, связанной с природно-географическими условиями региона является существующая до сегодняшнего дня традиция саманного строительства. Она свидетельствует о сохранении наиболее архаичных черт древнейшего населения оренбургских степей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

ГАЙСКИЙ РАЙОН ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

д. Байказак (Старохалилово)

1. Ахметова (девичья фамилия: Муталлапова) Хаят Абдулловна, 1935 года рождения (далее г. р.), место рождения (далее м. р.) – д. Байказак
2. Абсалямова (Ильбактина) Флюра Салимьяновна, 1934 г. р., м. р. – д. Ахун (Малохалилово)
3. Абсалямов Алик Фрунзович, 1957 г. р., м. р. – д. Байказак
4. Нураева (Ильбактина) Фирдаус Салимьяновна, 1939 г. р., м. р. – д. Ахун
5. Абсалямова (Султанова) Рузалия Факиловна, 1968 г. р., м. р. – д. Узембаево
6. Мамбетова Фатима, 1905 г. р., м. р. – д. Ишкинино
7. Муталлапова Гильминур Мутыгулловна, 1938 г. р., м. р. – д. Байказак
8. Тукумова (Аликбаева) Шакира, 1922 г. р., м. р. – д. Чураево
9. Ахметова (Рызбаева) Райса, 1936 г. р., м. р. – д. Ишкинино
10. Абсалямов Ганий Гибадуллович, 1934 г. р., м. р. – д. Байказак
11. Муталлапова Фатима Кинзягулловна, 1925 г. р., м. р. – д. Байказак
12. Байшакурова (Якупова) Минникамал Ахметовна, 1926 г. р., м. р. – д. Ялнаир (Сабаклы)
13. Муталлапова (Сарлыбаева) Фарида Гибадулловна, 1933 г. р., м. р. – д. Байказак
14. Кунакова (Мулюкова) Фариза, 1928 г. р., м. р. – д. Байказак
15. Буранбаева (Шарипова) Самсия Нигматулловна, 1911 г. р., м. р. – д. Ялчибаево
16. Муталлапов Фархат Абдуллович, 1938 г. р., м. р. – д. Байказак
17. Асылбаева Махира Габидулловна, 1924 г. р., м. р. – д. Ялчибаево
18. Якупова Винера Исмагиловна, 1939 г. р., м. р. – д. Байказак
19. Рахметова Флюра Муглиевна, 1938 г. р., м. р. – д. Байказак
20. Муталлапов Халил Янузакович, 1931 г. р., м. р. – д. Байказак
21. Ахметов Расик, 1926 г. р., м. р. – д. Байказак
22. Исангильдин Кинзя Шамарданович, 1945 г. р., м. р. – д. Байказак
23. Мулюкова Самсия, м. р. – д. Байказак

д. Ахун (Малохалилово)

24. Валишина (Худайбердина) Райса, 1933 г. р., м. р. – д. Нарбулатово
25. Абсалямова (Худайбердина) Гульнур, 1930 г. р., м. р. – д. Ахун
26. Изыгин Ахметхан Салыхович, 1922 г. р., м. р. – д. Ахун
27. Утямишева (Ильбактина) Гульжихан Зайнулловна, 1928 г. р., м. р. – д. Ахун
28. Ильбактин Мажит Хайруллович, 1925 г. р., м. р. – д. Ахун
29. Габдинова Найля Махмутовна, 1922 г. р., м. р. – д. Мустафино

п. Нововоронеж

- 30. Сулейманов Айрат Мухаметьянович, 1928 г. р., м. р. – д. Мустафино
- 31. Нарбулатова (Гаиткулова) Рахима, 1910 г. р., м. р. – д. Нарбулатово
- 32. Фаткуллин Рауил Гатиятович, 1924 г. р., м. р. – д. Нарбулатово
- 33. Фаткулина (Кадырбаева) Фагима Ахмадулловна, 1921 г. р., м. р. – д. Нарбулатово
- 34. Ильбактина (Суербаева) Роза Маннафовна, 1937 г. р., м. р. – д. Нарбулатово

д. Нарбулатово

- 35. Худайбердина (Абсалямова) Гафура Утарбаевна, 1921 г. р., м. р. – д. Ишкинино
- 36. Кадырбаев Ягфар Ахмадулович, 1931 г. р., м. р. – д. Нарбулатово
- 37. Нарбулатова Гульнур Гиниятовна, 1928 г. р., м. р. – д. Нарбулатово
- 38. Кадырбаев Карим Фатхуллович, 1931 г. р., м. р. – д. Нарбулатово

д. Ижберда

- 39. Байбулатова (Ишемгулова) Тутыйгуш Гумаровна, 1926 г. р., м. р. – д. Ижберда
- 40. Байбулатов Гафурьян Рамазанович, 1928 г. р., м. р. – д. Ижберда
- 41. Ишемгулов Ишмухамет Ишмулович, 1930 г. р., м. р. – д. Ижберда
- 42. Псянчина (Сиргажина) Сулпан Хакимовна, 1930 г. р., м. р. – д. Ижберда
- 43. Рахматулла олатай, м. р. – д. Ижберда
- 44. Ишемгулов Басир, 1948 г. р., м. р. – д. Ижберда

д. Гайнуллино (Дурткуль)

- 45. Кутлямбетова (Юлашева) Фарзана Гибадатовна, 1923 г. р., м. р. – д. Гайнуллино
- 46. Аминева (Кадырбаева) Хусна Фатхулловна, 1927 г. р., м. р. – д. Нарбулатово

д. Ишкинино

- 47. Рызбаев Гиният, 1924 г. р., м. р. – д. Ишкинино
- 48. Байназарова (Ахметова) Ракия Лутфулловна, 1925 г. р., м. р. – д. Байказак,
- 49. Кульсайтов Заит Абзелилович, 1933 г. р., м. р. – д. Верхнеутягулово (Кувандык. р-н)

д. Узембаево

- 50. Мухамедьярова (Байназарова) Гульбанат Шайхисламовна, 1938 г. р., м. р. – д. Узембаево
- 51. Зайнигабдинова (Габдуллина) Хаербанат Мухлисовна, 1909 г. р., м. ер. – д. Узембаево

п. Репино

- 52. Удербаева (Нагаева) Нагима, 1924 г. р., м. р. – д. Турат Хайбуллинского р-на РБ
- 53. Удербаев Расуль, 1948 г. р., м. р. – п. Репино

КУВАНДЫКСКИЙ РАЙОН ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

д. Ялнаир (Сабаклы)

- 54. Куватова Манаура Ширвановна, 1928 г. р., м. р. – д. Сабаклы
- 55. Искандерова Сагида Губайдулловна, м. р. – д. Акчура
- 56. Мирзабекова Миннигуль Фархатовна, м. р. – д. Сабаклы
- 57. Искандерова (Султанова) Малика Фархатовна
- 58. Мирзабеков Миннихан Сафиевич, 1929 г. р., м. р. – д. Сабаклы

д. Мало-Чураево (Ерекле)

- 59. Туктагулов Бадри Исмагилович, 1926 г. р., м. р. – д. Ерекле

д. Акчура

- 60. Туйгунов Валиулла Хабибуллович, 1928 г. р., м. р. – д. Акчура

д. Чураево (Сурай)

61. Туйгунов Ахмет Хайруллович, 1924 г. р., м. р. – д. Хазимухаметово (Сакмагош)
62. Аликбаев Ишкильды Ишкалиевич, 1921 г. р., м. р. – д. Чураево
63. Самикаева Хайба Ахмадиевна, 1917 г. р., м. р. – д. Тирекле
64. Кульсаитова (Кильдебаева) Мархия Фатхулловна, 1925 г. р., м. р. – д. Чураево

д. Юмагузино 1-е (Тирекле)

65. Базикова (Исламгулова) Хадия Ахметшарифовна, 1918 г. р., м. р. – д. Тирекле
66. Исламгулов Гильмитдин, м. р. – д. Тирекле

д. Идельбаево

67. Рауилев Суюнсали Шакирович, 1928 г. р., м. р. – д. Идельбаево
68. Зубаирова Флюра Мингажевна, 1947 г. р., м. р. – д. Ишмуратово
69. Байгильдин Махмут Рахметович, 1924 г. р., м. р. – д. Идельбаево
70. Биешева Минникамал Бикмухаметова, 1926 г. р., м. р. – д. Идельбаево

д. Рысаево

71. Хайбуллин Ирек Мухаметович, 1937 г. р., м. р. – д. Ишмуратово
72. Рысаев Мухтар Гатауллович, 1934 г. р., м. р. – д. Рысаево
73. Рысаева (Игишева) Миникамал Киреевна, 1928 г. р., м. р. – д. Рысаево
74. Муратшина (Рысаева) Миникамал Ахметшаевна, 1925 г. р., м. р. – д. Рысаево
75. Рысаева (Куватова) Хамида Фазыловна, 1924 г. р., м. р. – д. Сабаклы

д. Блявтамак (Юмагузино 3-е)

76. Тагирова (Кутлугалямова) Зулейха Гайнетдиновна, 1919 г. р.
77. Хасанов Минлегали Давлетович, 1926 г. р., м. р. – д. Абишево (Хайбуллин. р-н РБ)
78. Хасанов Хасан Минлегалиевич, 1956 г. р., м. р. – д. Блявтамак (3-е Юмагузино)
79. Даутов Риф Мухаметкиреевич, 1941 г. р., м. р. – д. Миртирек (Эткусук)
80. Кильдебаева Гульнур Шамиловна, 1928 г. р., м. р. – д. Блявтамак

д. Ишмуратово

81. Ильясова (Хайбуллина) Клара Мингажевна, 1940 г. р., м. р. – д. Ишмуратово
82. Биккужина Хадия, 1905 г. р., м. р. – д. Ишмуратово
83. Хайбуллин Ишберды, 1927 г. р., м. р. – д. Ишмуратово

д. Ибрагимово

84. Бикташева Шакира, м. р. – д. Бикташево
85. Юмалина (Кутлугалямова) Хадиса, 1923 г. р., м. р. – д. Идельбаево

д. Сарбаево

86. Ярлыкапова (Рысаева) Магикамал Губайдуллиовна, 1924 г. р., м. р. – д. Рысаево
87. Ярлыкапов Сабирьян Галиянович, 1923 г. р., м. р. – д. Сарбаево

д. Чеботарево

88. Буранбаева Яухар, м. р. – д. Бурагулово

д. Бурагулово (Акбулат, Кызыл тан)

89. Яппарова (Максютова) Миннибика, 1930 г. р., м. р. – д. Якшибай
90. Буранбаева Гаухар, 1928 г. р., м. р. – д. Бурагулово
91. Аллакуватова Минзада Мухамедьяровна, 1930 г. р., м. р. – д. Бурагулово

д. Тлявгулово

92. Махмут олатай, 1924 г. р., м. р. – д. Тлявгулово

д. Кидрясово (Бесмен)

93. Дильмухаметова Минсылу Галиахметовна, 1927 г. р., м. р. – д. Кидрясово

94. Зиянгулова Уммугульсум Юлмухаметовна, 1921 г. р., м. р. – д. Кидрясово

НОВООРСКИЙ РАЙОН ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

п. Энергетик

95. Жабает Жартай Бикмухаметович, 1925 г. р., м. р. – п. Кусим Адамовского р-на

96. Рысаева (Янбекова) Миннигуль, 1931 г. р., м. р. – д. Иментатак Кувандыкского р-на

97. Рысаев Шарифьян, м. р. – д. Нарбулатово Гайского р-на

с. Кураганка

98. Каримов Расуль, 1927 г. р., м. р. – с. Таштугай

п. Будамша

99. Бесенов Мокай, 1911 г. р.

100. Сулеменов Рай, 1947 г. р.

п. Новоорск

101. Султанов Салыгжан, 1958 г. р.

102. Монаков Маданият Ахметович, 1937 г. р.

д. Чилекта

103. Хусаинова Айман Болганбековна, 1935 г. р., м. р. – д. Жанаталап Беляевского р-на

104. Жаркенов Буркут Жаркенович, 1929 г. р., м. р. – Шубартау Новоорского р-на

ХАЙБУЛЛИНСКИЙ РАЙОН РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

п. Акъяр

105. Усманова (Турумтаева) Асма Мавлямбердыевна, 1930 г. р.

106. Абдульменова Марфуга Хажиахметовна, 1949 г. р., м. р. – д. Абишево

д. Абубакирово

107. Сынбулатова Зульфия, 1936 г. р., м. р. – д. Сакмар-Назаргулово

108. Билалов Зейнулла, 1930 г. р.

109. Юламанов Гибадулла, 1963 г. р. м. р. – д. Абубакирово

д. Акназарово

110. Валиева (Ишкильдина) Бика, 1931 г. р., м. р. – д. Кусей

111. Сагитова Ямиля Валиевна, 1923 г. р., м. р. – д. Акзигитово

д. Янтышево

112. Моталова Мадина Габбасовна, 1947 г. р.

113. Назаров Салимьян, 1947 г. р., м. р. – д. Абубакирово

114. Иштякбаева Сагида Гумаровна, 1931 г. р., м. р. – д. Янтышево

д. Сакмар-Назаргулово

115. Казакбаев Мухаметьян Абдуллович, 1924 г. р., м. р. – д. Сакмар-Назаргулово.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. А. Валидов – организатор автономного Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917–1920). Документы и материалы. Ч. 1. / Сост. Н. М. Хисматуллина, Р. Н. Бикметов, А. М. Галиев, Ю. Р. Сайранов. Уфа: Китап, 2005. 392 с.
2. Абсалямова Ю. А. Аулия зыяраты: к вопросу о культе святых у башкир (на материалах Восточного Оренбуржья) // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе. Материалы III международного симпозиума. Уфа, 2008. С. 207–210.
3. Абсалямова Ю. А. Башкиры в городах Восточного Оренбуржья // Городские башкиры: прошлое, настоящее, будущее. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2008. С. 15–18.
4. Абсалямова Ю. А. Земледелие у башкир Восточного Оренбуржья в XVIII–XIX вв. // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Уфа, 2008. С. 5–10.
5. Абсалямова Ю. А. История расселения башкир Восточного Оренбуржья // Гуманитарные науки в Башкортостане: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Уфа, 2007. С. 15–17.
6. Абсалямова Ю. А. К вопросу о родоплеменной структуре башкир Восточного Оренбуржья // Урал–Алтай: через века в будущее. Материалы всероссийской научной конференции. Уфа, 2005. С. 226–229.
7. Абсалямова Ю. А. К вопросу о родовой символике башкир Восточного Оренбуржья и казахов Младшего Жуза // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III межрегиональной научно-практической конференции. Челябинск, 2006. С. 148–151.
8. Абсалямова Ю. А. К динамике численности башкир Восточного Оренбуржья в XIX – нач. XX вв. // История Оренбургская: наследие и современность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной памяти П. Е. Матвиевского. Оренбург, 2006. С. 118–124.
9. Абсалямова Ю. А. К истории башкирских населенных пунктов Восточного Оренбуржья // Урал–Алтай: через века в будущее. Материалы всероссийской научной конференции. Уфа, 2008. С. 4–8.
10. Абсалямова Ю. А. К истории изучения башкир Восточного Оренбуржья // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2003. С. 104–107.
11. Абсалямова Ю. А. Межэтнические контакты башкир и казахов в Восточном Оренбуржье в XIX в. // Жубанов тағлымы. Материалы VI международной научно-теоретической конференции (соавт. Юсупов Р. М.). Актюбинск, 2005. С. 39–42.
12. Абсалямова Ю. А. Названия родовых подразделений и их значение в изучении этнической истории башкир (на примере Восточного Оренбуржья) // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 2007. С. 3–11.

13. Абсалямова Ю. А. Некоторые проявления культа святых у башкир Восточного Оренбуржья // Материальная культура народов Урало-Поволжья. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2008. С. 64–70.
14. Абсалямова Ю. А. Оренбургские башкиры // Башкирская энциклопедия. – Уфа. 2008. – Т. IV (соавт. Юсупов Р. М). С. 343–347.
15. Абсалямова Ю. А. Развитие скотоводческого хозяйства башкир Восточного Оренбуржья в XVIII–XX вв. // Актуальные вопросы истории, языка и культуры. Сборник трудов молодых ученых ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2008.
16. Абсалямова Ю. А. Родоплеменная этнонимия в изучении этнической истории башкир (на примере Восточного Оренбуржья) // Вестник ЧелГУ. История. 2008. № 26. С. 5–14.
17. Абсалямова Ю. А. Родоплеменной состав башкир Восточного Оренбуржья // VI Конгресс этнографов и антропологов России. СПб, 2005. С. 124.
18. Абсалямова Ю. А. Роль кипчакского компонента в этногенезе башкир Оренбургской области // Проблемы этногенеза и этнической истории башкир. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2006. С. 60–63.
19. Абсалямова Ю. А. Тамги как источник по изучению родоплеменного состава башкир Восточного Оренбуржья // Этнос. Общество. Цивилизация: I Кузеевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. Уфа, 2006. С. 106–108.
20. Абсалямова Ю. А. Традиционное жилище из самана у башкир Восточного Оренбуржья // Этническая история и духовная культура башкир Оренбуржья: история и современность (к 160-летию открытия Караван-Сарая). Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Оренбург, 2006. С. 157–162.
21. Абсалямова Ю. А. Численность башкир Восточного Оренбуржья в конце XVIII–XX вв. // Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии. Материалы международной научно-практической конференции. Семей (Семипалатинск), 2008. Вып. 9. С. 337–343.
22. Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1897 год. Оренбург, 1897. – 150 с.
23. Авляев Г. О. О тюркоязычных этнических компонентах в составе приволжских калмыков конца XIX в. // Всесоюзная тюркологическая конференция. Секция 3. Этническая история и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Алма-Ата, 1976. С. 8–9.
24. Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вт. пол. XVI и треть XVIII вв.). Уфа: РИО БашГУ, 2005. 228 с.
25. Азнабаев Б. А. Специфика вотчинных прав башкир-семиродцев // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. №3. С. 1449 – 1452.
26. Алектров А. История Оренбургской губернии. 2-е изд. Оренбург, 1883. 128 с.
27. Алламуратов Л. Х. Факторы формирования облика древних дорог Южного Урала (на примере дорог «Кунгыр буга» и «Канифа юлы») // Урал-Алтай: через века в будущее Материалы VI Всероссийской тюркологической конференции. Уфа, 2014. С. 283–285.
28. Амелин В. В., Денисов Д. Н., Моргунов К. А. Межэтнические и конфессиональные отношения в Оренбургской области. Оренбург, 2013. 270 с.

29. Амелин В. В., Денисов Д. Н., Моргунов К. А. Этноконфессиональные отношения в Оренбуржье. Оренбург, 2014. 200 с.
30. Аминев З. Г. Башкиры и печенеги // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия: научные публикации, посвященные 80-летию юбилею Н. А. Мажитова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 117–121
31. Антонов И. В., Иванов В. А. Этнический состав населения Южного Урала в эпоху монгольского нашествия (по средневековым письменным источникам) // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 1999. С. 202–215.
32. Артыкбаев Ж. О. Этносоциальная структура казахов Центрального и Северного Казахстана во второй половине XIX века. Автореф... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1989.
33. Асфандияров А. З. Башкирия после вхождения в состав России (вт. пол. XVI – перв. пол. XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
34. Асфандияров А. З. Ауылдар касан барлыкка килгән // Ағизел. 1984. № 5–6. С. 128–131.
35. Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 248 с.
36. Баишев М. Деревня Зианчурина Орского уезда Оренбургской губернии // Известия Оренбургского отдела императорского Русского Географического Общества. Вып. 7. Оренбург, 1895. С. 1–34.
37. Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1995. 183 с.
38. Басин В. Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века // Казахстан в XV–XVIII вв. (вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969. С. 50–146.
39. Башкирская энциклопедия. В 7 т. / гл. редактор М. А. Ильгамов. Т. 1: А–Б. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. – 624 с.: ил.: карт.
40. Башкирские племена, роды, родовые подразделения в 18–19 вв. / сост. Кузеев Р. Г. // Башкирско-русский словарь. Под ред. Ураксина З. Г. Уфа, 1996. С. 851–865.
41. Башкирские шежере / сост. Кузеев Р. Г. Уфа: Башк. книжн. изд-во, 1960. 303 с.
42. Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды / сост. Надыршина Ф. А. Уфа: Башк. книжн. изд-во, 1987. 572 с.
43. Башкиры и Оренбуржье: История и современность. Уфа; Оренбург: Информ-реклама, 1996. 100 с.
44. Башкорт һөйләштәренен һүзлегә (өс томда) III том. (Көнбайыш диалект). Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1987. 232 б.
45. Башкорт халык ижады. Эпос. 1-се китап. Өфө: Китап, 1972. 242 бит.
46. Башкорт халык ижады. 8-се том. Эпос: иртәктәр һәм эпик кобайырзар. Өфө: Китап, 2006. 492 бит.
47. Бикбулатов Н. В. Системы земледелия у башкир в XIX – начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1979. С. 5–46.
48. Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г. Этнические и культурные связи Казахстана и Башкирии в XVI–XVIII вв. // Навеки вместе: к 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982. С. 150–155.

49. Бикбулатов Н. В., Юсупов Р. М., Шитова С. Н., Фатыхова Ф. Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: Научное изд-во «Башкирская энциклопедия», 2002. 248 с.
50. Биккулов И. Н. Учреждение Уфимской провинции в начале XVIII в. // Ватандаш. 2006. № 10 С. 105–110.
51. Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке: история становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997. 254 с.
52. Бытковский О. Ф. Савроматские погребения Новотроицкого I могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II. Оренбург, 1998. С. 120–126.
53. Важнейшие селения Европейской России. Вып. 6. Губернии Приуральской группы и Крайнего Севера. СПб., 1885.
54. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в 5 томах. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1981–1985 гг.
55. Васильев В. И., Шитова С. Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенеза башкир) // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982. С. 18–40.
56. Васильева Г. П. О некоторых общих элементах в культуре туркмен и башкир в связи с их этногенезом // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971. С. 199–204.
57. Вахитов Г. И. Село Биктимирово. Уфа: Информреклама, 2004. 216 с.
58. Ведомость о числе хуторов, образованных переселенцами на заарендованных землях в волостях, станичных юртах Оренбургской губернии и о средних арендных ценах на землю // Материалы по статистике Оренбургской губернии. Оренбург, 1889.
59. Ветров А. С., Попов Н. В. География Оренбургской области. Учебное пособие. Челябинск: Южноуральское книжн. изд-во, 1966. 80 с.
60. Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (к XIX – нач. XX вв.). Алма-Ата: Наука, 1968. 256 с.
61. Вәлиди А-З. Хәтирәләр // Ағизел. 1991. №7. С. 139–166.
62. Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. 336 с.
63. Галаятдинов И. Г. «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова. (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Грамматический очерк, лексика, сводный текст и перевод). 2-е перераб. и доп. изд. Уфа, 1998. 267 с.
64. Гарипов Т. М., Кузеев Р. Г. Башкирские родоплеменные названия и их алтайские параллели // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971. С. 214–220.
65. Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа: Гилем, 2001. 211 с.
66. Гатауллин Р. Итоги переписи населения 2002 года: башкиры в регионах России // Ватандаш. 2005. №6. С. 39–42.
67. Географический атлас Оренбургской области. М.: ДИП, 1999. 96 с.
68. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 1. СПб: Типография И. К. Шнора, 1799. 89 с.
69. Губаева С. С. Этнический состав населения Ферганы в конце XIX – начале XX в. (по данным топонимии). Ташкент: Фан, 1983. 105 с.
70. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 1999. 399 с.

71. Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. Ч. II. Подушная подать в XVIII в. и статистика населения в к. XVIII в. Т. II. М.: Университетская типография, 1902. 319 с.
72. Денисов Д. Н. История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края (XVIII – начало XX вв.). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. 190 с.
73. Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа: Китап, 2002.
74. Добросмыслов А. И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург: Изд-во Тургайского обл. статист-го ком-та, 1895. 360 с.
75. Добросмыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела Императорского географического общества. Вып. 16. Оренбург, 1901. С. 120–219.
76. Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. Сост. Асфандияров А. З., Абсалямов Ю. М., Роднов М. И. Уфа: Китап, 2001. 712 с.
77. Зданович С. Я. О древних чертах в строительной технике башкир // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983. С. 59–76.
78. Жаксылыков М. Н. Жағалбайлы шежіресі. Оренбург: ИПК «Южный Урал», 2004. 244 с.
79. Жданко Т. А. О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971. С. 42–45.
80. Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родоплеменная структура и расселение в XIX – нач. XX века. М.; Л., 1950. 170 с.
81. Жданко Т. А. Сведения о каракалпаках в России в XVIII веке // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 261–276.
82. Зобов Ю. С. Башкиры в составе Оренбургского края // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург, 1994. С. 100–115.
83. Избасарова Г. Б. К вопросу о взаимоотношениях казахов и башкир в XVIII веке // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. Уфа, 2001. С. 118 – 125.
84. Избасарова Г. Б. Казахско-башкирские отношения в XVIII веке (1701–1755 гг.) Автореф... канд. ист. наук. Алматы, 2000.
85. Избасарова Г. Б. Народы Башкирии и северо-западного Казахстана во второй четверти – середине XVIII в. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 3. Уральск, 2004. С. 117–125.
86. Илбулдин Ф. Үсәргән кәбиләһе // Ағизел. 1995. №8.
87. Илбулдин Ф. Үсәргән тарихы // Ағизел. 1994. № 9.
88. Илимбетова А. Ф. Культ птиц у башкир в свете духовного наследия народов мира. Уфа, 2015. 282 с.
89. Инан Ә. Күсмә төрки кәбиләләрендә уллыкка алыу йолаһы менән бәйлә традициялар. Ватандаш. 1998. №6. С. 116–124.
90. Исаев М. И. Словарь этнолингвистических терминов и понятий. М.: Наука, 2002. 196 с.
91. Исмагулов О. Этническая антропология Казахстана: соматологическое исследование. Алма-Ата, 1982. 231 с.
92. История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М. М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Уфа: Гилем, 2010. Т. V. 468 с.
93. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа: Китап, 1997. 520 с.

94. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. / Под. ред. И. Г. Акманова. Т. 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века. Уфа: Китап, 2004. 488 с.
95. История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. В 2 т.: Т. 1. Уфа: Гилем, 2006. 240 с.
96. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5-ти т. Т. 2. Алма-Ата, 1979. 423 с.
97. История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). Алматы: Дәуір, 2003. 416 с.
98. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том. 3. Алматы: «Атамұра», 2000. 786 с., илл., карты.
99. Казанцев И. Описание башкирцев. СПб., 1866. 97 с.
100. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд. АН Каз ССР, 1961. 743 с.
101. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. 575 с.
102. Калмантаев Н. М. Тук-суранские башкиры // Ватандаш. 2000. №2. С. 174–181
103. Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сакалиев А. И-А. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, 1988. – 232 с.
104. Камалов А. А., Камалова Ф. У. Атайсал. Уфа: Китап, 2001. 542 с.
105. Камалов А. А. Ете юл сатындағы ауыл // Ватандаш. 2001. №4. С. 120– 125
106. Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М.: Наука. 1976. 323 с.
107. Кауфман А. А. К вопросу о заселении казенных земель Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний. Ч. III. СПб., 1904. 142 с.
108. Керейтов Р. Х. Некоторые вопросы этногенетических и культурных связей ногайцев и народов Волго-Уральского региона // Ядкар. 1998. № 1–2. С. 126–127.
109. Киньябаева Г. А. Некоторые аспекты демографического развития башкирского общества в первой половине XIX века // История Башкортостана по материалам Всероссийских и Всесоюзных переписей XVI–XX вв. Уфа, 1999.
110. Кичиков А. Л. Жанровое своеобразие повествований о Мазан-баатаре в аспекте калмыцко-башкирских межэтнических связей // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань, 1983. С. 120–128.
111. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Изд-во Харьковского государственного ун-та им. А. М. Горького. Харьков, 1956. 346 с.
112. Кузеев Р. Г. Башкортостан в Волго-Уральском историко-культурном регионе // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. Уфа, 2000. С. 21 – 62.
113. Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башкирское книжн. изд-во, 1978. 263 с.
114. Кузеев Р. Г. Кыпчакско-золотоордынский компонент в составе тюркских народов лесостепной Евразии // Этнологические исследования в Башкортостане. Уфа, 1994. С. 43–61.
115. Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.

116. Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. I: Родоплеменные организации башкир в XVII–XVIII вв. Уфа: Башкирское книжн. изд-во, 1957. 184 с.
117. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
118. Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // Археология и этнография Башкирии. Т. III. Уфа, 1968. С. 261–321.
119. Кузеев Р. Г. Родоплеменной состав башкир в XVIII веке // Вопросы башкирской филологии. М., 1959. С. 60–71.
120. Кузеев Р. Г. Зәки Вәлиди башкорттарзын килеп сығышы тураһында // Ағизел. 1991. № 11. С. 137–147.
121. Кузеев Р. Г., Бабенко В. Я. Этнические и этнографические группы в СССР. Препринт доклада. Уфа, 1989. 26 с.
122. Кузеев Р. Г., Иванов В. А. Дискуссионные проблемы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. С. 5–18.
123. Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–X вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.
124. Курyleв В. П. Казахские тамги как знаки родовой принадлежности // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус: Каракалпакстан, 1989.
125. Кускильдин Д. Үзәргән шәжәрәһенәң Кужанак ауылы буйынса дауамы // Ағизел. 1995. № 3.
126. Ланцанова Л. Ю. Калмыцко-башкирские отношения в XVII–XIX вв. и калмыцкий след в этногенезе башкир // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. С. 76–81.
127. Левишин П. Л. Оренбургский Пограничный суд – инструмент пограничной политики в отношениях России с Казахстаном в конце XVIII век. // Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны и 440-летию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 2014. Точка доступа: https://www.osu.ru/sites/niisu/docs/konf_2014_narody_su.pdf
128. Маннапов М. М. К вопросу о межэтнических контактах и летних кочевках башкир и калмыков в XVII веке на Южном Урале и Степном Заволжье // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. науч.-практ. конф. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. С. 144–148.
129. Маннапов М. М. К вопросу о межэтнических взаимодействиях башкир с казаками и уральскими казаками в Степном Заволжье // История и культура народов Евразии: прошлое, настоящее, будущее: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения видного ученого-тюрколога и общественного деятеля А.-З. Валиди Тогана (г. Стамбул, 21 мая 2010 г.). Уфа, 2010. С. 123–128.
130. Мажитов Н. А., Султанова А. Н. Башкирские ханы в IX–XVI вв. // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье. Уфа: РИО БашГУ, 2004. С. 181–195.
131. Материалы по истории БАССР. Т. IV. ч. 2. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1956. 666 с.

132. Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / авт.-сост. Н. Ф. Демидова. Т. VI. Уфа: Китап, 2002. 766 с.
133. Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4. (1785–1828). М.; Л., 1940. 543 с.
134. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1735–1737 гг. Т II. Оренбург, 1900. / сост. Добросмыслов А. И. 279 с.
135. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636 гг. Сборник документов. М., 1959.
136. Материалы по статистике Оренбургской губернии. Оренбург, 1889. 108 с.
137. Мещеряков Д. В., Моргунова Н. Л. К вопросу о происхождении коневодства на Южном Урале // Вопросы археологии Западного Казахстана. Выпуск I. Самара, 1996.
138. Мигранова Э. В. Башкиры. Традиционная система питания: Историко-этнографическое исследование. Уфа, 2012. 296 с.
139. Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979. 272 с.
140. Моргунова Н. Л. Археология Оренбургского края // Оренбургскому краю – 250 лет. Оренбург, 1994.
141. Моргунова Н. Л. Археология Оренбуржья. Оренбург: Оренбургское книжн. изд-во, 2004. 112 с.
142. Морозов Ю. А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983. С. 19–40.
143. Мошкова М. Г. Сарматские памятники восточных районов Оренбургской области // Тез. докл. на первой Оренбургской историко-археологической конференции по вопросу о состоянии и задачах историко-археологического изучения Оренбургской области. Оренбург, 1961. 30 с.
144. Мрясов С. Историческое прошлое башкир // Краеведческий сборник. № 3–4. Уфа, 1930. С. 73–79.
145. Мурзабулатов М. В. Скотоводческое хозяйство зауральских башкир в XIX – начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М., 1979. С. 62–78.
146. Мәмбәт ырыуы шәжәрәһе // Башкирские шежере (Филологические исследования): Сборник статей. Уфа: БФАН СССР, 1985. С. 129–160.
147. Надергулов У. Ф. Животноводческая лексика башкир. Уфа: Гилем, 2000. 186 с.
148. Надршина Ф. А. Башкирско-казахские этнокультурные связи по материалам башкирских народных легенд и преданий // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982. С. 93–101.
149. Назаров П. С. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. №1. С. 164–192.
150. Насыров Р. Г. Века и поколения. Уфа, 2000. 202 с.
151. Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование (диссертация на степень доктора медицины). СПб., 1899. 377 с.
152. Попов С. А. Тайны Пятимаров. Очерки по древней и средневековой истории оренбургских степей. Челябинск, 1971. 193 с.
153. Псянчин А. В. Башкортостан на старых картах: История географического изучения и картографирования. Уфа, 2001.

154. Рафиков Х. С., Хуснутдинова Э. К., Долматова М. Ю., Хидиятова И. М., Кузеев Р. Г. Генетические связи башкир с народами Волго-Уральского региона и Сибири // Сравнительная антропология башкирского народа: сб. науч. стат. Уфа, 1990. С. 68–76.
155. Рахимов Р. С. История сел Хайбуллинского района // Песнь о степи. Хайбуллинский район. Уфа: Китап, 2003. С. 32–66.
156. Рахимов Р. С. Шешәйзәр түбәһенә караған үзәргән башкорттары // Ағизел. 1994. № 7.
157. Региональная этнокультурная политика, межэтнические и этноконфессиональные отношения в Оренбуржье: ежегодный доклад, 2005 год. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2006. 64 с.
158. Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., Издательство Академии наук СССР, 1955. 392 с.
159. Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
160. Рычков Н. П. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии // Труды Вольного Экономического общества. Т. 2. Ч. 7. СПб., 1767.
161. Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001. 295 с.
162. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Сочинение П. И. Рычкова 1762 года. Оренбург, 1887. 235 с.
163. Рязанов Н. Ф. На стыке борьбы за степь (Очерк по истории колонизации Новолинейного района Оренбургского края (1835–1845 гг.)). Оренбург, 1928. 63 с.
164. Рязанов Н. Ф. Оренбургский край. Исторический очерк. Оренбург: Гос. типо-литография ГСНХ, 1978. 142 с.
165. Сәғитов Харис. Аҡъюл ауылы шәжәрәһе. Өфө, 2004. 24 бит.
166. Сальманов А. С. О древнем родстве некоторых башкирских племен // Материальная культура башкир и народов Урало-Поволжья. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2008. С. 161–179.
167. Сальников К. В., Новиков А. С. Памятники эпохи бронзы в Домбаровском районе Оренбургской области // Советская археология. 1962. №2. С. 124–133.
168. Словарь башкирских говоров. Уфа, 1987.
169. Смирнов К. Ф. «Савроматы» и «сарматы» // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976.
170. Соколов Д. Н. Оренбургская губерния. Географический очерк. М., 1916. 102 с.
171. Соколов Д. Н. О башкирских тамгах // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 13. Т. 3. Оренбург, 1904. С. 1–93.
172. Солтанов Йыһат. Әсәрҙәр ун биш томда, VII том. Эскерһезҙең тормошо (Заманым. Ауылым. Ырыуым. Шәжәрәм). Тәүәрих-мемуар. Өфө: 602 бит. [точка доступа: <http://zigatsultanov.ru/page/3/>]
173. Список населенных мест по сведениям 1866 г. Оренбургская губерния. XXVIII. СПб., 1871. 110 с.
174. Списки населенных мест Оренбургской губернии. Оренбург, 1892.
175. Сулейманов Ф. М. Түңгәүер башкорттары // Ағизел. 1994. №6. С. 185 – 190.
176. Султангалиева Г. С. Внутренние миграции и взаимодействие народов Западного Казахстана и Южного Урала (XIX–XX вв.) // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. Уфа, 2001. С. 126–134.

177. Султангалиева Г. С. Деятельность башкирских переводчиков и письмоводителей в казахской степи в процессе взаимодействия культур (XVIII–XIX вв.) // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность. Уфа, 2003. С. 264–270.
178. Султангалиева Г. С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – н. XIX вв.). Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2001. 262 с.
179. Султанов Й. Ауылым, Ырыуым, Шәжәрәм, Тәүәрих // Ағизел. 2004. №11. С. 138–183.
180. Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы социальной и этнической истории). М.: Наука, 1982. 131 с.
181. Таган Галимжан. Этнографические заметки о башкирах и других тюркских народах. Уфа: Гилем, 2005. 159 с.
182. Таиров А. Д. Этнокультурные процессы в степях Южного Урала во второй половине 5–4 вв. до н. э. // Российская археология. 2006. №1. С. 7–127.
183. Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М.: Наука, 2009. 344 с.
184. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967. – 538 с.
185. Толстова Л. С. Исторические предания Южного Приаралья. К истории ранних этнокультурных связей народов Урало-Каспийского региона. М.: Наука, 1984. 246 с.
186. Толстова Л. С. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX – н. XX вв. Нукус-Ташкент, 1963. 228 с.
187. Толстова Л. С. Некоторые вопросы ономастики Хорезмского оазиса // Этнография имен. М., 1971. С. 246–254.
188. Толстова Л. С. О некоторых каракалпакско-башкирских фольклорных связях // Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969. С. 181–254.
189. Толстова Л. С. О некоторых каракалпакско-башкирских фольклорных связях // Археология и этнография Башкирии. Т. 4. Уфа, 1971.
190. Томашевская Н. Н. От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирского народа в Новое время. Уфа: Китап, 2002. 240 с.
191. Томашевская Н. Н., Янгузин Р. З. «Новобашкиры»: численность, расселение (XVIII – сер. XIX вв.) // Демография башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа: БГУ, 2002. С. 53–54.
192. Трепавлов В. В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения // Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана. №2. Уфа, 1997. 72 с.
193. Трепавлов В. В. Малая Ногайская Орда. Очерк истории // Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2005. С. 273–311.
194. Труды ОУАК. Вып. 5. Оренбург, 1900.
195. Түләбаев М. С. Үсәргәндәр ере – Ейәнсура. Өфө, 2000. 240 с.
196. Усманова М. Г. Имя отчей земли: Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмары. Уфа: Китап, 1994. 272 с.
197. Фальк И. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук. Т. 6. Записки Путешествия Академика Фалька. СПб., 1894. 446 с.
198. Халитов Р. Я. Гидронимия Оренбуржья (лингвистический анализ). Дисс... канд. филолог. наук. Уфа, 2002.
199. Хисамитдинова Ф. Г. Башкирская ойконимия XVI–XX вв. Уфа, 1996. 301 с.

200. Хөсәйенов Ф. Б. Үсәргән ырыуы шәжәрәһе // Башкирские шежере. (Филологические исследования). Уфа: БФАН СССР, 1985. С. 54–61.
201. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Издание Ученого комитета Министерства государственных имуществ, 1859. 479 с.
202. Черных Е. Н. Каргалы – забытый мир. М.: Изд-во «НОХ», 1997. 177 с.
203. Чибилев А. А. Природа Оренбургской области. Ч. 1. Физико-географические и историко-географические очерки. Оренбург, 1995. 128 с.
204. Шакараим Кудайберген улы. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Алма-Ата: СП Дастан. 1990. 120 с.
205. Шакурова Ф. А. Башкирская волость и община в сер. XVIII–XIX в. Уфа, УНЦ РАН, 1992. 137 с.
206. Шакурова Ф. А. Документы по социально-экономической истории юго-восточных башкир из фонда И. В. Чернова // Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа, 1986. С. 159–167.
207. Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа (Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1975. 242 с.
208. Шаһманов Т. Йыуасалы тигән, ай, ырыу бар // Ватандаш. 2003. № 4. С. 167–124.
209. Шитова С. Н. Народное искусство: войлоки, ковры и ткани у южных башкир (Этнографические очерки). Уфа: Китап, 2006. 200 с.
210. Шитова С. Н. О древних чертах в строительной технике башкир // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983. С. 128–142.
211. Шитова С. Н. Постройки типа землянок у башкир // Культура и быт башкир. Уфа: БФАН СССР, 1978. С. 37–52.
212. Шитова С. Н. Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая половина XIX – первая четверть XX в. М.: Наука, 1984. 252 с.
213. Янгузин Р. З. Башкорт кәбиләләре. Кыскаса тарихи-этнографик очерктар. Өфө, 1998. 96 с.
214. Янгузин Р. З. Рапорт Оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского военному министру А. И. Чернышеву от 1851 года «О быте башкирского народа» // Ядкяр. Вестник АН РБ. Гуманитарные науки. №4. Уфа, 1994.
215. Янгузин Р. З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в 18–19 вв. Уфа: Китап, 1998. 240 с.
216. Яубасаров Х. Ергәйешкәй ер кайза // Ағизел. 1997, №1. С. 162–177.
217. Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Вост. лит, 2001. 190 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Документ 1. *Дело об оставлении башкирина 9-го кантона Идриса Аллабердина с семейством на жительство в деревню Яльчибаеву.*

1847 г.

Господину командующему
отдельным Оренбургским Корпусом

Командующего
Башкиро-Мещерякским корпусом

Рапорт

Управляющий башкирским 9 кантоном представил ко мне общественные приговоры жителей деревень Яльчибаевой и Ишкильдиной первых о согласии оставить у себя на жительство башкирца Идриса Аллабердина с семейством, а последних о неимении к сему препятствий. Причем есаул Давлетшин присовокупил, что Аллабердин ходатайствует о причислении его в Ялчибаеву по той причине, что имеет там родственников, дом и прочее обзаведение, а в Ишкильдиной только записан по ревизии.

Имея честь представить при сем на благоусмотрение Вашего Превосходительства помянутые приговоры, долгом поставляю присовокупить, что по не имению в виду препятствий я полагал бы оставить башкирца Аллабердина на жительство в дер. Яльчибаевой и о перечислении его в оную по ревизским сказкам из Ишкильдиной сообщить в Оренбургскую Казенную Палату; в разрешение чего покорнейше прошу Вашего превосходительства снабдить меня предписанием.

НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5827.

Документ 2. Дело по рапорту Командующего Башкиро-Мещерякским войском о дозволении Сотнику Куватову в числе 39 душ остаться в заведенном ими по р. Губерле хуторе.

5 ноября 1846 г.

Господину Оренбургскому
Военному Губернатору

Командующего Башкиро-
Мещерякским войском

Рапорт

Управляющий 9 Башкирским кантоном довел до моего сведения, что бывшим кантонным начальником майором Бурангулом Куватовым в давнее время был заведен на речке Губерле в 30 верстах от Орской крепости хутор, к которому впоследствии присоединились 37 душ башкир д. Яльчибаевой, почему хутор этот и в настоящее время называется и Бурангуловским и Яльчибаевским; а ныне внук Куватова Сотник Мухаметьюсуп Куватов 4-й и поверенный от Яльчибаевских башкир Мухаметсафа Нурбулатов ходатайствуют об оставлении их на жительство в этом хуторе с наименованием его деревнею Нурбулатовой и с перечислением в оный из прежних деревень по ревизским сказкам; о согласии же на это жителей деревень Бурангуловой и Яльчибаевой, а также прочих селений Усерганской волости, к которой принадлежат просители, что на оставление их при настоящем месте заселения препятствий нет, составлены приговоры.

Имея честь представить Вашему Высокопревосходительству на благоусмотрение прошение сотника Куватова и помянуте общественные приговоры долгом поставляю присовокупить, что по давности заселения просителя и прочих башкир всего 39 душ по 8-й ревизии на хуторы, где имеют они прочное домашнее обзаведение и по не удобствам переводить их на прежние жительства, так как это сопряжено с большим разстройством в хозяйстве, я полагал бы оставя означенные 39 душ при нынешнем заселении с названием деревнею Нурбулатовой, перечислить их туда по ревизским сказкам, в разрешение чего покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство снабдить меня предписанием.

Генерал-майор Жуковский

НА РБ. Ф. 213. Оп. 65. Д. 5660.

Документ 3. Дело по жалобе башкирина Аюпа Ахметова на перечисленных из крепости Орской в деревню Юмагузину татар Сейфуллина с другими, причиняющих земельные стеснения (1849–1852).

18 мая 1849 г.

Господину Оренбургскому
Военному Губернатору

Управляющего Баширо-
Мещерякским войском

Рапорт

Башкирец 9-го ныне 10 кантона, деревни Халилевой Аюп Ахметов, в 1839 г., жаловался бывшему Командующему Башкиро-Мещерякским войском Генера-Майору Цялковскому, что проживающие в Орской крепости и потом причисленные в деревню Юмагузину татары Нигаметулла Сейфуллин с другими поселяясь самовольно в числе 13 домов на принадлежащую просителю с однопоселенцами землю, делаю им в пользовании ею разные стеснения.

По просьбе этой, согласно распоряжения предместника Вашего Высочайшего превосходительства Господина Генерал-Адъютанта Перовского от 16 августа того же года Оренбургский Земский Суд, произвел следствие, по которому открыл, что означенные татары переселены из крепости Орской на Башкирские дачи в 1822 году, по распоряжению Правительства и тогда же перечислены в башкирское звание.

Командовавший в то время войском Полковник Балкашин препроводил разыскание это к Стряпчему 10 Башкирского кантона Ячменеву, предписал узнать от вотчинников башкирцев имеют ли они в настоящее время на перешедших к ним из крепости Орской башкир, и если в чем предъявят, то войти в рассмотрение ее и об открывшемся донести, с объяснением: где означенные переселенцы показываются по ревизским сказкам и значатся ли в сведениях о припущенниках в числе сих последних; или не считаются ли вотчинниками как сами они при разыскании Земским судом доказывали. На это Стряпчий Ячменев донес, что башкирцы деревни Халилевой и ныне объявили на перечисленных из Орской крепости башкир претензию, объяснив, что они распространяя время от времени претензию владениям поземельными угодьями, захватив наконец самые лучшие сенокосные и хлебопахотные места и в большем противу их количестве, как это подтвердилось и по личному удостоверению в этом Ячменева. 2. сказанные татары зачислены в Башкирское войско в 1822 г. в деревню Юмагузину, находящуюся на реке Сакмара, отстоящую от нынешнего заселения татар по рекам Губерлям не менее 60 верст, но с самого зачисления в башкирцы остались житьствовать на настоящих местах без всякого разрешения, как только они показывают, что получили таковое от бывшего Кантонного Начальника Куватова. 3. По ревизии татары эти записаны в деревне Юмагузиной и считаются в числе вотчинников, как-выми показаны и в сведениях о припущенниках.

Так как в рапорте стряпчего Ячменева, при котором представлен и розыск, значится, что татары заселение имеют по рекам Губерлям, и как видно, все эти заселения заключают в себе только 36 душ, то Управляющий войском Подполковник Римин заключая, что татары эти не поселены надлежащим порядком в одной деревне, а вероятно застроились хуторами в разных местах, 29 марта 1845 года поручил Попечителю Подполковнику Егунову лично удостовериться в которм именно или в скольких местах и каком порядке застроились и живут упомянутые татары, по какому праву и случаю, то есть по отводу ли, или самовольно пользуются они поземельными угодьями в ущерб Халилевских Башкирцев, будет ли удобно жтих татар согласно первоначальному распоряжению Начальства, заселить в деревню Юмагузину и не встретиться ли в том никаких препятствий, или окажется ли возможным и удобным соединить их для жительства в одном месте на реке Губерле, в таком случае – в которм именно месте и в каком разстоянии от деревень Халилевой и Юмагузиной.

Подполковник на это донес, что по личному удостоверению его, упоминаемые перечисленные в башкирцы татары и вместе с ними деревни Юмагузиной природные башкирцы, всего в 30 домах, проживая на свободных местах, никакого стеснения Халилевским башкирцам не делают, и что последние предъявляли на них претензию не определительную и без всяких доказательств.

Почтеннейше донося о всем вышеизложенном Вашему Высокопревосходительству, честь имею присовокупить, что по мнению моему во избежание на будущее время своевольства со стороны проживающих особым хутором башкир дер. Юмагузиной, оказывается необходимым перевести их с этого хутора на назначенную для водворения их землю в деревню Юмагузину, на что и осмеливаюсь испрашивать разрешения Вашего Высокопревосходительства.

НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6258.

Документ 4. Дело по представлению начальника 9-го кантона о зачислении в этот кантон из киргиз башкир Исенбая, Калабая и Камышбая Урмановых с товарищами

25.01.1834

Его Превосходительству Оренбургскому Военному
Губернатору Господину Генерал-Адъютанту
и Кавалеру Перовскому

Начальника 9-го башкирского
кантона есаула Куватова

Вверенного мне кантона башкирцы, живущие в деревнях: Утягуловой – Исанбай, Калабай, Камышбай Урмановы; Яльчибаевой – Тлявли Манбетов;

Кузеньковой – Ишкения Карсаков, Абишевой – Туржу, Нугайты Асыев; Идельбаевой – Уразбай Янаев; Кидрячевой – Байгузя Мусульманов и Гумеровой – Тазикбай Назырбаев подали ко мне прошение, что, будучи они из киргизского происхождения, по желанию их, с разрешением Главного начальства с давнего времени были причислены в разные годы на жительство в означенные деревни, в сословие башкирцев, и ныне имеют совершенную оседлость со своими семействами в оных деревнях в продлении по переселению жительства их в башкиры наравне с прочими отправляли службу и все повинности, но юртовый старшина их при производстве ныне 8-й народной переписи в сказки ревизские, как самих, так и семейства их вносить имеют опасение; принимая сомнение в том, что о причислении оных не имеют в виду предписаний, оставляя их и от всех взысканий повинностей, каковые до сего времени старшинами взыскивались.

По учинении мною в делах кантонных выправки оказалось, что прописанные выше башкирцы проживают в вверенном мне кантоне с давнего времени имеют уже по связи супружества родственников из природных Башкирцев. И из них Тлявли Манбетов, Тезикбай Назырбаев, Исанбай Урманов неоднократно находились в летних службах. Уразбай Янаев в 1812 году в армии в составе 7-го башкирского полка в действительных сражениях против французских войск в 1813–1814 г.г., также и на летних службах в разные годы, Калабай Урманов в 1814 году в числе прочих в городе Москве под командованием дистанционного начальника Арсланова, а Туржу и Нугайту Асыевы имеют родных братьев Аиткула, Сарымчака и Киддигула Асыевых, числящихся по 7-й ревизии, кои утверждают, что братья их Туржу и Нугайту перешли на жительство хотя и в молодых летах но в одно время с ними, что подтверждали и жители деревни Абишевой. Байгузя Мусульманов по неспособности на действительной службе не был но отправлял внутреннюю по кантону. Встречающиеся о причислении их предписания в кантонных делах не оказалось. Полагательно, по каким-либо случаям от перехода дел при перемене кантонных начальников затеряны как иже неоднократно подобно сему открывалось, также и в ревизских сказках по 7-й народной переписи пропущены оные ниотчего другого как от невнимания старшин как бы и ныне могло случится по неимению ввиду непричисления их предписаний и непредварению самих же просителей, но в подробности открыть непоказание в ревизии за смертью прежних юртовых старшин невозможно. А как помянутые башкирцы имеют немалые семейства и всю домашнюю экономию и желают состоять в башкирском сословии, просят о помещении их в ревизию моего содействия (...) привосокупляю, что прописанные башкирцы поведения хорошего...

НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3632.

История деревни Старохалилово (Халилово, Байказак)

Башкирские деревни в прошлом часто меняли как место расположения, так и название, а зачастую имели по несколько названий. В документах XVIII – начала XX вв. деревня Байказак фигурирует под названием Халилово, происходившем от имени Халила Бузгина – отставного походного старшины, поселившегося хутором на реке Губерле [НА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 195]. Имя Бузгы – отца Халила – сохранилось в шежере Ильбактиных, в которое вошли родословные большинства семей д. Байказак. Хутор Бузгов, состоящий из двух дворов, встречается в списке населенных пунктов объединенных 7-ми башкирских волостей 1795 г. [Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. Асфандияров А. З., Абсалямова Ю. М., Роднов М. И. Уфа, 2001. С. 82]. В XVIII–XIX вв. состоятельные семьи башкир поселялись хуторами на родовых землях; на хутор выезжала только работоспособная часть семьи и наемные работники, старики и дети оставались в основной деревне.

Название Байказак деревня получила также по имени ее жителя – указного муллы Байказака Абишева (1769 г. р.). По данным переписи 1816 года, он проживал в деревне Абишево (ныне Хайбуллинский район РБ), тогда ему было 47 лет. А по переписи 1859 года, его потомки уже живут в деревне Халилово (Байказак). Таким образом, название Байказак стало употребляться не раньше начала XIX века. Однако в официальных документах деревня продолжала называться Халилово. Возможно, смена названия была связана с переселением деревни вниз по р. Губерле на 1 км. Такое явление было частым у башкир: даже незначительное изменение в расположении деревни, вызванное изменением русла реки или другими причинами, сопровождалось сменой ее названия.

В 1879 году одиннадцать хозяйств отделились от деревни Халилово, обосновавшись в четырех километрах ниже по течению реки Губерли. Новое поселение получило название Малохаилово, а за прежней деревней закрепилось название Старохаилово. Неофициальное название ее Ахун связано с тем, что в ней проживал ахун (глава мусульманского духовенства) 3-й Усерганской волости Орского уезда Оренбургской губернии Мухаметгалей Ильбактин. Весной 1913 г. на землях губерлинских башкир была проложена железная дорога Оренбург–Орск, и в пяти километрах от деревни Халилово основана железнодорожная станция, которой дали ее название – Халилово.

* * *

Раньше башкирские земли простирались далеко на юг, за реку Урал (Яик). В ежегодных перекочевках башкиры достигали рек Эмбы, Ори. Однако с появлением здесь казахов Младшего Жуза и строительством Оренбургской пограничной линии башкиры были вынуждены ограничить свои кочевья

правобережьем р. Яик. В 1734 г. организована Оренбургская экспедиция, целью которой было строительство системы укреплений на юго-восточных границах башкирских земель. 15 августа 1735 г. началось строительство города Оренбурга, место которому первоначально было отведено в устье реки Ор (левый приток реки Яик), там, где сейчас находится город Орск. Это стало одной из главных причин башкирского восстания 1735–1740 гг.: с постройкой города на устье Ори и пограничной линии башкиры навсегда потеряли бы возможность вернуть свои южные пастбища. По свидетельству П. И. Рычкова, башкиры приняли решение «всеми силами противиться и город Оренбург строить не давать». Во время подавления восстания многие башкирские деревни были выжжены карательными отрядами. В это время запустели губерлинские степи, деревни были уничтожены, их жители бежали в труднодоступные горнолесные районы, в основном, в родственные деревни современного Хайбуллинского района. Восстание получило в народе название «Акай яуы» по имени одного из предводителей Акая Кусюмова. Местные жители приписывают сарматские курганы, находящиеся посреди пашни недалеко от деревни погибшим во время «Акай яуы». До сих пор при проведении полевых работ их стараются не задевать.

Спустя некоторое время башкиры вновь вернулись на свои родовые земли. Точную дату основания деревни установить невозможно из-за отсутствия документальных источников. Однако, известно, что в 1765 г. она уже существовала (см. работу Хисамитдиновой Ф. Г. «Башкирская ойконимия XVI–XX вв.». Уфа, 1996).

Земли башкир деревни Халиловой ранее достигали реки Яик (Урал): такая площадь была необходима для ведения полукочевого скотоводства, когда в течение лета башкиры несколько раз меняли место кочевки по мере использования пастбищ. Но после строительства Оренбургской пограничной линии башкиры продолжали терять свои земли. В начале XIX в. часть халиловской (байказакской) земли заняли татары Орской крепости и башкиры д. Юмагузиной (ныне 2-е Юмагузино/Беләүтамак Кувандыкского района). В 1839 г. Аюп Ахметов из д. Халиловой написал жалобу на имя командующего Башкиро-мещерякским войском генерал-майора Циолковского, в которой сообщалось, что «проживавшие в Орской крепости, а потом причисленные в д. Юмагузину татары Нигаметулла Сейфуллин с другими, поселясь самовольно в числе 13 домов» на принадлежащую башкирам д. Халиловой землю, «делают им в пользовании ею всякие стеснения». В ходе разбирательства выяснилось, что эти татары переселились на башкирские земли из Орской крепости в 1822 г. по распоряжению правительства и тогда же были «причислены в башкирское звание» (в то время башкиры были не только народом, но и сословием, имевшим определенные льготы при пользовании землей, из-за чего другие народы записывались башкирами). Дело получило развитие только в 1849 г.: башкиры по-прежнему жаловались, что переселенцы, «рас-

пространяя время от времени владения поземельными угодьями захватили наконец самые лучшие сенокосные и хлебопахотные места». При выяснении обстоятельств дела оказалось, что татары Орской крепости были причислены в д. Юмагузину, расположенную в 60 верстах от занимаемого ими места, но там никогда не жили. Они обосновались в месте слияния рек Губерля и Сухая Губерля без официального разрешения. В 1845 г. попечитель подполковник Егунов, которому было поручено на месте разобраться со всеми обстоятельствами дела, докладывал, что упомянутые татары и вместе с ними «деревни Юмагузиной природные башкирцы» в количестве 30 домов проживают на свободных местах и никаких стеснений халиловским башкирам не делают. Был поставлен вопрос о переселении татар в д. Юмагузину, в которой они числились по документам. Однако видимо дело вновь затормозилось, и по прошествии семи лет начальник 10 башкирского кантона докладывал, что жители д. Халилово «претензию свою оставили», так как «означенные татары находятся от деревни Халиловой в дальнем разстоянии и что заведенный ими хутор в последствие времени переименован в деревню Узенбаеву» (в 1853 и 1858 гг. в Узенбаеву из 2-й Юмагузиной причислены еще несколько семей [см. Приложения. Документ 4. НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 6258]).

* * *

Административно деревня Халилово в начале XIX в. входила 4-ю юрту Усерганской волости IX башкирского кантона, затем – в 3-ю Усерганскую волость Орского уезда Оренбургской губернии. В 1834 г. в деревне проживало 153 мужчин и 126 женщин, в 1859 – 180 мужчин и 186 женщин. С 30 мая 1927 года деревня вошла в состав Новопокровского района (с 14 мая 1928 года – в Оренбургский округ) Средне-Волжского края, с марта 1931 года – в Орский район этого же края; 7 декабря 1934 года – в Халиловский район (в 1960 г. после переноса административного центра в поселок Гай переименован в Гайский) в составе Малохалиловского сельсовета. С февраля 1963 по январь 1965 года деревня входила в Кувандыкский район в составе Халиловского поселкового Совета, после вновь вошла в состав Гайского района.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдулгани Куватов 116
Абулхаир 79
Акай Кусюмов 152
Акбулат Ишемгулов 81
Акназар-хан 71
Акул Биктимир улы, кантонный
начальник 82
Алгышай Назаров, башкир Усергенской
волости 19
Ал-Масуди 16
Алтакар, ногайский мурза 71
Алтынбай Бусурманов 87
Аманьюл Кашинов 80
Асетовы Туржу, Нугайту, Аиткул,
Сарымчак, Килдигул 150
Ахмед Ибн-Фадлан 16
Ахметов Аюп 148, 152

Б

Бабсак 32
Бабсак-бей 32
Байгузя Мусульманов 150
Байказак Абишев, мулла 151
Балкашин, полковник 148
Баракат Давлетов 105
Басман-хан 71
Бикбов Сеюшев, старшина Усерганской
волости 24
Бикжанбет Ильясов, сотник 82
Бикмухамет Токтагулов 89
Бурангул Куватов, кантонный начальник
87, 147

В

Вараксин, капитан, командующий
Сакмарской дистанцией 73
Волков Д., оренбургский губернатор 113

Г

Голицын А.В., князь 76

Д

Давлетшин, есаул 146
Дайчин тайша 75
Динбай бин Исмаил, ногайский мурза 71

Е

Егунов, подполковник, попечитель 149
Енали Булгайров 81

Ж

Желябужский Г.И., уфимский воевода 75

З

Зиенбика Илчегулова 94, 113

И

Идрис Аллабердин 146
Идукай, хан 72
Ильбактин Давлеткул 64
Ильбактин Мухаметгалий, ахун 3-й
Усерганской волости 64
Исанбай Урманов 150
Исхак Бикбов, старшина Усерганской
волости 81, 82
Исянгул Мухаметжанов 89
Ишкения Карсаков 150
Ишкильды Асянов 67
Ишкинин Ишберды, хорунжий 66

К

Казанбай Юлдыбаев 82

Казбика Айсина 80
Калабай Урманов 150
Канчура Мункеев 94
Карпи Ярлыкапов 81
Касимгул Тюлькин 81
Кауфман А.А., член Ученого
комитета Министерства земель и
государственной инспекции 91
Кидрас Муллакаев, старшина 71, 86
Килдыш, башкир Кайсирской волости 19
Кириллов И.К. 19, 79
Куват Кинзягулов, старшина Усерганской
волости 24, 80
Куватов, начальник 9-го кантона 87, 148
Кунак-тархан 40
Курман Затыбаев 87
Кусюмов Акай 152
Кюль-тегин 48

М

Мансуров, поручик Уфимской
Провинциальной канцелярии 81
Миргали Байгулов 105
Муйнак Сулейманов, старшина
Усерганской волости 24
Муитен-бий 17, 32, 34, 38
Мулют Яманчурин, старшина
Усерганской волости 100
Мурат Апталов, батыр 82
Мухаметамин Абубакиров 87
Мухаметгалий Ильбактин, ахун 3-й
Усерганской волости 151
Мухаметжан Куватов, сотник 9-го
кантона 105
Мухаметрахим Абдрешитов 94
Мухаметсафа Нурбулатов 147
Мухаметша Усинов 89
Мухаметшарип Катлин 89
Мухаметьюсуп Куватов, сотник 147

Н

Неплюев И.И. 79
Нигаметулла Сейфуллин 148, 152
Нигматуллин, мировой посредник 3-го
участка Оренбургского уезда 102

Ниязбек Исенбаев 80

О

Обручев В.А., оренбургский губернатор
113
Останков Г., майор 61

П

Перовский В.А., оренбургский генерал-
губернатор 87, 148
Приезжев, дворянский заседатель
земского суда 100

Р

Римин, подполковник, управляющий
войском 149

С

Сабыр Кутлубеков, батыр 82
Сагит Кильдибаев 94
Садык Янтемиров 116
Салтан Арасланбеков, башкир Дуванской
волости 19
Сеит Аитов сын Халялин 92
Серке-батыр 89

Т

Тазикбай Назырбаев 150
Тайгыш Алимгулов 88
Тлявли Манбетов 149, 150
Токта Юлдыбаева 80
Туктамыш-хан 32
Тунгаур-хан 49
Туртуган Кутлубаев 87
Тюлюбай Кильчинбаев, сотник 82

У

Уразбай Янаев 150
Урмановы, Исенбай, Калабай, Камышбай
149
Усенгул Салыков, башкир Катайской
волости 19

Усерган 31, 38, 39
Утегул Канчурин 81
Утягул Мусакаев 86

Х

Хайрулла Яныбаев 89
Халил Бузгин, походный старшина 151

Ц

Циалковский, генерал-майор, командую-
щий Башкиро-мещерякискм войском
148

Ч

Чингисхан 17, 32, 34, 38

Ш

Шеих-Мамай 71

Ю

Юлдыбай Булатов 82
Юлумбет-батыр 89

Я

Яикбай Янгулов 105
Якшибай Мукасев 105
Янтышев Шарип 67
Ячменев 148
Ячменев, стряпчий 10-го кантона 148

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдулнасырово, дер. 48
Абзаново, дер. 38
Абишева, дер. 41, 51, 66, 67, 87, 108, 114, 150, 151
Абубакирова, дер. 8, 40, 41, 46, 66, 67, 89, 106, 108
Агурда, дер. 41
Адамовский, р-н 4, 78
Ай, р. 70
Айгирьял, гора 72
Айыулы, дер. 41
Акбулатова, дер. 22, 38, 41, 65, 83, 93, 104, 108
Акзигитово, дер. 38, 67
Акназарово, дер. 41
Актюбинская, обл. 85, 96
Актюбинский, уезд 78, 85
Акчура, дер. 20, 40, 41, 53, 66
Акчурина, дер. 12, 108
Акьюлово, дер. 41, 65, 66
Алабайтал, с. 77, 93
Алабайтальский, отряд 77
Александровский, р-н 14
Алимбетовка, р. 54, 88
Алчинбаево, дер. 40
Альшеевский, р-н 31
Амирова, дер. 92
Амударья, р. 31, 33
Аралбай, дер. 41
Арслангулова, дер. 66, 80, 99, 108
Ар-Усерганская, волость 24
Асегуллы, оз. 108
Аскарново, дер. 40, 41, 68, 86
Ассель, р. 19
Асселя, дер. 93
Астрахань, г. 73
Атинган, с. 20
Ахун, дер. 64, 109

Б

Байдавлетово, дер. 41, 49
Байказак, дер. 12, 50, 51, 52, 64, 88, 99, 119, 151
Байказаквы хутора 114
Баймакский, р-н 20
Байназарова, дер. 40, 107, 108
Баишево, дер. 67
Банная, станица 85
Баракал, р. 39
Барангулово, дер. 41, 51, 68, 93
Башкалган, дер. 20
Бектимирова, дер. 108
Белая, р. 17, 19, 32, 38, 42, 44, 70, 71
Белегуш, р. 108, 109
Белошапка, дер. 48, 49
Беляевский, р-н 15, 43, 72, 85, 93
Бикбау, дер. 21, 41, 50, 66
Бикбердина, дер. 40, 107, 109
Бикбова, дер. 45, 114
Бикташево, дер. 40, 51, 53, 106
Биктимирово, дер. 47, 109, 125
Бишей-елга, р. 38
Бишей-куак, р. 38
Бляутамак, дер. 54
Бляу-Ялчибаево, дер. 67
Большое Арслангулово, дер. 41
Большое Чураево, дер. 107
Ботороз, дер. 66
Бугульма, г. 92
Бугуруслан Большой, р. 52
Бузавлык, р. 39
Бузгов, хутор 151
Бузулукский, уезд 47
Букатерь, дер. 65
Букеевская, губерния 8
Булгаково, хутор 93

Бурагулово, дер. 52, 53, 54, 64, 106
Бурангулова, дер. 12, 22, 41, 65, 68, 83, 93,
105, 108, 147
Бурансы, дер. 72
Бурзян, гора 52
Бурзян, р. 52
Бурзян-Кипчакская, волость 8
Бурзянская, волость 30, 61, 67, 81, 82, 104,
114
Бурка-тау, гора 109
Бурлы, р. 94
Бурлай-Баш, р. 108
Буртя, р. 99
Бухарча, р. 52
Бушман-Кипчакская, волость 67, 114

В

Валитово, дер. 48
Верхнее Галеево, дер. 41
Верхненазаргулово, дер. 40, 65, 99, 107
Верхнеозерная, крепость 83, 85, 100
Верхнесалимово, с. 20
Верхнеуральск, г. 85
Верхнеуральский, уезд 7
Верхнеутягулово, дер. 40, 66
Верхние и Нижние Чебеньки, дер. 92
Верхние Чебеньки, дер. 88
Верхний Санкем, дер. 47
Верхняя Чебакла, дер. 8
Верхо-Яицкая, пристань 90
Воздвиженская, крепость 73, 74, 90, 92, 93
Волга, р. 3, 15, 33, 76
Воронежская, губ. 91
Вятская, губ. 11

Г

Габбасово, дер. 51
Гадель, дер. 48
Гай, г. 29, 153
Гайнуллино, дер. 93
Гайский, р-н 3, 4, 7, 8, 10, 12, 14, 20, 29, 30,
39, 40, 41, 46, 49, 51, 53, 61, 64, 65, 66, 67,
74, 76, 83, 88, 91, 93, 95, 115, 116, 117,
122, 153
Галикеево, дер. 41
Гарей-Кипчакская волость 46
Гирьял, с. 72, 77

Гирьялская, станица 77
Гирьяльский, редут 92, 95
Григорьевский хутор 49
Губерлинская, крепость 90, 100
Губерлинская, станица 85
Губерлинские горы 20, 66, 97, 104
Губерля Сухая, р. 153
Губерля, дер. 147, 148, 149
Губерля, р. 4, 20, 39, 66, 67, 96, 147, 149,
151, 153
Гумерово, дер. 14, 41, 65, 67, 87, 93, 106,
107
Гурьев городок 90

Д

Дема, р. 45
Демократическая, волость 8, 26
Джанаталап, пос. 14
Джусалы, р. 52
Днепр, р. 15
Домбар, р. 85
Домбаровский, р-н 4, 14, 78
Дон, р. 14
Донское, отряд 77
Донское, с. 77
Дубиновка, станция 74
Душа-Клиряк-Тапкан, р. 108

Е

Екатеринославская, губ. 91
Елаир (Зилаир), р. 19
Елан-Усерганская, волость 24
Емба, р. 75
Ерекле, дер. 53
Ереклы, р. 109

Ж

Желтое, с. 74, 92, 93
Желтый, редут 73, 74, 92, 93

З

Зай, р. 71
Зелаирская, крепость 81

Зианчурино, дер. 29, 41, 64, 65, 68, 93, 97, 101
 Зианчуринский, р-н 8, 11, 20, 30, 34, 37, 38, 39, 41, 44, 45, 46, 49, 50, 66, 67, 76, 96, 99
 Зилаир, р. 19, 41, 42, 81
 Зилаирский, кантон 8
 Зилаирский, р-н 20, 30, 48, 49, 66, 77
 Зилим, р. 44

И

Ибрагимово, дер. 12, 40, 41, 51, 66, 83, 109
 Ивановка, с. 20
 Идельбаево, дер. 7, 12, 22, 45, 46, 47, 87, 88, 107, 150
 Идяш, дер. 67
 Идяш, р. 44
 Ижберда, дер. 20, 66
 Ик Большой, р. 44, 45
 Ик, Большой и Малый, р. 30
 Ик, р. 19, 21, 32, 42, 44, 45, 70, 73, 94, 109
 Илек, р. 3, 15, 17, 18, 19, 21, 71, 75, 78, 81, 99, 100
 Илекский, р-н 14
 Илецкая защита, крепость 41
 Ильинская, крепость 83, 90, 100
 Ильинская, станица 85, 100
 Ильяс-Мусино, дер. 107
 Илячево-Турат, дер. 10, 41
 Имән-карауыл, гора 20
 Иргиз Большой, р. 52
 Иргиз, р. 17, 99
 Иргизский, уезд 78
 Ирек, с. 74
 Ирендык, хребет 97
 Иртыш, р. 17, 32, 43, 46, 48, 75
 Исянгильдино, дер. 48
 Итиль (Идель, Волга), р. 45
 Ишанова, дер. 68
 Ишбердино (Ижберда), дер. 8, 12, 20, 40, 49, 52, 65, 106, 108
 Ишим, р. 17, 32
 Ишкильдино, дер. 22, 39, 41, 67, 146
 Ишкинино, дер. 12, 39, 41, 64, 67, 83, 108
 Ишмуратово, дер. 12, 22, 45, 47, 48, 49, 51, 65

Ишмухаметово, дер. 41

К

Кабанкино, дер. 47, 93, 109
 Кабаново, дер. 8, 45, 108
 Кадырша, дер. 41
 Казанбаш-карагай, гора 21
 Казанская, губ. 5, 7, 71, 73, 92, 94
 Казанский, уезд 76, 92
 Казань, г. 72, 75, 92
 Казахская, ССР 8
 Казлаир, р. 108
 Каипово, дер. 29, 41, 65, 68
 Калмак-караул, гора 76
 Калман, дер. 51
 Калпацкая, станица 85
 Кама, р. 3
 Камалек, р. 17
 Камышгузяк, р. 48
 Канзафарово, дер. 41
 Канчерово, дер. 40, 48
 Канчурино, дер. 47, 73
 Канчуровская, волость 8
 Карагай, р. 109
 Карагайлы, р. 85
 Карагаш, р. 73
 Карагузино, дер. 8, 45, 93, 108
 Караелга, р. 18, 83, 96, 108
 Кара-Кипчакская и Усерганская волость 47
 Кара-Кипчакская, волость 7, 46, 67, 73, 94, 104, 114
 Каракөсөк, дер. 51
 Каралык, р. 17
 Каратау, гора 85
 Каратун, дер. 46
 Карауыл-тау, гора 20
 Карауыл-түбә, хребет 20
 Каргала, р. 92
 Каргалинская (Сеитова) слобода 92
 Каргалы, дер. 93
 Карт-Кулуч, р. 109
 Карьян, дер. 41
 Касмарт (ка), р. 4, 30, 32, 39, 41, 42, 44, 73, 96, 100

Катайская, волость 19
Катралы, р. 4, 96
Кашкар, дер. 77
Каялы, р. 4, 66, 108, 109
Кваркенский, р-н 4, 14, 78
Кзыл-Орда, г. 8
Кидрясово (Кидрячева), дер. 8, 41, 54, 68, 87, 106, 150
Киевская, губ. 91
Кизил, р. 75
Кизилская, станица 85
Кизляр, г. 73
Кильсенбаево, дер. 41
Киндерля, р. 96
Кинель, р. 52
Кипчакская, волость 7, 11, 47, 72, 86, 100, 113
Кипчакский, кантон 8
Киялы, Большая и Малая, р. 108
Киялы-Буртя, р. 96
Кондуровка, с. 73
Кондуровская слобода 73, 74, 77
Косистек, гора 85
Косистек, р. 85
Котлоюл-Ийуасалы, дер. 51
Көсөк, дер. 51
Красногорская, крепость 83, 90
Крепостной Зилаир, р. 39, 66
Кубань, р. 73
Кувандык, г. 16, 29
Кувандык, р. 81
Кувандыкская, волость 8
Кувандыкский, р-н 3, 4, 7, 8, 9, 10, 12, 29, 30, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 52, 54, 61, 64, 66, 67, 68, 72, 74, 76, 78, 83, 85, 86, 88, 91, 93, 95, 97, 101, 111, 115, 117, 123, 152, 153
Куват, дер. 86
Кузенякова, дер. 87
Кулберды, дер. 66
Кулберды, р. 109
Кульчумово, дер. 8, 45, 93, 108, 109
Кума, р. 73
Кума, р. 14, 47, 85, 97
Кунак, дер. 40, 66
Кундурча, р. 16
Кураган, р. 4, 67, 96

Курганская, обл. 3
Куруил, р. 39, 96
Куруильская, волость 8
Кускар, дер. 41
Кустанайский, уезд 78
Куюргазинский, р-н 51

Л

Лылово, с. 109

М

Мазитово, дер. 50
Малоабишево, дер. 41, 66
Малое Арслангулово, дер. 41
Малохалилово, дер. 12, 40, 51, 53, 64
Мало-Чураево, дер. 40, 53, 88, 107
Мамбетеево, дер. 40, 49, 81
Матраево, дер. 49
Медногорск, г. 29, 30, 48
Мендим, р. 42
Миртирек, дер. 53
Мрясово, дер. 54
Мугоджары, г. 96
Муйнак, Верхний, Средний, Малый, дер. 34
Муйнак, дер. 34, 67
Мухамедьярова, дер. 68, 93
Мухамет-Шарипово, дер. 8
Мырзалар, дер. 48

Н

Назаргулово, дер. 52, 107, 108
Назарова, дер. 45, 108, 115
На(у)рбулатово, дер. 12, 39, 41, 53, 65, 67, 89, 94, 106, 108, 109, 147
Нижеаскарово, дер. 41, 45
Нижеутягулово, дер. 66, 107
Нижние Чебеньки, дер. 83
Нижний Санкем, дер. 47
Никитинка, с. 74
Никитинский, редут 73, 74, 92, 93
Николаевская, губ. 91
Никольский, редут 92
Новая Каргала, дер. 95

Ново-Аккермановка, с. 14
 Нововоронеж, пос. 12
 Ново-Гафарово, дер. 47
 Новогумерово, дер. 93
 Новоказанка, дер. 48, 49
 Новоорский, р-н 4, 14, 43, 78
 Новопокровка, с. 20
 Новопокровский, р-н 153
 Новосакмарск, дер. 20, 37
 Новосергиевский, р-н 54
 Новотроицк, г. 29, 30
 Ногайская дорога 24
 Нор, дер. 66
 Нор-Нурмухаметово, дер. 66
 Нутуш, р. 47
 Нурмухаметово, дер. 41

О

Озерная, крепость 73, 90, 94
 Октябрьский, р-н 14
 Ольгополька, дер. 49
 Оренбург, г. 8, 19, 52, 61, 72, 90, 92, 152
 Оренбургская, губ. 3, 7, 8, 11, 73, 74, 90, 91, 94, 100
 Оренбургская, обл. 3, 4, 5, 7, 8, 9, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 22, 29, 30, 37, 39, 41, 43, 54, 65, 67, 85, 88, 89, 90, 92, 96, 97, 121, 124, 127, 151, 152, 153
 Оренбургская, провинция 24
 Оренбургский, кантон 114
 Оренбургский, округ 153
 Оренбургский, уезд 7, 22, 25, 67, 88, 91, 102, 104, 114
 Орловская, станица 85
 Орск, г. 14, 15, 29, 30, 66, 152
 Орская, крепость 41, 71, 80, 81, 90, 100, 147, 148, 152, 153
 Орская, станица 7
 Орский, р-н 153
 Орский, уезд 7, 8, 22, 23, 24, 90, 91, 104, 106, 114, 115, 116, 117, 151, 153
 Орь, р. 5, 14, 17, 18, 19, 52, 53, 55, 61, 66, 71, 75, 79, 85, 90, 97, 99, 151, 152

П

Пензенская, губ. 91
 Пермская, губ. 11
 Пермская, обл. 3
 Пермь, г. 75
 Письмянка, р. 96
 Подгорное, дер. 74
 Поим, дер. 20
 Поимская, волость 8
 Пречистенская, крепость 90
 Псянчино, дер. 45, 46, 53, 88, 106

Р

Райманово, дер. 8, 40, 41, 65, 83, 108, 109
 Рысаево, дер. 41, 45, 47, 49, 65, 68, 76, 89
 Рыскулово, дер. 12, 45, 51, 68, 93, 108, 109

С

Сабаклы, дер. 12, 53, 64, 86
 Сакмара, р. 4, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 30, 32, 41, 42, 44, 45, 47, 48, 66, 67, 71, 72, 73, 75, 90, 92, 94, 96, 97, 98, 102, 104, 113, 123, 125, 148
 Сакмар-Назаргулово, дер. 40, 41
 Сакмарский городок 92, 113
 Сакмарский, р-н 42
 Салиховская, волость 7, 26
 Салмыш, р. 32
 Самара, г. 3, 15, 90
 Самара, р. 19
 Самарская, волость 8
 Самарская, обл. 3, 16, 17, 52
 Сангырлу, р. 81
 Сара, дер. 20
 Сара, пос. 39
 Сара, станция 39
 Саракташ, г. 16
 Саракташский, р-н 3, 4, 7, 8, 10, 12, 24, 29, 32, 40, 41, 42, 43, 44, 47, 48, 51, 64, 73, 74, 83, 86, 91, 92, 93, 95, 100, 108, 115, 117, 123, 125
 Саратов, г. 3
 Саратовская, губ. 91
 Саратовская, обл. 3, 17
 Сар(ы)баево (Сарбай), дер. 20, 41, 45, 64, 89, 99, 106

Сары, дер. 64, 67
Сары-кая, дер. 38
Сатрай, гора 44
Свердловская, обл. 3
Светлинский, р-н 4, 78
Свияжский, уезд 92
Сеитовская слобода 92, 94
Семипалатинская, губ. 8
Семиродная, волость 114
Симбирская, губ. 91
Сиргул, дер. 67
Смаково, дер. 48
Сок, р. 16
Среднеаскарово, дер. 41, 45
Средневожский, край 8
Старохапилово, дер. 20, 40, 53, 76, 114
Сувар, р. 32
Сукрак, дер. 48
Султан, дер. 48
Султанбаево, дер. 41, 47, 65, 68, 93, 106
Сунарчино, дер. 12, 47, 65, 68, 88, 93, 100, 108, 109
Сурень Большой, р. 49
Сурень, Большой и Малый, р. 19, 72
Сурень, р. 38, 41, 44, 67
Суртанлы, дер. 74
Суундук, р. 14
Суун-Кипчакская, волость 67, 114
Сыва, р. 3
Сырдарья, р. 16, 31, 33, 51, 83, 84
Сыртинская, станица 85

Т

Тазая, гора 72
Тазларово, дер. 50
Таласы, р. 109
Тамбовская, губ. 91
Тамьянская, волость 67, 114
Таналык, р. 19, 30, 39, 48
Таналыкская, крепость 41, 48, 100
Таналыкская, станица 85
Танатар, дер. 54
Тангаурская, волость 30, 104
Татырузяк, р. 48
Ташла, р. 39

Ташлы, р. 109
Таштутай, дер. 48
Таш-Уйган, р. 108
Терек, р. 73
Тереклинская, крепость 41
Тереклинская, станица 85
Тәкә-тау, гора 21
Тимашау, р. 108
Тишпек-тау, гора 21
Тлявгулово, дер. 38, 41, 65, 68, 93
Тобол, р. 3, 17, 32, 75, 78, 85
Ток, р. 3, 17, 32, 45, 51
Троицкий, уезд 7
Тунгаур, р. 49
Тунгаурская, волость 48
Турат, гора 48
Тургайская, губ. 8
Тургайская, обл. 85
Тургайский, уезд 78
Тюмень, г. 75

У

Увельская, станица 85
Узенбаева-вотчинников, дер. 68
Узенбаева-припущенников, дер. 68
Узенбаево, дер. 8, 40, 65, 66, 67, 68, 93, 107, 153
Узень, Большой и Малый, р. 52
Узень, р. 52, 72
Уилский, р-н 85
Улмыс-Ульган, р. 108
Ултырак, дер. 41, 66
Улутова, гора 72
Умбетово, дер. 21
Уптуллы, р. 108
Уразкузя, гора 72
Уральская, губ. 8
Уран, Большой и Малый, р. 3, 17, 32
Ургинка, дер. 51
Урта Буре, дер. 41
Урысбай, дер. 41, 54, 66
Усерган, дер. 48
Усерганская, 1-я и 3-я волости 26
Усерганская, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я волости 7
Усерганская, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 8-я и 10-я, волости 26

Усерганская, 1-я, волость 7, 26, 91, 102, 106
 Усерганская, 2-я, 3-я, 4-я, волости, 102
 Усерганская, 2-я и 3-я, волости 117
 Усерганская, 2-я, волость 7, 24, 25, 26, 91, 102, 106, 115, 117
 Усерганская, 3-я и 4-я, волости 106
 Усерганская, 3-я, волость 7, 24, 25, 26, 91, 102, 106, 107, 115, 117, 151, 153
 Усерганская, 4-я, волость 7, 25, 26, 102, 106
 Усерганская, 5-я, волость 7, 91
 Усерганская, 6-я, волость 7
 Усерганская, волость 7, 8, 10, 11, 19, 24, 30, 46, 47, 48, 49, 53, 61, 64, 67, 72, 80, 81, 82, 87, 91, 94, 100, 101, 102, 104, 113, 114, 147, 153
 Усерганский, кантон 7, 8, 26
 Усерган-Хайбуллинская, волость 8
 Ускалык, р. 19
 Утарбай, дер. 41, 66
 Утягулова, дер. 87, 109, 149
 Уфа, г. 9, 75
 Уфимская, губ. 7, 91
 Уфимская, провинция 3, 7, 24, 81
 Уфим(н)ский, уезд 5, 18, 75, 76
 Уфимское наместничество 7, 92

Ф

Федоровская, волость 8
 Федосеевка, дер. 20
 Филипповка, с. 14

Х

Хабарная, станица 85
 Хабарное, с. 14
 Хайбулла, дер. 41
 Хайбуллинский, р-н 8, 11, 20, 30, 38, 39, 40, 41, 48, 54, 64, 65, 66, 67, 96, 99, 151, 152
 Халило(е)ва, дер. 64, 65, 66, 68, 89, 108, 109, 148, 149, 151, 152, 153
 Халилово, станция 151
 Халиловский, р-н 153
 Херсонская, губ. 91
 Хэмзэ, дер. 53

Ч

Чанким-Биктимирово, дер. 8, 29, 45, 47, 51, 68, 87, 93, 94, 100, 108
 Чанким-Кипчакская, волость 68, 114
 Чебакла, р. 108, 109
 Чебаблино (Чебаклы), дер. 65, 88, 108, 117
 Чебаклы Нижняя, дер. 8
 Чебеньки, р. 108
 Чеботаревская, волость 8
 Челябинская, обл. 3, 96
 Челябинский, уезд 7
 Черкасская, губ. 91
 Черкасский, хутор 8
 Чертанлы, р. 93
 Чесноковка, дер. 92
 Чижи, р. 52, 72
 Чижинские разливы 71
 Чиригулово, дер. 38
 Чулпан, дер. 74
 Чураево, дер. 12, 20, 40, 49, 64, 66, 88, 89, 108

Ш

Шайтантау, хребет 97
 Шалкарский, р-н 85
 Ше(и)шма, р. 71, 74

Э

Эмба, р. 5, 17, 19, 21, 54, 71, 75, 96, 99, 151
 Этбай, дер. 51
 Этбак, дер. 51
 Этбармас, дер. 51
 Эткол, дер. 51

Ю

Юлгутла, дер. 74
 Юлгутлина, дер. 41, 65, 68, 72, 93, 116
 Юлгутлина-вотчинников, дер. 68
 Юлгутлина-припущенников, дер. 68
 Юлдашево, дер. 51, 67
 Юлдыбаево, с. 20
 Юмагузина, дер. 66, 148, 149, 152, 153
 Юмагузино, 1-е, дер. 40, 53, 66, 108

Юмагузино, 2-е, дер. 12, 40, 65, 66, 88, 109, 153

Юмагузино, 3-е, дер. 40, 51, 54, 65, 66, 88, 109

Юмагузино, 4-е, дер. 66

Юнай Карауылы, гора 20

Я

Яик (Урал), р. 3, 5, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 30, 32, 33, 41, 42, 43, 45, 47, 54, 55, 61, 67, 71, 72, 75, 78, 79, 80, 81, 83, 85, 89, 90, 96, 97, 99, 100, 113, 129, 130, 151, 152

Ялан-Аеры, р. 109

Ялнаир, дер. 41

Ялпы, гора 32

Ял(ь)чибаева, дер. 29, 39, 41, 53, 65, 67, 68, 87, 94, 108, 109, 117, 146, 147, 149

Яльчибаево, 2-е (Әптрәш), дер. 67

Ямангасы, р. 109

Ямаш, р. 52

Янгельская, станица 85

Янтышево, дер. 21, 39, 64, 67

Янтюрино, дер. 39, 41, 67

Яныбаево, дер. 37

Яргаиш, дер. 99

Яргаиш, р. 108, 109

Ясненский, р-н 4, 78

Яутюба, дер. 38

Яутүбә, хребет 16

СОКРАЩЕНИЯ

БХИ	– Башкорт халык ижады.
ГАОО	– Государственный архив Оренбургской области.
ИБН	– История башкирского народа.
МИБ	– Материалы по истории Башкирии.
НА УНЦ РАН	– Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук.
ОУАК	– Оренбургская ученая архивная комиссия.
ЦГА РК	– Центральный государственный архив Республики Казахстан.
НА РБ	– Национальный архив Республики Башкортостан.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

Глава 1

ИСТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ И РОДОПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ БАШКИР ВОСТОЧНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ

Древнее население степей Восточного Оренбуржья в этнической истории башкир	13
Территория расселения башкирских племен	18
Динамика численности	21
Этническая история и расселение племени усерган	30
Кипчакский компонент в этногенезе башкир Восточного Оренбуржья	42
Племя тунгаур в Восточном Оренбуржье	48
Родовые подразделения башкир Восточного Оренбуржья	49
История башкирских населенных пунктов в Восточном Оренбуржье	61

Глава 2

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ БАШКИР В ВОСТОЧНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ В XV–XX ВВ.

Ногаи в Восточном Оренбуржье и их роль в этнической истории юго-восточных башкир	70
Взаимоотношения башкир с калмыками в XVII в.	74
Башкиро-казахское этнокультурное взаимодействие в Восточном Оренбуржье.	77
Взаимодействие башкир с переселенческим населением (XIX–XX вв.)	90

Глава 3
ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
БАШКИР ВОСТОЧНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ
В XVIII–XIX ВВ.

Развитие скотоводства	96
Земледелие у башкир Восточного Оренбуржья в XVIII–XIX в.	112
Традиционные хозяйственные постройки	120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	129
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	131
ЛИТЕРАТУРА.....	135
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	146
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	154
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	157
СОКРАЩЕНИЯ.....	165

Научное издание

**Абсалямова
Юлия Аликовна**

**ОРЕНБУРГСКИЕ БАШКИРЫ:
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

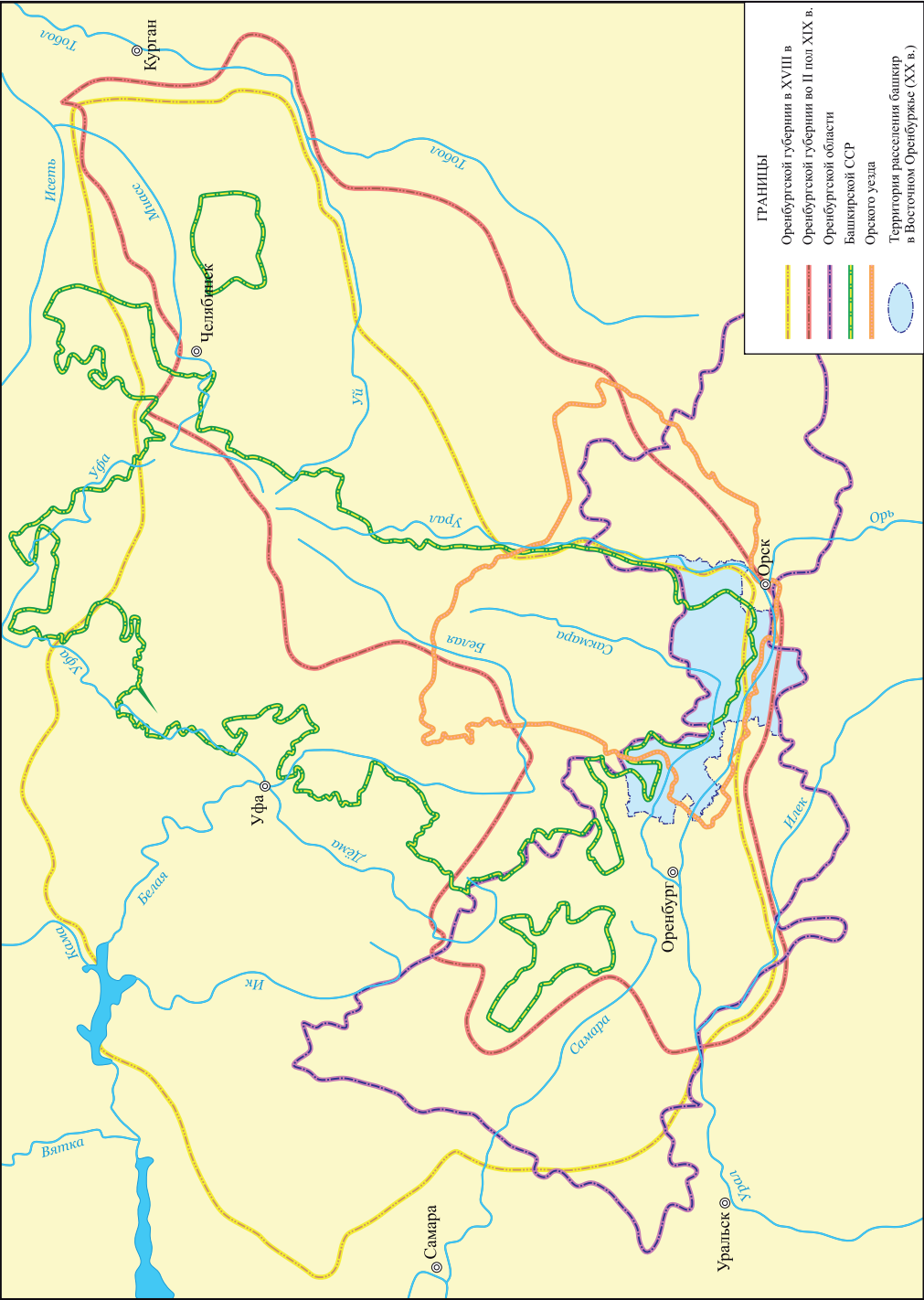
Публикуется в авторской редакции

Формат 70х100 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Palatino Linotype. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 14,95. Тираж 300 экз. Заказ 161484.

Отпечатано с предоставленных файлов.

Издательство «Мир печати»
г. Уфа, ул. Аксакова, 45.

Карта 1. Изменение административно-территориальных границ в Восточном Оренбуржье в XVIII–XX вв.

Рис. 1. Долина реки Губерли

Рис. 2. Река Губерля (с. Старохашилово Гайского района)

Рис. 3. На пастбище (с. Старохашилово Гайского района)

Рис. 4. Заготовка сена (д. Верхненазаргулово Кувандыкского района)

Рис. 5. Бревенчатый сарай (с. Старохашилово Гайского района)

Рис. 6. Плетневый забор (с. Старохашилово Гайского района)

Рис. 7. Каменный сарай (д. Ялнаир Кувандыкского района)

Рис. 8. Строительство бани (д. Верхненазаргулово Кувандыкского района)

Рис. 9. Строительство саманного дома (с. Старохашилово Гайского района)

Рис. 10. Сушка саманного кирпича

Рис. 11. Саманный дом

Рис. 12. Мечеть в д. Верхненазаргулово Кувандыкского района

Рис. 13. Обряд «аят укытыу». Мужская половина (с. Старохашилово Гайского района)

Рис. 14. Обряд «аят укытыу». Женская половина (с. Старохашилово Гайского района)

*Рис. 15. Обряд вызывания дождя. Раздача милостыни хайер
(с. Старохашилово Гайского района)*

*Рис. 16. Захоронение святого (аулия)
(с. Старохашилово Гайского района, г. Калмак-карауыл)*

Рис. 17, 18. Традиционный женский костюм
(Слева – с. Ялнаир Кувандык. р-на , справа – с. Ишкинино Гай. р-на)

Рис. 19, 20. Современный мужской костюм
(с. Старохашилово Гай. р-на)

Рис. 21, 22. Деревянная посуда (с. Старохашилово Гайского р-на. Школьный музей)

Рис. 23. Медная посуда (с. Старохашилово Гайского р-на. Школьный музей)

Рис. 24. Плетенная морда
(с. Блявтамак Кувандыкского района)

Рис. 25. Плетенное гнездо для кур

Рис. 26. Форма для саманных кирпичей (калып)
(с. Старохашилово Гайского района)

Рис. 27. Каменная мельница

Рис. 28. Казан, вмazанный в печь

Рис. 29. Летняя печь (д. Верхненазаргулово Кувандыкского района)